

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

1

2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАСКЕВИЧ А. И. – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Бабищев А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовиук П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалиук И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАСКЕВІЧ Г. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навіейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывкар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Арменія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MASKEVICH H. I. , PhD (history), docent; head of the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maskevich@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomieli, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94:355.233(476.1)«1920»

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИДСКОГО УЕЗДНОГО ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА (ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ 1920 г.)

А. В. ХОВАНСКИЙ¹⁾, С. А. ПИВОВАРЧИК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Аннотация. Исследуются создание и деятельность Лидского уездного военного комиссариата в период с июля по сентябрь 1920 г. Анализируются обстоятельства формирования комиссариата в условиях советско-польской войны и его роль в мобилизации людских и материальных ресурсов для нужд Красной армии. Раскрываются внутренняя организация комиссариата, его штатное расписание и персональный состав. Особое внимание уделяется проблемам, с которыми сталкивались сотрудники комиссариата в процессе установления советской власти на территории уезда. Отмечается, что создание Лидского уездного военного комиссариата происходило в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся острой нехваткой квалифицированных кадров, ограниченностью материальных ресурсов и нестабильностью обстановки на фронте. Делается вывод о том, что, несмотря на предпринятые меры по мобилизации и учету военнообязанных, прифронтовое положение и незавершенность формирования структуры не позволили комиссариату создать полноценную систему военного управления в уезде. В условиях сложной оперативной обстановки комиссариат прекратил свое существование.

Образец цитирования:

Хованский АВ, Пивоварчик СА. Формирование и деятельность Лидского уездного военного комиссариата (июль – сентябрь 1920 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026;1:5–15.
EDN: ERCJLR

For citation:

Khavanski AV, Pivavarchyk SA. The formation and activities of the Lidsk District Military Registration and Enlistment Office (July – September 1920). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2026;1:5–15. Russian.
EDN: ERCJLR

Авторы:

Александр Васильевич Хованский – кандидат исторических наук, доцент; доцент общевоинской кафедры военного факультета.

Сергей Аркадьевич Пивоварчик – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Authors:

Aliaksandr V. Khavanski, PhD (history), docent; associate professor at the combined arms department, military faculty.

xovanskij_av@grsu.by

Siarhei A. Pivavarchyk, doctor of science (history), full professor; professor at the department of history of Belarus, archaeology and special historical disciplines, faculty of history, communication and tourism.

pivovar@grsu.by

Ключевые слова: советско-польская война; Лидский уездный военный комиссариат; Лидский уездвоенкомат; советская власть; военное управление.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственной программы фундаментальных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.5 «Военная история как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание «Эволюция системы военного управления на территории Беларуси в 1795–1991 гг.»).

ФАРМІРАВАННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ ЛІДСКАГА ПАВЯТОВАГА ВАЕННАГА КАМІСАРЫЯТА (ЛІПЕНЬ – ВЕРАСЕНЬ 1920 г.)

А. В. ХАВАНСКИ^{1*}, С. А. ПІВАВАРЧЫК^{1*}

^{1*}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, вул. Ажэшка, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Анотацыя. Даследуюцца стварэнне і дзейнасць Лідскага павятовага ваеннага камісарыята ў перыяд з ліпеня па верасень 1920 г. Аналізуюцца абставіны фарміравання камісарыята ва ўмовах савецка-польскай вайны і яго роля ў мабілізацыі людскіх і матэрыяльных рэсурсаў для патрэб Чырвонай арміі. Раскрываюцца ўнутраная арганізацыя камісарыята, яго штатны расклад і персанальны склад. Адмысловая ўвага надаецца праблемам, з якімі сутыкаліся супрацоўнікі камісарыята падчас усталявання савецкай улады на тэрыторыі павета. Адзначаецца, што стварэнне Лідскага павятовага ваеннага камісарыята адбывалася ў вельмі неспрыяльных умовах, якія характарызуюцца вострым недахопам кваліфікаваных кадраў, абмежаванасцю матэрыяльных рэсурсаў і нестабільнасцю абстаноўкі на фронце. Робіцца выснова аб тым, што, нягледзячы на прынятыя меры па мабілізацыі і ўліку ваеннаабавязаных, прыфрантавое становішча і незавершанасць фарміравання структуры не дазволілі камісарыяту стварыць паўнацэнную сістэму ваеннага кіравання ў павеце. Ва ўмовах складанай апэратыўнай абстаноўкі камісарыят спыніў сваё існаванне.

Ключавыя словы: савецка-польская вайна; Лідскі павятовы ваенны камісарыят; Лідскі паветваенкамат; савецкая ўлада; ваеннае кіраванне.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках дзяржаўнай праграмы фундаментальных даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма 12.1 «Гісторыя», заданне 12.1.5 «Ваенная гісторыя як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», падзаданне «Эвалюцыя сістэмы ваеннага кіравання на тэрыторыі Беларусі ў 1795–1991 гг.»).

THE FORMATION AND ACTIVITIES OF THE LIDSK DISTRICT MILITARY REGISTRATION AND ENLISTMENT OFFICE (JULY – SEPTEMBER 1920)

A. V. KHAVANSKI^a, S. A. PIVAVARCHYK^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus

Corresponding author: A. V. Khavanski (xovanskij_av@grsu.by)

Abstract. This article examines the formation and activities of the Lidsk District Military Registration and Enlistment Office from July to September 1920. It analyses the conditions of the enlistment office's formation during the Soviet-Polish War and its role in mobilising human and material resources for the needs of the Red Army. The article explores the organisation, staffing, and personnel of the enlistment office. Particular attention is paid to the challenges faced by the enlistment office staff during the establishment of Soviet power in the district. It is noted that the formation of the Lidsk District Military Registration and Enlistment Office is taking place under extremely unfavorable conditions, characterised by an acute shortage of qualified personnel, limited human resources, and instability in maintaining front-line positions. It is concluded that, despite the measures taken to mobilise and register conscripts, the front-line location and the incompleteness of its structure prevent the enlistment office from establishing a fully-fledged military command system in the district. Under constant surveillance, the enlistment office's existence was limited.

Keywords: Soviet-Polish War; Lidsk District Military Registration and Enlistment Office; Soviet power; military command.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the state scientific research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» for 2021–2025 (subprogramme 12.1 «History», task 12.1.5 «Military history as a factor in ensuring humanitarian security of the Belarusian society», subtask «Evolution of the military command system on the territory of Belarus in 1795–1991»).

Введение

Летом 1920 г. Западная Беларусь переживала сложный период становления советской государственности в условиях польской интервенции и социально-политической нестабильности. В этих обстоятельствах были необходимы жесткая централизация управления и организация максимально гибких органов власти. Губернские, уездные и волостные военные комиссариаты играли одну из ключевых ролей в системе государственной безопасности, не только выполняя традиционные мобилизационные функции, но и выступая важным инструментом военно-административного контроля на местах. В отличие от Восточной Беларуси, где формирование военных комиссариатов началось уже в 1918–1919 гг. в рамках довольно четкой административной иерархии, в западных регионах образование этих структур было запоздалым и более сложным. Причиной тому являлось отсутствие советской администрации, что было прямым следствием предшествующей немецкой оккупации и продолжающейся советско-польской войны. Таким образом, становление органов местного военного управления в Западной Беларуси летом 1920 г. происходило в условиях значительных трудностей и требовало оперативного решения множества организационных и управленческих задач.

Исторический опыт деятельности военных комиссариатов 1920 г. в современном контексте приобретает особую актуальность. В условиях новых вызовов национальной безопасности военные комиссариаты продолжают оставаться важным звеном в системе обороноспособности государства. Можно отметить, что сегодня, как и в 1920 г., эти структуры выполняют не только сугубо военные, но и важные социально-политические функции, выступая связующим звеном между армией и обществом.

Историография вопроса фрагментарна, она требует серьезного дополнения. В советской историографии военное строительство часто представлялось сквозь призму идеологических установок, при этом делался упор на «революционные» изменения¹ [1; 2]. Отдельные аспекты деятельности советских органов, в частности, их роль в укреплении Красной армии в период советско-польской войны, были определены П. А. Селивановым [3]. Несмотря на значительный вклад современных специалистов в области истории Беларуси и России в изучение истории военных комиссариатов, включая работы, посвященные различным аспектам их создания и функционирования, процесс формирования этих структур в Западной Беларуси остается практически неизученным [4–6]. В труде польских историков М. Цеплевича и П. Ставецкого это событие рассматривается преимущественно через призму борьбы с большевиками, что существенно ограничивает объективность его оценки [7]. В монографии Н. Дэвиса, посвященной советско-польской войне 1919–1920 гг., представлен комплексный анализ военных действий, политических и дипломатических усилий, определявших этот период [8].

Целью настоящего исследования выступило выявление особенностей формирования и функционирования Лидского уездного военного комиссариата в 1920 г. как важного компонента местной военно-административной системы. Для достижения указанной цели был раскрыт процесс организационного становления Лидского уездного военного комиссариата в прифронтовых условиях; определены структура и основные направления его деятельности; выявлены особенности реализации мобилизационных и административных функций.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, объединяющий традиционные методы исторической науки и современные методики анализа архивных источников. Центральное место в работе занимает принцип историзма, позволивший интерпретировать функционирование Лидского уездного военного комиссариата в тесной связи с военно-политической ситуацией 1920 г. Генетический метод, примененный к анализу, дал возможность реконструировать процесс эволюции комиссариата от момента его учреждения до завершения деятельности и выявить ключевые факторы, детерминировавшие траекторию развития данного учреждения.

Сравнительно-исторический анализ, проведенный в рамках исследования, позволил установить специфические черты функционирования Лидско-

го уездного военного комиссариата в контексте деятельности аналогичных институций в сопредельных регионах, что дало возможность отличить универсальные характеристики советской военной администрации от локальных особенностей, обусловленных конкретными условиями. Структурно-функциональный подход обеспечил детальное изучение внутренней организации комиссариата, распределения компетенций между его подразделениями и механизмов взаимодействия с другими властными структурами. Институциональный анализ, дополняющий этот подход, позволил рассмотреть комиссариат как ключевой элемент системы военного управления в период трансформаций.

Работа с документальными источниками осуществлялась посредством применения методов критического анализа, направленных на верификацию

¹Самуйлов В. И. Устройство вооруженных сил республики : лекции, чит. В. И. Самуйловым на ускор. курсе Акад. Ген. штаба Раб.-крест. Крас. армии в 1918/19 учеб. г. Петроград : Воен. тип., 1919. 131 с.

документов, оценку их информативности и выявление потенциальных искажений. Текстологический анализ делопроизводственной документации позволил реконструировать повседневную практику комиссариата, а статистические методы обработки данных дали возможность количественно оценить различные аспекты его деятельности. Применение микроисторического метода к конкретному уездному учреждению обеспечило выявление общих закономерностей формирования местных органов военного управления.

Результаты и их обсуждение

После прорыва Западного фронта в начале июля 1920 г. советские войска перешли в стремительное наступление на запад. Освобождение ряда стратегически важных населенных пунктов позволило значительно расширить контролируемую территорию Беларуси. Важную роль в этом продвижении сыграла 3-я армия, подразделения которой 19–20 июля 1920 г. заняли Лидский уезд. Сразу после установления контроля над уездом началось формирование советских органов власти, в том числе уездного военного комиссариата².

В 1920 г. военные комиссариаты заменили военные отделы, действовавшие при местных советах, «унаследовав» от них ответственность за выполнение военных задач на местах. Это преобразование способствовало переходу от децентрализованной и разрозненной системы к многоуровневой системе местного военного управления, охватывающей губернский, уездный и волостной уровни. Основными задачами военных комиссариатов стали учет военнообязанных, организация призывов, формирование воинских частей и управление войсками. Одним из ключевых изменений выступило создание четкой вертикали подчинения: волостные комиссариаты подчинялись уездным комиссариатам, а те, в свою очередь, – губернским комиссариатам. Эта иерархическая структура обеспечила единое командование и координацию военных ресурсов на местах, что значительно повысило эффективность военно-административного управления [1, с. 85–86].

Процесс создания Лидского уездного военного комиссариата (далее – уездвоенкомат) разворачивался на фоне территориальных разногласий Советской России с Литвой и активных боевых действий на западных границах. Сложная правовая ситуация в Лидском уезде летом 1920 г. определялась противоречием международных обязательств Советской России с реалиями военно-административного управления. Советско-литовский договор от 12 июля 1920 г., зафиксировавший передачу Лиды

Исследование базируется на широком спектре архивных материалов, включающих организационно-распорядительную документацию, деловую переписку и статистические отчеты. Комплексное применение методологических подходов позволило осуществить всестороннее изучение как формальной структуры комиссариата, так и практических аспектов его функционирования, преодолеть фрагментарность источниковой базы и сформировать целостное представление о деятельности данного военно-административного учреждения в переломный период истории.

и прилегающих территорий Литовской Республике (ст. 2), вступил в коллизию с фактическим продолжением советского административного строительства в регионе. Это противоречие отражало характерный для раннего советского периода правовой дуализм: революционная целесообразность часто превалировала над формальными юридическими нормами³ [9, с. 40].

Формирование Лидского уездвоенкомата происходило в контексте советизации Западной Беларуси летом 1920 г. После установления советской власти в Лидском уезде в соответствии с приказом Революционного военного совета Западного фронта от 18 июля 1920 г. № 0147 «О создании временных военных комиссариатов на освобожденных территориях» политический отдел 3-й армии приступил к организации уездвоенкомата. Согласно документу военными комиссариатами управлял Революционный военный совет Западного фронта через политотделы армий. Военные комиссариаты выполняли следующие основные задачи: 1) установление и укрепление советской власти; 2) организация мобилизационной работы; 3) борьба с контрреволюционными элементами; 4) обеспечение снабжения войск. В частности, комиссариат должен был осуществлять учет военнообязанных, формировать добровольческие отряды из местного населения, организовывать сбор оружия и боеприпасов, поддерживать общественный порядок и обеспечивать снабжение воинских частей. Несмотря на то что приказ предписывал создавать военные комиссариаты в течение 48 часов после занятия уездного центра частями Красной армии, формирование уездвоенкомата в Лиде было завершено позднее установленного срока (на рубеже июля – августа 1920 г.). Задержка могла быть обусловлена сложной оперативной обстановкой и дефицитом квалифицированных кадров. Однако наиболее вероятной причиной представляется особый правовой статус территории, формально переданной Литве. Этот статус с его потенциальными

²Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. : сб. док. и материалов : в 2 т. / сост.: Т. Ф. Каряева [и др.]. Минск : Беларусь, 1971. Т. 2 : Февраль 1919 г. – 1920 г. С. 385.

³Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. М. : [б. и.], 1943. С. 746.

юридическими коллизиями и неопределенностью в отношении применимых правовых норм мог создать условия, препятствующие своевременному выполнению приказа⁴ [9, с. 41].

В соответствии с нормативными документами уездвоенкомат возглавлял уездный военный комиссар (далее – уездвоенком), непосредственно подчинявшийся губернскому военному комиссару (далее – губвоенком). Уездвоенком являлся высшим представителем военной власти в уезде, осуществлявшим руководство деятельностью волостных комиссариатов, подчиненных войсковых частей, управлений и учреждений военного ведомства, а также контроль над ней. Наделенный правами командира бригады, он также исполнял обязанности начальника гарнизона на месте дислокации. В сферу ответственности уездвоенкома входило обеспечение надлежащего состояния подчиненных подразделений и своевременное исполнение ими приказов вышестоящего командования. Кроме того, он отвечал за оповещение населения о мобилизационных мероприятиях, ведение учета военнообязанных, организацию призыва и обеспечение поставки необходимых ресурсов⁵.

Помощник уездвоенкома, являясь заместителем, отвечал за политико-воспитательную работу и подчинялся непосредственно уездвоенкому. В его компетенцию входило руководство военно-политическими и агитационно-просветительскими органами в подведомственных частях и учреждениях [2, с. 64].

Оперативное управление уездвоенкоматом осуществлял военный руководитель (далее – военрук), координировавший работу мобилизационного отдела, отдела снабжения, отдела всеобща и канцелярии. Обладая правами начальника штаба бригады, он обеспечивал исполнение военного законодательства и приказов командования (уездвоенкома). Таким образом, система управления уездвоенкоматом строилась на принципах единоначалия и предполагала четкое разделение функций между политическим руководством (помощник уездвоенкома) и военно-административным управлением (военрук), что обеспечивало эффективную реализацию задач военного строительства на местах⁶.

Вопрос о точной дате основания Лидского уездвоенкомата остается дискуссионным. С одной стороны, приказ № 1 уездвоенкомата, датированный 29 июля 1920 г., подтверждает его существование на тот момент. В этот день приказом Революцион-

ного военного совета 3-й армии № 184 Сосновский был назначен исполняющим обязанности уездвоенкома и начальником гарнизона Лиды, а Васильевский – начальником военной части⁷. С другой стороны, предписание от 27 июля 1920 г., полученное из Виленского губернского военного комиссариата (далее – губвоенкомат), указывает на назначение В. Н. Медведева временно исполняющим обязанности Лидского уездвоенкома. Более того, в отчете самого уездвоенкомата указано, что комиссариат «организовался и начал функционировать с 1-го августа 1920 г.»⁸. В связи с этим представляется обоснованным разграничивать юридическое оформление уездвоенкомата, произошедшее 29 июля 1920 г., и фактическое начало его деятельности, датируемое 1 августа 1920 г.

Так, 1 августа 1920 г. В. Н. Медведев прибыл в Лиду и в тот же день официально принял дела и должность от своего предшественника, Сосновского. Примечательно, что в приемно-сдаточной ведомости было зафиксировано отсутствие каких-либо денежных средств, военного имущества или продовольствия, переданных от прежнего уездвоенкома. Одновременно этим же предписанием на должность помощника уездвоенкома был назначен А. Н. Кузьмич, а на должность военрука – А. М. Бизюков⁹.

Первоначально формирование Лидского уездвоенкомата осуществлялось Виленским губвоенкоматом. Это обстоятельство было обусловлено территориальной принадлежностью Лидского уезда к Виленской губернии. Ситуация кардинально изменилась в конце августа 1920 г.¹⁰ Поражение Красной армии под Варшавой стало переломным моментом в войне. Советские войска начали отступление, а польская армия перешла в контрнаступление, создавая угрозу окружения советских частей, дислоцированных на территории Литвы. Литовская армия, воспользовавшись ослаблением Красной армии, начала продвижение к Вильно, настаивая на выполнении советской стороной взятых на себя 12 июля 1920 г. обязательств [8, р. 188].

В этих условиях 6 августа 1920 г. в Каунасе была подписана военная конвенция, согласно которой советские войска должны были покинуть Вильно до 1 сентября 1920 г. Стремительное наступление польской армии ускорило процесс передачи города литовской стороне. Геополитические трансформации, произошедшие в регионе, повлекли за собой

⁴Приказ Революционного военного совета Западного фронта № 0147 «О создании временных военных комиссариатов на освобожденных территориях» // Рос. гос. воен. арх. (РГВА). Ф. 6. Оп. 4. Д. 167. Л. 34–35.

⁵Положение и штаты губернских, уездных и волостных военных комиссариатов : офиц. изд. моб. упр. Всерос. гл. штаба. М. : Моб. упр. Всерос. гл. штаба, 1919. С. 29.

⁶Там же. С. 34.

⁷Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // Гос. арх. Гродн. обл. (ГАГО). Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 об.

⁸Там же. Л. 54.

⁹Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹⁰Там же. Л. 3.

изменение границ и юрисдикции территорий, находившихся в ведении военных комиссариатов. Одним из непосредственных следствий этих изменений стало расформирование Виленского губвоенкомата. В результате Лидский уездвоенкомат был переведен в подчинение Минскому губвоенкомату¹¹ [10, с. 171].

Уездвоенкомат представлял собой сложный административно-военный организм, сочетавший в своей структуре различные функциональные подразделения. Комиссариаты подразделялись на три разряда, классифицируемые в зависимости от размера подведомственной территории и плотности населения. Разряд комиссариата определял количество штатных сотрудников. Штатное расписание Лидского уездвоенкомата было сформировано по второму разряду, предусматривавшему наличие 58 сотрудников. При уездвоенкомате были созданы следующие подразделения: канцелярия (общий отдел), мобилизационный отдел и отдел снабжения¹².

Центральное место в аппарате управления занимала канцелярия комиссариата, выполнявшая роль штаба и осуществлявшая общее строевое управление. Она, будучи приравненной по статусу к строевой части отдельной войсковой единицы, ведала организацией службы личного состава, подведомственными войсками и учреждениями, а также кадровой работой¹³.

Функциональные подразделения включали мобилизационный отдел, ответственный за всесторонний учет людских и материальных ресурсов, организацию призывных мероприятий и проведение мобилизационной подготовки уезда. Отдел снабжения, приравненный по статусу к хозяйственной части полка, осуществлял материально-техническое обеспечение как самого комиссариата, так и подчиненных воинских частей, а также занимался социальной поддержкой семей военнослужащих. Такая структура, основанная на четком разделении полномочий между отделами, обеспечивала комплексное решение задач военного строительства на местах¹⁴.

Анализ архивных документов позволяет выявить некоторые отклонения от стандартной структуры организации Лидского уездвоенкомата. В отличие от большинства аналогичных учреждений здесь не удалось создать ряд структурных подразделений, предусмотренных штатным расписанием. Прежде всего отсутствовало комендантское управление, которое в других уездах обеспечивало поддержание военно-

го порядка в городе. Также не были сформированы агитационно-просветительный отдел, который вел политическую работу в войсках и пропаганду среди гражданского населения, и отдел всеобщего, в функции которого входили военная подготовка и патриотическое воспитание¹⁵. Отмеченные отклонения были определены следующими факторами: 1) непродолжительностью периода функционирования комиссариата; 2) нехваткой квалифицированных специалистов, необходимых для организации специализированных отделов; 3) прифронтовым положением города, обусловившим дислокацию в нем воинских частей и возложение на их командование комендантских функций; 4) этнической неоднородностью населения, вызывавшей недоверие со стороны центральных властей; 5) спецификой военного строительства, сложившейся в начале 1920-х гг. В этот период структура военных комиссариатов формировалась преимущественно на основе практического опыта и профессиональных компетенций руководящего состава, а не в строгом соответствии с действующей нормативно-правовой базой. Несмотря на более совершенную организационную структуру, Волковысский уездвоенкомат также не отвечал установленным в штатах нормам. Первоначально его отделы были сформированы произвольно, без соответствующих указаний и инструкций. В состав комиссариата входили канцелярия, отдел снабжения, мобилизационный отдел, отдел политпросвета, отдел всеобщего, пересыльный пункт, комендантское управление, управление этапного коменданта, отдел военрука и отдел караульной роты (далее – каррота).

Первоначальный штат учреждения состоял лишь из 32 сотрудников. В августе 1920 г. уездвоенкомат не достиг полной штатной численности из-за дефицита квалифицированных писарей, обладающих опытом военной службы и знанием военного делопроизводства. Эта кадровая проблема негативно влияла на эффективность работы учреждения на протяжении всего периода его функционирования. В донесении В. Н. Медведева подчеркивалось, что отсутствие делопроизводителей и их помощников в комиссариате задерживает «срочное исполнение работ»¹⁶. Столкнувшись с нехваткой кадров, уездвоенкомат направил запрос в губвоенкомат в целях получения разрешения на укомплектование вакантных должностей за счет призываемых на службу бывших военных чиновников¹⁷.

¹¹Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

¹²Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // Там же. Д. 4. Л. 54.

¹³Положение и штаты губернских, уездных и волостных военных комиссариатов : офиц. изд. моб. упр. Всерос. гл. штаба. М. : Моб. упр. Всерос. гл. штаба, 1919. С. 35.

¹⁴Самуйлов В. И. Устройство вооруженных сил республики : лекции, чит. В. И. Самуйловым на ускор. курсе Акад. Ген. штаба Раб.-крест. Крас. армии в 1918/19 учеб. г. Петроград : Воен. тип., 1919. С. 62.

¹⁵Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.

¹⁶Там же. Л. 35.

¹⁷Там же. Л. 43.

Каррота при уездвоенкомате начала формироваться 3 августа 1920 г. Первоначально в ее составе числились 18 человек, направленных комендантом Лиды. В связи с этим предусмотренную штатом карроту при лидском военкомате фактически следует считать караульным взводом (далее – карвзвод). К середине августа 1920 г. его численность была доведена до 50 человек. Карвзвод комплектовался добровольцами, пополнявшими его ряды, и красноармейцами, ранее находившимися в польском плену и впоследствии бежавшими из него. В то же время остро стояла проблема обеспечения личного состава вещевым имуществом. Несмотря на усилия уездвоенкома, приложенные для решения этой проблемы, обеспечить карвзвод необходимым обмундированием так и не удалось. Причиной тому являлось отсутствие соответствующих запасов как на местных, так и на армейских складах: «Обмундирование на нем и обуви совсем не имеется, все старания уездвоенкомата на предмет их обмундирования пока ни к чему не привели»¹⁸. Медицинское обеспечение личного состава карвзвода осуществлялось полевыми медицинскими учреждениями, в частности, 198-м эвакуационным пунктом¹⁹.

Формирование пересыльного и сборного пунктов для мобилизованных и временно освобожденных от службы по причине болезни жителей уезда на базе военкомата началось 12 августа 1920 г. Для размещения личного состава было выделено помещение, рассчитанное на 100 человек. В целях удовлетворения бытовых нужд был оборудован очаг и установлен котел для кипячения воды, а также организована кухня, способная обеспечить питанием 80 человек. На начальном этапе функционирования пункты столкнулись с серьезной нехваткой кадров. Несмотря на утвержденный штат в количестве 15 сотрудников, в момент открытия пунктов их работу фактически обеспечивал лишь один заведующий. Тем не менее в течение августа 1920 г. через пересыльный и сборный пункты прошли около 200 человек²⁰.

В период мобилизации борьба с дезертирством выступала одной из приоритетных задач военных комиссариатов. Правовой основой для противодействия этому явлению служило постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве», которое положило начало созданию Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. В ходе развития положений постановления 25 янва-

ря 1919 г. был издан приказ об организации губернских и уездных комиссий при соответствующих военных комиссариатах, что привело к формированию сети комиссий на местах. Деятельность уездных комиссий по борьбе с дезертирством на территории Беларуси регламентировалась приказом Окружной комиссии по борьбе с дезертирством Западного военного округа от 7 октября 1919 г. № 31²¹.

Виленская губернская комиссия по борьбе с дезертирством была сформирована 27 июля 1920 г. Уже на следующий день приказом № 2 губернская комиссия по борьбе с дезертирством предписала Лидскому уездвоенкомату организовать уездную комиссию по борьбе с дезертирством в соответствии с утвержденным временным штатом²².

В августе 1920 г. в Лиде начались подготовительные мероприятия по организации уездной комиссии по борьбе с дезертирством. Структура комиссии, согласно временному штату, была иерархической: председателем назначался непосредственно уездвоенком, а его заместителю поручалось оперативное руководство деятельностью комиссии. Помимо руководящего состава, в штат входили два члена комиссии, управляющий делами, три делопроизводителя, два переписчика и посыльный. Один член комиссии ведал следствием по делам о дезертирстве и размещением дезертиров. Второй член комиссии отвечал за оперативно-политическую работу (сбор информации, облавы, агитацию и проведение профилактики дезертирства), в том числе за обеспечение семей красноармейцев. Канцелярия вела делопроизводство и учет дезертиров. Однако из-за отсутствия нужного ответственного состава сотрудников комиссия по борьбе с дезертирством в уезде так и не начала свою работу²³.

В Лидском уездвоенкомате прилагались целенаправленные усилия для оптимизации работы отдела снабжения. Осознавая ключевую роль снабжения в обеспечении боеготовности, сотрудники отдела стремились к достижению максимальной эффективности его функционирования. Велся поиск оптимальных логистических схем, тщательно изучалась документация, налаживалось взаимодействие с другими подразделениями и внешними организациями. Заведующему отделом снабжения было поручено организовать сбор военного имущества, включавшего оружие, обмундирование, седла и прочее снаряжение, которое было оставлено как

¹⁸ Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

¹⁹ Там же. Л. 50.

²⁰ Положение и штаты губернских, уездных и волостных военных комиссариатов : офиц. изд. моб. упр. Всерос. гл. штаба. М. : Моб. упр. Всерос. гл. штаба, 1919. С. 42 ; Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

²¹ Витебский губернский военный комиссариат окружного военкомата Западного военного округа, г. Витебск // Гос. арх. Витеб. обл. Ф. 1582. Оп. 1. Д. 230. Л. 43–44.

²² Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

²³ Там же. Л. 8.

польскими, так и красноармейскими частями. Часть собранного оружия и седел была впоследствии передана в распоряжение карвзвода²⁴.

Администрация военного комиссариата проводила работу по размещению подведомственных подразделений, однако процесс не был завершен в полном объеме. Высокая концентрация воинских частей и учреждений в городе создала значительные трудности при поиске подходящих помещений. В результате подразделения были размещены в трех зданиях, расположенных на ул. Дворянской (дома 2, 13 и 15)²⁵.

В августе 1920 г. в Лиде остро стояла проблема нехватки помещений, пригодных для размещения военно-административных органов. Согласно докладу уездвоенкома ситуация усугублялась тем, что войсковые части часто игнорировали нужды и распоряжения местных властей. В частности, этапный комендант, вопреки неоднократным обращениям, самовольно занял помещение, подготовленное военным комиссариатом под пересыльный и сборный пункты. Более того, предъявив ордер от армейской квартирной комиссии, он разместился в части здания мобилизационного отдела уездвоенкомата и впоследствии потребовал его полного освобождения. Подобные инциденты свидетельствуют о недостаточной координации между различными военными структурами в уезде²⁶.

Обеспечение продовольствием личного состава уездвоенкомата, карвзвода и военнослужащих, проходивших через пересыльный и сборный пункты, было приоритетной задачей отдела снабжения. Однако реализация этой задачи осложнялась скудными местными ресурсами и отсутствием запасов на складах районного продовольственного комитета. Нехватка тягловой силы, в частности лошадей, еще больше ограничивала возможности использования даже тех немногих местных источников продовольствия, которые были доступны. В результате лица, временно размещавшиеся в пересыльном и сборном пунктах, получали скудное питание, состоявшее из хлеба, рыбы и кипятка²⁷.

Неэффективная система почтовой и телеграфной связи серьезно препятствовала нормальной работе военно-административных органов. Использование частного транспорта для доставки почты в преде-

лах уезда приводило к существенным сложностям. Реквизиция подвод военными частями усугубляла проблему, приводя к срыву графиков доставки и дезорганизации связи. Задержки в доставке корреспонденции, включая телеграммы, подрывали оперативность управления. Например, отправленная из Минского губвоенкомата 29 августа 1920 г. телеграмма № 1627 была получена в Лидском уездвоенкомате лишь 15 сентября 1920 г., т. е. с задержкой в 18 дней²⁸.

За период деятельности уездвоенкомата его подразделения осуществили комплекс мероприятий, направленных на налаживание военно-административной работы. В рамках строительства вертикали аппарата управления были разосланы распоряжения о преобразовании волостных военных отделов при революционных комитетах в комиссариаты. К началу сентября 1920 г. половина волостных военных отделов (12 из 23) подтвердили свою реорганизацию. Для обеспечения четкого взаимодействия с низовыми структурами было отправлено циркулярное письмо, подчеркивающее обязательность исполнения указаний уездвоенкомата. Также были разработаны анкеты для сотрудников²⁹.

Волостные военные комиссариаты (далее – волвоенкоматы) Лидского уезда представляли собой низовое звено системы военного управления. Подчиняясь непосредственно Лидскому уездвоенкомату, они осуществляли комплекс важнейших функций по обеспечению мобилизационной готовности на местном уровне. Основная деятельность волвоенкоматов велась по двум ключевым направлениям – военно-учетной работе (ведение персонального учета призывников и лиц, годных к военной службе) и материально-техническому обеспечению (учет и мобилизация конского поголовья, перевозочных средств и упряжи)³⁰.

Штатная структура волвоенкоматов, первоначально установленная приказом Революционного военного совета Республики от 28 декабря 1918 г. № 484 «О новом положении и штате волостного военного комиссариата», претерпела изменения в ходе организационных преобразований 1919 г. Первоначальный штат включал военного комиссара, военного руководителя (должность упразднена 3 июля 1919 г.), делопроизводителя и переписчика³¹.

²⁴Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

²⁵Там же. Л. 2.

²⁶Там же. Л. 38.

²⁷Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.

²⁸Там же. Л. 38, 58.

²⁹Приказы РВС 15 армии и доклады председателя Лидского уездного ревкома о деятельности ревкома // РГВА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 120. Л. 7–8.

³⁰Самуйлов В. И. Устройство вооруженных сил республики : лекции, чит. В. И. Самуйловым на ускор. курсе Акад. Ген. штаба Раб.-крест. Крас. армии в 1918/19 учеб. г. Петроград : Воен. тип., 1919. С. 66.

³¹Там же. С. 67.

Деятельность этих учреждений осложнялась нехваткой квалифицированных кадров (особенно после упразднения должности военрука), сопротивлением части местного населения мобилизационным мероприятиям, а также трудностями с учетом населения, подлежащего мобилизации, в условиях быстро меняющейся военной обстановки. Тем не менее именно волвоенкоматы стали тем звеном, которое обеспечивало практическую реализацию мобилизационной политики советской власти на низовом уровне, играя ключевую роль в создании системы всеобщей воинской повинности в регионе³².

Мобилизационный отдел проводил регистрацию офицеров и гражданских чиновников, проживающих в городе и в уезде, а также медицинских и ветеринарных работников. Волостным администрациям было поручено вести учет служивших в польской армии лиц, оставшихся в уезде. Кроме того, осуществлялась регистрация бывших унтер-офицеров, чиновников, медицинских и ветеринарных фельдшеров, офицеров и юнкеров, проживающих на территории уезда³³. Параллельно проводилась кампания по возвращению дезертиров, сочетавшая призывы к добровольной явке с предупреждениями о возможном применении санкций³⁴.

При уездвоенкомате функционировала партийная ячейка, являвшаяся структурным подразделением Лидской уездной организации КП(б)Б. Однако основная политико-воспитательная работа среди красноармейцев в уезде осуществлялась политотделами Красной армии. Взаимодействие между партийной ячейкой уездвоенкомата и уездным бюро КП(б)Б отличалось сложностью и противоречивостью. В частности, отмечалось, что члены партийной ячейки, пользуясь определенной автономией военного комиссариата и ощущая недостаточный контроль со стороны уездного бюро, не всегда считали себя обязанными следовать его указаниям. В целом партийная работа в уезде характеризовалась «малой продуктивностью и общей слабостью»³⁵. Объективными причинами этого являлись кратковременность функционирования уездного бюро КП(б)Б (фактически менее месяца), малочисленность городской партийной организации и недостаток опытных партийных работников³⁶.

Проведение мобилизационных мероприятий, включая учет и регистрацию военнообязанных, представляло собой серьезную проблему для местных органов военного управления. Успешное выполнение этих задач требовало значительных усилий по мобилизации ресурсов, поскольку ощущался острый дефицит необходимых материалов. Нехватка бумаги, организационной техники и элементарных канцелярских принадлежностей существенно затрудняли работу. Первоначально потребность в бумаге частично покрывалась за счет использования невос требованных польских книг, оказавшихся в распоряжении уездвоенкомата, однако этот источник был быстро исчерпан. Остроту проблемы подчеркивал в своем докладе лидский уездвоенком: «...для учета военнообязанных и лошадей по уезду требуется изготовить бланки, на что необходимо более ста тысяч листов бумаги. Без бланков проведение учета невозможно»³⁷.

В августе 1920 г. военно-политическая обстановка в уезде характеризовалась нарастающей напряженностью. Деятельность польской контрразведки, проявлявшаяся в распространении дезинформации, подстрекательской агитации, совершении диверсий на складах и объектах транспортной инфраструктуры (включая подрывы железнодорожных мостов и повреждение линий связи), а также в насильственных действиях против мирного населения, дестабилизировала ситуацию в регионе [11, с. 74]. Параллельно с этим в ряде волостей активизировались группы, подстрекавшие местное население к сопротивлению советской власти. Фактором, усугубившим ситуацию, стало введение литовских войск на территорию уезда. Литовская армия заняла северо-западные волости, включая Беняконскую, Александровскую, Эйшишскую и частично Новодворскую, Остринскую, Дембровскую и Мытлянскую волости. На занятых территориях литовские военные распустили волостные революционные комитеты, арестовали их членов и изъяли документацию. Эти действия спровоцировали панику в остальных волостях уезда, не находившихся в литовской оккупации. Председатели волостных революционных комитетов обращались к уездным властям с просьбами о помощи и требовали применения принудительных мер

³² Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 56 ; Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // Там же. Д. 1. Л. 15.

³³ Списки красноармейцев, уволенных по болезни из воинских частей, проходные свидетельства и удостоверения красноармейцев // Там же. Д. 3. Л. 3–5.

³⁴ Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // Там же. Д. 4. Л. 54.

³⁵ Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. : сб. док. и материалов : в 2 т. / сост.: Т. Ф. Каряева [и др.]. Минск : Беларусь, 1971. Т. 2 : Февраль 1919 г. – 1920 г. С. 531.

³⁶ Доклад о партийном строительстве в Лидском уезде // Гос. арх. обществ. об-ний Гродн. обл. Ф. 6194. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–38 об.

³⁷ Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.

для поддержания порядка среди населения. Однако уездвоенкомат не имел возможности оказать необходимую поддержку из-за острой нехватки ресурсов. В частности, критической оставалась проблема обеспечения обмундированием 50 бывших в военном плену красноармейцев, которые по-прежнему его не имели³⁸.

Необычный инцидент произошел, когда литовские военнослужащие задержали помощника уездвоенкома, инспектировавшего волвоенкоматы в уезде. Помимо конфискации транспортного средства (лошадь с коляской), личного оружия и денежных средств, у задержанного была отобрана обувь. После угроз он был освобожден³⁹.

В результате оккупации части уезда литовскими войсками ряд приказов, изданных уездвоенкоматом, остались неисполненными. В частности, не удалось в полной мере осуществить мобилизацию командного состава и работников административно-хозяйственной сферы. Ограниченное распространение информации о мобилизации по всему уезду обусловило крайне низкие темпы ее реализации. Для исправления данной ситуации и предотвращения распространения провокационных слухов о возможной отмене мобилизации было выпущено повторное уведомление, в котором подчеркивалась необходимость явки всех лиц, подлежащих мобилизации⁴⁰.

В сложившейся обстановке деятельность Лидского уездвоенкомата была существенно затруднена, что негативно сказывалось на его способности эффективно выполнять поставленные задачи. В качестве мер по улучшению работы и обеспечению своевременного и точного исполнения распоряжений губвоенкомата Лидский уездвоенкомат предложил усилить учреждение двумя взводами красноармейцев для несения караульной службы; обеспечить сотрудников необходимым количеством лошадей (с учетом текущего дефицита конного состава) для повышения их мобильности и оперативности выполнения задач⁴¹.

В соответствии с директивой Минского губвоенкомата от 21 августа 1920 г. и приказом Лидского уездвоенкомата от 7 сентября 1920 г. предписывалось незамедлительно начать подготовку к систематическому учету всего поголовья лошадей и жеребят

в уезде вне зависимости от их возраста и военномобилизационного потенциала. В целях реализации этих директив была сформирована уездная учетно-конская комиссия и разработан план проведения всеобщей переписи лошадей в Лидском уезде. В состав уездной учетно-конской комиссии входили представители от каждого волвоенкомата. Именно волвоенкоматы отвечали за решение всех организационных вопросов (предоставление транспорта, помещений и всего необходимого для работы комиссии на местах)⁴².

Для учета лошадей, необходимых армии, был разработан комплекс мероприятий, который включал несколько этапов. Первым этапом было формирование списков владельцев лошадей. Волвоенкоматы давали сельским комитетам указание составить подробные поименные списки, в которых указывалось, сколько лошадей, включая жеребят, принадлежит каждому хозяину. Председатели сельских комитетов несли персональную ответственность за точность этих списков. В день работы уездной учетно-конской комиссии они были обязаны предоставить списки для сверки. На втором этапе данные списков сравнивались с реальным количеством лошадей, доставленных на сборные пункты. Чтобы не отрывать крестьян от важных сельскохозяйственных работ надолго, Лидский уезд разделили на пять станочных пунктов. В соответствии с графиком 24 сентября комиссия работала в Лиде, 26 сентября – в Гончарах, 30 сентября – в Щучине, 4 октября – в Василишках и 7 октября – в Эйшишках⁴³.

Поражение под Варшавой в середине августа 1920 г. оказало крайне негативное влияние на состояние войск Западного фронта, спровоцировав их отступление. Военные действия вновь развернулись на территории Беларуси. Во второй половине сентября линия фронта приблизилась к Лидскому уезду, а 30 сентября 1920 г. польские войска внезапно захватили Лиду. Это событие прервало советское военное строительство в регионе. Стремительное наступление польской армии на Лиду оказалось неожиданным для советской военно-политической администрации, что привело к дезорганизованному отступлению⁴⁴.

³⁸ Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4. Л. 38 об.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // ГАГО. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁴¹ Доклады Лидского уездвоенкомата о состоянии дел в уезде, работе военкомата Лидского уезда и переписка с губернским военкоматом по этим вопросам // Там же. Д. 4. Л. 38 об.

⁴² Приказы Виленской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, временное положение о военном делопроизводстве, штатные расписания пересыльных пунктов и уездных военных комиссариатов // Там же. Д. 1. Л. 11.

⁴³ Приказы и циркуляры административно-мобилизационного округа Мингубвоенкомата и Лидского уездного военкомата о планомерном проведении учета лошадей // Там же. Д. 2. Л. 29.

⁴⁴ Борьба за советскую власть в Белоруссии, 1918–1920 гг. : сб. док. и материалов : в 2 т. / сост.: Т. Ф. Каряева [и др.]. Минск : Беларусь, 1971. Т. 2 : Февраль 1919 г. – 1920 г. С. 480.

Заключение

В отличие от восточных областей Беларуси развёртывание системы военного строительства в западном регионе началось позже и отличалось рядом специфических особенностей. Кратковременное существование Лидского уездвоенкомата (август – сентябрь 1920 г.) не позволило ему стать полноценной частью общей военной структуры. Несмотря на незавершённость формирования структуры уездвоенкомата и эпизодический характер его деятельности, были предприняты первые шаги в мобилизации и учёте военнообязанных. Работа комиссариата протекала в крайне сложных условиях, определённых острым дефицитом кадров и ресурсов, а так-

же непосредственной близостью к линии фронта, что негативно сказывалось на его эффективности. Спецификой Лидского уездвоенкомата являлось его прифронтовое расположение, требующее не только административной работы, но и тесного взаимодействия с многочисленными воинскими частями, размещёнными в уезде. В условиях сложной военно-политической обстановки комиссариат прекратил свое существование, не успев сформировать полноценную систему военного управления в уезде. Таким образом, работу Лидского уездвоенкомата следует рассматривать как начальный, хотя и прерванный этап становления военной структуры в регионе.

Библиографические ссылки

1. Портнов ВП, Славин ММ. *Правовые основы строительства Красной армии 1918–1920 гг.: историко-юридическое исследование*. Скрипилов ЕА, редактор. Москва: Наука; 1985. 287 с.
2. Третьяк ИМ. *Краснознаменный белорусский военный округ*. Минск: Беларусь; 1973. 674 с.
3. Селиванов ПА. *На защите завоеваний Октября*. Минск: Беларусь; 1971. 144 с.
4. Бурдинский ЕВ, Каменев ПВ, Безугольный АЮ, Дайнес ВО. Военные комиссариаты: история создания и развития. 1918–2018 гг. *Военно-исторический журнал*. 2018;4:4–13. EDN: YVAWPE.
5. Климко МК. Деятельность Минского губернского комиссариата по военным делам в 1920 г. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Серия: Гуманитарные науки: история, филология, философия*. 2023;4:16–21.
6. Николаева ИВ. Организационное строительство и развитие военных комиссариатов на Витебщине в 1918–1941 гг. В: Космач ВА, редактор. *Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права. Материалы Международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ имени П. М. Машерова; 26–28 апреля 2018 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2018. с. 224–226.
7. Cieplewicz M, Stawecki P. *Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej; 1990. 958 s.
8. Davies N. *White eagle, red star. The Polish-Soviet War 1919–1920 and «the miracle on the Vistula»*. London: Pimlico; 2003. 318 p.
9. Елизаров СА. *Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991 гг.)*. Гомель: Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого; 2009. 222 с. EDN: XMFPH.
10. Грицкевич АП. *Западный фронт РСФСР (1918–1920 гг.). Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию*. Минск: Харвест; 2010. 496 с.
11. Бугай НФ. *Ревкомы: научно-популярный очерк*. Москва: Политиздат; 1981. 175 с.

Получена 19.05.2025 / исправлена 31.10.2025 / принята 30.12.2025.
Received 19.05.2025 / revised 31.10.2025 / accepted 30.12.2025.

УДК 316.772.4, 392.7

ТАТАРЫ БЕЛАРУСИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Е. Н. КВИЛИНKOVA¹⁾

¹⁾Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Впервые в этнологической науке объектом самостоятельного исследования выступают татары Беларуси (татары диаспоры), которые переселились сюда в советский и постсоветский периоды. Они являются выходцами из разных республик бывшего СССР, при этом их объединяют общие этнонимы, язык и культура. Данная общность татар относится к новым диаспорам, ее представители не считают себя белорусскими татарами (местными татарами), предки которых поселились на белорусских землях еще в XIV в. Выявляются важные для татар диаспоры маркеры этнической идентичности, характерные для них способы этнической идентификации, определяются содержание понятия «свой», значимость родного языка и традиционной культуры в вопросе идентификации по принципу «свой – другой» и т. д. Рассматриваются причины дифференциации двух упомянутых общностей татар и анализируются факторы, оказывающие дезинтегрирующее воздействие на них. Делается вывод о том, что при идентификации по принципу «свой – другой» татары диаспоры считают своими соотечественников из Волго-Уральского и других регионов, а также близких им по языку, культуре и традициям башкир. Данная работа основана на полевых материалах, собранных автором в 2021–2024 гг. у представителей двух общностей татар, которые проживают в Беларуси. Полученные в ходе этносоциологического опроса данные впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: татары Беларуси; белорусские татары; диаспора; этническая идентичность; маркеры; язык; культура; религия; дифференциация.

ТАТАРЫ БЕЛАРУСІ: ЭТНАКУЛЬТУРНЫЯ МАРКЕРЫ І ІДЭНТЫЧНАСЦЬ

Л. М. КВІЛІНKOVA^{1*}

^{1*)}Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
вул. Сурганава, 1, корп. 2, 220072, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Упершыню ў этналагічнай навуцы аб'ектам самастойнага даследавання з'яўляюцца татары Беларусі (татары дыяспары), якія перасяліліся сюды ў савецкі і постсавецкі перыяды. Яны з'яўляюцца выходцамі з розных рэспублік былога СССР, пры гэтым іх аб'ядноўваюць агульныя этнонімы, мова і культура. Дадзеная супольнасць татар адносіцца да новых дыяспар, яе прадстаўнікі адрозніваюць сябе ад беларускіх татар (мясцовых татар), продкі якіх пасяліліся на беларускіх землях яшчэ ў XIV ст. Выяўляюцца важныя для татар дыяспары маркеры этнічнай ідэнтычнасці, характэрныя для іх спосабы этнічнай ідэнтыфікацыі, раскрываюцца змест паняцця «свае», значнасць роднай мовы і традыцыйнай культуры ў пытанні ідэнтыфікацыі па прынцыпе «свой – іншы» і г. д. Разглядаюцца прычыны дыферэнцыяцыі гэтых дзвюх супольнасцей татар і аналізуюцца фактары, якія дэзынтэгруюць іх. Робіцца выснова аб тым, што пры ідэнтыфікацыі па прынцыпе «свой – іншы» сваімі татары дыяспары лічаць саэтнікаў

Образец цитирования:

Квилинкова ЕН. Татары Беларуси: этнокультурные маркеры и идентичность. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2026;1:16–26.
EDN: FFYQNO

For citation:

Kvilinkova EN. Tatars of Belarus: ethnocultural markers and identity. Journal of the Belarusian State University. History. 2026;1:16–26. Russian.
EDN: FFYQNO

Автор:

Елизавета Николаевна Квилинкова – доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела народоведения Института искусствovedения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы.

Author:

Elizaveta N. Kvilinkova, doctor of science (history), docent; leading researcher at the ethnic studies department, Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva.
cvilinkova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

з Волга-Уральскага і іншых рэгіёнаў, а таксама блізкіх ім па мове, культуры і традыцыям башкіраў. Дадзеная праца заснавана на палявых матэрыялах, сабраных аўтарам у 2021–2024 гг. у прадстаўнікоў дзвюх супольнасцей татар, якія жывуць у Беларусі. Атрыманыя ў ходзе этнасацыялагічнага апытання даныя ўпершыню ўводзяцца ў навуковы абарот.

Ключавыя словы: татары Беларусі; беларускія татары; дыяспара; этнічная ідэнтычнасць; маркеры; мова; культура; рэлігія; дыферэнцыяцыя.

TATARS OF BELARUS: ETHNOCULTURAL MARKERS AND IDENTITY

E. N. KVILINKOVA^a

^aCenter for Research of Belarusian Culture, Language and Literature,
National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Abstract. For the first time in ethnological science, the object of independent research is the Tatars of Belarus (Tatars of the diaspora), who moved here in the Soviet and post-Soviet periods. They come from different republics of the former USSR, but they are united by a common ethnonym, language and culture. This community of Tatars belongs to the new diasporas and differentiates themselves from the Belarusian Tatars (local Tatars), whose ancestors settled on Belarusian lands back in the 14th century. The author identifies important markers of ethnic identity for the Tatar of the diaspora, their characteristic ways of ethnic identification, the content of the concept of «ours», the significance of the native language and traditional culture in the issue of identification based on the principle of «our – other». The reasons for the existing differentiation between these two Tatar communities are considered and the factors that have a disintegrating effect on the issue of their interaction are analysed. It is concluded that when identifying according to the principle of «our – other», the Tatars of the diaspora consider their co-ethnics from the Volga-Ural and other regions, as well as the Bashkirs, who are close to them in language, culture and traditions, to be their own. Despite the length of their residence in Belarus, the Tatars of the diaspora differentiate themselves from local Tatars and do not include themselves in the category of «Belarusian Tatars». This work is based on the author's field materials collected in 2021–2024 from representatives of two Tatar communities living in Belarus. The data obtained during the ethnosociological survey are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Tatars of Belarus; Belarusian Tatars; diaspora; ethnic identity; markers; language; culture; religion; differentiation.

Введение

Согласно последней переписи населения 2019 г. общая численность живущих в Беларуси татар составляла 8445 человек¹. Данная цифра включает белорусских татар (местных татар – потомков татар Великого княжества Литовского, живущих на этих землях с XIV в., называемых «литовскими» татарами) и татар Беларуси (татар диаспоры – переселенцев советского и постсоветского периодов). Если «литовские» татары представляют собой этнокультурный феномен, то татары-переселенцы, создавшие в Беларуси свои диаспоральные структуры, относятся к так называемым новым диаспорам. Определить точное число представителей каждой из указанных общностей невозможно, так как в переписи приводится общее количество татар. Татары диаспоры составляют большинство представителей данной группы, живущей в Беларуси.

Живущие в Беларуси татары объединяются религиозной принадлежностью (мусульмане-сунниты)

и этнонимом, но четко разделяются на две отдельные по языку, культуре и происхождению общности, для обозначения которых автор использует приведенную выше терминологию. Таким образом, актуальным является выделение особенностей идентификации белорусскими татарами других этнорегиональных групп татар и восприятия татарами диаспоры местных татар с помощью анализа маркеров этнической идентичности и через образ «свой – другой».

Отметим, что основная часть исследователей рассматривают «литовских» татар как самобытный народ, одной из характерных черт которого (в отличие от крымских, сибирских, волжских татар) является «славяноязычие» [1, с. 4]. Сами белорусские татары также идентифицируют себя как отдельный этнос. Изучение автором степени взаимодействия белорусских татар с другими татарами и особенностей

¹Национальный состав населения Республики Беларусь : стат. бюл. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : сайт. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999/tablichnye-dannye/natsionalnyy-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 23.09.2022).

восприятия ими друг друга показало, что первые в категорию «свои» включают татар Литвы, Польши и белорусов, в то время как татары Волго-Уральского региона (прежде всего казанские), крымские и сибирские татары воспринимаются ими более удаленно, дистанцированно. Эта ситуация объясняется особенностями этногенеза и культурогенеза «литовских» татар, длительным раздельным проживанием, языковыми и культурными различиями, а также рядом других факторов, способствовавших увеличению культурной дистанции между представителями данного этноса (этнорегиональной общности) и татарами других регионов.

По истории, традиционной культуре и религии белорусских татар научные труды опубликовали А. И. Смолик, И. Б. Канапацкий, С. В. Думин, М. В. Тарелко, Е. И. Титовец, И. А. Сынова, А. Я. Коршунова, В. Н. Белявина, Т. А. Новгородский и др. Отдельные аспекты создания общественных объединений татарами Республики Беларусь рассмотрены в работах белорусских этнологов В. Н. Белявиной [2], В. В. Шейбак [3].

По вопросу идентичности этнорегиональной общности «литовских» татар, в том числе в современных условиях ее разделения между тремя государствами, публикаций очень мало. Данная проблема нашла отражение в статьях некоторых зарубежных авторов, рассматривавших ее на примере польских и литовских татар (С. М. Червонная, В. Ольшевский, Г. Мишкинене, Т. Байрашаускайте).

Совершенно неразработанной в белорусской этнологии остается проблема идентичности белорусских татар и татар Беларуси. Изучение историографии, в которой освещаются вопросы традиционной культуры татар Республики Беларусь, показало, что авторы либо вообще не рассматривают татар диаспоры, либо подают материал в общем ключе, без дифференциации татар на две этнические общности. Такой подход не позволяет рассмотреть этнокультурные особенности, характерные для каждой из указанных общностей, и создает путаницу в вопросах идентификации присущих каждой из них элементов традиционной культуры и праздничной обрядности.

Что касается татар диаспоры, которым посвящена данная статья, то в силу сложившихся обстоятельств эта этническая общность до настоящего времени не только не выступала в качестве объекта исследования белорусских ученых, но даже не выделялась ими в качестве этнической общности, что свидетельствует об актуальности и полной новизне настоящего исследования.

Целью данной статьи является выявление способов этнической идентификации и маркеров этнокультурной идентичности татар Беларуси. Для достижения названной цели поставлены следующие задачи:

- изучение способов этнической идентификации татар Беларуси и значимых с их точки зрения этнокультурных маркеров, на основании которых они

относят соотников (татар других регионов) к категории «наши» или «не наши»;

- определение важности родного языка и традиционной культуры как маркера этнической идентичности для каждой из исследуемых общностей татар;

- выявление значимости религиозной идентичности в этнокультурном коде белорусских татар и татар диаспоры;

- рассмотрение содержания образа «свой – другой» у татар диаспоры и особенностей восприятия ими местных татар;

- определение культурной дистанции и анализ дезинтегрирующих факторов во взаимодействии двух общностей татар.

Настоящая работа является первым в этнологической науке исследованием, посвященным непосредственно татарам Беларуси, а также вопросам значимости для них этноязыковой и культурной идентичности, интенсивности их взаимодействия с белорусскими татарами и т. д. Она основана на полевых материалах, собранных автором в 2021–2024 гг. у представителей двух указанных общностей татар, живущих в Беларуси (г. Минск, Минская, Брестская, Гомельская, Гродненская, Могилёвская области). Наиболее активная часть татарской диаспоры проживает в городах Минске, Гродно и Минской области. При проведении автором этносоциологического исследования на основе специально подготовленного полуструктурированного опросника, который по необходимости дополнялся и уточнялся, были опрошены 85 человек. Полевые материалы впервые вводятся в научный оборот в данной статье.

В ходе исследования применялись различные методы: опрос в форме биографического интервью, личное наблюдение (включенное и невключенное), экспертное интервью и др. Принимая во внимание тот факт, что нет ни одной научной публикации по вопросу идентичности татар Беларуси, для изучения присущих им этнокультурных особенностей и форм взаимодействия автор использовал биографический метод. Его реализация происходит посредством применения качественных методов, среди которых особенно важным является глубинное интервью.

За основу исследования был взят метод не количественного (чаще применяется социологами), а качественного исследования, поскольку обычные статистические данные, получаемые путем анкетирования, не позволяют выделить различные аспекты данной проблемы и рассмотреть ее во всей полноте. Количественные методы наиболее эффективны при изучении происходящих в обществе макропроцессов, но они «не могут дать исчерпывающего понимания поведения конкретных людей, их малых групп, коллективов», поскольку «поведение субъектов социальной жизни определяется не только не зависящими от них объективными социальными законами, но и многими факторами, имеющими субъективный характер» [4].

При проведении опроса автор стремился не собрать статистические данные о том или ином явлении или традиции (сколько раз в месяц респондент посещает мечеть, как часто соблюдает пост и совершает курбан и т. д.), а выявить тенденцию, рассмотреть глубину явления, объяснить причины существующей дистанцированности между двумя проживающими в Беларуси общностями татар. Опрос в форме биографического интервью является основным способом сбора материала не только у этнологов при изучении вопросов этнокультурной идентичности, но и у историков (метод устной истории – сбор информации с помощью проведения биографического интервью), что свидетельствует о его значимости и репрезентативности.

В контексте целесообразности использования тех или иных научных методов при изучении этнокультурной идентичности предпринятая польским историком С. М. Червонной попытка применить количественные методы для выявления основ идентичности литовских татар (на примере польских татар) показала их неэффективность. Проанализировав результаты полученных 200 анкет, она констатировала, что «данная «опытная база» никак не могла

стать основой статьи, претендующей на более-менее объективное и обоснованное определение контуров идентичности этнической группы литовских татар» ввиду широкого «разброса абсолютно «неунифицированных», несогласованных, противоречащих друг другу мнений» [5, с. 36].

Использование качественных методов исследования показало свою эффективность при изучении как этнических общностей Республики Беларусь, так и белорусских диаспор [6–8]. Преимущество биографического метода заключается в том, что он позволяет расширить и одновременно углубить знание об объекте исследования. Применение разработанной автором методики опроса дало возможность системно и подробно рассмотреть особенности этнокультурной идентичности; определить место и роль родного языка, традиционной культуры и религии как маркеров этнической идентичности; выявить форму взаимодействия между представителями двух общностей татар и др. В соответствии с данной методикой в работе приводятся фрагменты из записанных автором интервью, что позволяет показать тенденции этнического взаимодействия изнутри и передать его нюансы.

Способы этнической идентификации татар диаспоры

Основная часть живущих в Беларуси татар диаспоры являются представителями данной национальности, переселившимися сюда в советский период. Среди них много военных и членов их семей, которые после расформирования западной группы войск оказались в Беларуси, а также высококвалифицированных специалистов. Формирование татарской диаспоры в Беларуси происходило в том числе в результате межреспубликанской миграции и вступления в межнациональные браки. Среди татар, осевших здесь в советский период, преобладают смешанные браки.

Нередко местными татарами по отношению к татарам диаспоры употребляется слово «пришлые», поскольку первые относят себя к коренному населению Беларуси по праву давности проживания на этих землях. Данная номинация воспринимается значительной частью представителей татарской диаспоры как обидная. В свою очередь, татары диаспоры некоторым образом даже выводят своих местных соотечественников за рамки понятия «татары» ввиду утраты последними ряда важных для татарского этноса этнокультурных признаков.

Живущие здесь татары различаются: казанские – это татары, а местные – это не татары. Они ассимилировались и потеряли татарский дух, менталитет. Они как белорусы. Одно дело, что они языка не знают. Но ведь у них же не все мусульмане². Есть и христиане. <...> На казанских татар они говорят «пришлые». Это меня тоже обижало. Хотя в Беларуси раньше было около 10 тыс. татар, а сейчас их около 7 тыс., из них 60 % – это пришлые татары, местных мало³ (Н. Д. М., г. Минск).

Несмотря на то что живущие в Беларуси татары диаспоры являются выходцами из разных республик постсоветского пространства и регионов России, они объединены общим этнонимом, языком и культурой. Для первого поколения переселенцев характерна четкая этническая идентичность: они не только не стесняются своего происхождения, но и с гордостью говорят о том, что они татары.

Я чистокровная татарка. Папа, мама, у нас весь род из татар. <...> Я татарка и очень горжусь этим. Мама родом из Казани. Мой папа – татарин, родился в Удмуртии. Я родилась в Ижевске (Удмуртия) в 1949 г. ... закончила в Перми мединститут (Л. М. М., г. Минск).

²Здесь следует уточнить, что данный процесс затронул не только местных татар, но и татар диаспоры. В смешанных семьях детей в основном крестили или не приобщали ни к одной из религий, оставляя право на свободу выбора самим детям. Иногда в православие переходили женщины-татарки. При вступлении в брак девушки-татарки (выросшей в смешанной семье) с представителем христианской веры нередко случаи принятия ею православия. Однако существует немало обратных примеров. Часто выбор религии (ислам или христианство) для детей зависел от того, кто является носителем татарского этноса (отец или мать) и какое место религиозная идентичность занимает в системе ценностей каждого из родителей.

³Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала. – Е. К.

По национальности я чистокровная татарка. У меня и отец, и мать – татары. И в роду у нас не было метисов. Мои родители родились в Татарстане. <...> В переписи населения я записываюсь как татарка. <...> Я всегда говорила, что я татарка. <...> Свою национальность я позиционировала как наилучшую пробу – все-таки татарская нация. Я горда тем, что я татарка, что мои родители татары... (М. Ф. М., г. Минск).

По национальности я татарин. <...> Все татары едины, но... у меня со стороны отца – татары-мишари, а со стороны мамы – казанские татары, т. е. я чистокровный татарин, можно так сказать (Н. Д. М., г. Минск).

Независимо от страны происхождения и длительности проживания в Беларуси татары диаспоры не идентифицируют себя как белорусские татары, поскольку данное устоявшееся понятие традиционно относят только к местным соотечественникам. Такая дифференциация возникает по причине как присущих белорусским татарам этнокультурных, языковых (они считают своим родным языком белорусский, реже – русский) и других отличий, так и особенностей их этногенеза, а также местной специфики региона проживания.

Поволжские и местные татары – это две ветви татар, которые разделились, наверное, с самого начала. Примерно в это же время было создано Казанское

ханство. То есть это разные части орды, и между собой эти 600 лет они никак не пересекались (Г. Ф. Б., г. Гродно).

Одним из способов самоопределения у татар диаспоры является идентификация себя по стране своего рождения, рождения родителей или по региону проживания до переселения в Республику Беларусь (казанские, поволжские, оренбургские, казахские, узбекские татары и др.). Респонденты выделяют даже особенности, свойственные для представителей тех или иных локальных или этнорегиональных групп татар.

Татары, которые сюда приехали, они разные. Различия между ними зависят от того, откуда они приехали. <...> Я знаю, что оренбургские татары очень вредные. Я сама тоже оренбургская татарка, но не вредная. <...> А те татары, которые казанские, а есть и алма-атинские татары, они вообще другие. Казанские татары... не такие, как казанские. Кто где живет, такие и татары. Алма-атинские, казахские татары... очень медленные, они медленно разговаривают на татарском языке. Казанские быстро разговаривают. <...> Казанские татары тоже хорошие, мне они понравились (М. В. Г., г. Минск).

Из ответов видно, что татары, живущие за пределами своего этнического ядра в ином этническом и социокультурном пространстве, впитывают особенности культуры и модель поведения, характерные для мажоритарного этноса страны проживания.

Значимость родного языка и традиционной культуры для татар диаспоры в контексте содержания образа «свой – другой»

При идентификации татары диаспоры довольно часто используют выражения «наши татары» и «местные татары», что указывает на разный смысл, вкладываемый представителями каждой из этих общностей в понятие «татары». У белорусских татар этническая идентичность тесно переплетена с религиозной, поэтому для них приоритетны сохранение религиозной принадлежности (ислам) и традиций своих предков. В силу особенностей этногенеза и культурогенеза родной язык для них не является этническим идентификатором (можно быть татаром и не знать татарского языка), в то время как для татар диаспоры этническая идентичность выражается в первую очередь в использовании татарского языка и сохранении национальной культуры.

Татарская община есть в Клецком районе – это соседний район. Они вымирают, у них там, может, 10 человек осталось. Это местные, «польские» татары. Они не наши, так скажем, не казанские татары, они языка не знают. У них только вера осталась. Они читают пятничные молитвы (Д. К. С., г. Несвиж Минской области).

На уточняющий вопрос «Что Вы имеете в виду, говоря “наши – не наши татары”?» респондент ответил:

Я имею в виду по расположению. Мы, например, пензенские татары, ближе к Татарстану. Они присылали нам туда преподавателей татарского языка и книги. Мы сохранили литературу, чтение, свой язык. А у них, местных татар, родной язык белорусский. Здесь все татары имеют русские имена. Только единицы имеют татарские имена. В основном у них белорусские имена. Между нами [двумя общностями татар] сходство только в соблюдении мусульманских традиций. А в остальном в жизни они белорусы. Они общаются по-белорусски. Они не умеют разговаривать, писать и читать на татарском, как это делают мои татары (имею в виду российских татар) и я. Все нации отличаются по языку. Поволжские татары общаются между собой на татарском. А татары Польши, Беларуси, Литвы – это местные. Они считают, что произошли от крымских татар. Это ближе к туркам (Д. К. С., г. Несвиж Минской области).

Для местных татар своими являются те татары, которым понятны и близки религиозные традиции

их дедов и прадедов (китабы, хамаилы, далавары, съезды⁴ на мизарах и т. д.). Для татар диаспоры свои – это в первую очередь представители тех этносов, для кого татарский язык является родным.

Начинается с большого: у них нет татарского языка, а мы можем на своем языке говорить, петь свои песни и читать произведения своих писателей, своих поэтов, таких как Абдула Тукай (он по уровню ближе к Лермонтову). У нас и свой Пушкин есть, а у них его нет... Они [для нас] не совсем свои не только из-за языка. У них другое духовное начало. Там даже в Минске те татары, которые казанские, они держатся отдельно. Я с ними тоже дружу. У нас с ними взаимопонимание, больше контакта, духовная связь и историческая память, в том числе и язык. Но язык значит много. Нет языка – нет нации. У них даже белорусские имена и фамилии (А. В. Р., г. Витебск).

Интересно отметить, что утрата этнического языка уже вторым поколением татар диаспоры не рассматривается ими как основание для идентификации в рамках этнической общности «белорусские татары», у которой именно эта черта считается основным отличительным признаком. По мнению респондентов, их дети и внуки, рожденные в Беларуси и не знающие татарского языка, не становятся похожими на местных татар, так как они на генетическом уровне впитывают другой менталитет, модель поведения и этнические ценности, чему также способствуют контакты с родственниками с этнической родины.

У них [второго поколения татар диаспоры] духовные традиции и быт те, так как они воспитаны теми чистокровными татарами. А местных татар они воспримут так же, как белорусов, русских. Даже русские, наверное, будут им ближе. Они [местные татары] опираются в основном на религию, на этом делают акцент, чтобы сохранить свою идентичность. Они это и стали возрождать. Казанские татары тоже следуют своей религии, но... без подчеркивания (А. В. Р., г. Витебск).

В целом для татар диаспоры местные татары тоже свои, но между ними нет тесных контактов или эти контакты минимизированы. Как можно видеть, в ментальном восприятии татар диаспоры часто белорусы и русские им ближе, чем местные соотечественники.

В даваемых респондентами оценках результатов взаимодействия местных татар с белорусами прослеживается доброе и уважительное отношение к последним, которое указывает на то, что у татар диаспоры относительно белорусов сформировался положительный гетеростереотип. Но именно такие характеристики свидетельствуют о том, что татары диаспоры воспринимают местных татар как других.

Эти татары... очень добрые, отзывчивые, они такие же, как белорусы. У них такой же менталитет – белорусский. <...> А так, особо те [татары диаспоры] и эти татары не отличаются. Но если взять культуру, то местные татары больше не то чтобы ассимилировались, они больше в белорусской культуре, они обелорусились, хоть они и ходят в мечеть. Вот даже если взять их фамилии, например, такие как Богушевич и др. Это же все белорусские фамилии. Они как-то больше с белорусами смешаны. Соответственно, у них и культура больше такая (М. В. Г., г. Минск).

Значимость родного языка татары диаспоры подчеркивают и в вопросе антропонимии: у них сохраняются тюркские фамилии, имена, отчества. Однако у татар диаспоры не все столь однозначно. В советский период для коллег и знакомых они нередко адаптировали свои имена и отчества, что позволяло «уйти» от национальности. У кого-то этот принцип по привычке продолжает действовать и сейчас. Так, например, передавая автору данной статьи контакты одного из татар диаспоры, осевшего в Минской области еще в 1970-х гг., респондентка назвала его имя и отчество по-татарски (так они записаны в документах). При этом она сообщила, что к нему лучше обращаться, используя другие имя и отчество, которыми этот человек сам всем представляется.

После 1990-х гг. с ростом этнической идентичности у всех народов постсоветского пространства отношение татар (в том числе местных) к своим именам стало иным. Они начали настаивать на употреблении их собственных имен, не дифференцируя свое окружение на друзей, соотечественников и коллег.

Когда [в 1998 г.] я переехала в Беларусь [и пошла на работу], мне директор сказала: «Ой, Вы такая трудная (по имени и отчеству. – Е. К.). Вы будете Фаиной Андреевной». Тогда я сказала: «Пусть отчество так и останется, но, пожалуйста, имя мое не трогайте». И я три года была Фаридой Андреевной (согласилась на это, так как была там новенькой). И мои первые выпускники меня так и называли. Но потом, спустя три года (примерно в 2001 г.), я воспротивилась этому и начала бороться за свое отчество. Не знаю, может, времена изменились. Я сказала директору: «У моего папы красивое имя. Его звали Анвар, и ничего трудного в этом нет. И я на себя возьму ответственность, когда буду знакомиться с родителями и учениками, попрошу их просто выучить мое отчество». И теперь меня уже все так и называют – Фариды Анваровны (К. Ф. А., г. Бобруйск Могилёвской области).

⁴У белорусских татар понятие «съезды» многозначное. Оно может обозначать как сбор людей на кладбищах (мизарах) в установленные мусульманской общиной дни памяти умерших, так и организованные встречи представителей татарской молодежи из различных регионов, которые в прошлом организовывались для знакомств.

Если в советский период вплоть до конца 1980-х гг. у части татар, живущих за пределами своего этнического пространства, была тенденция «ухода» от этнических имен для своих детей, то после 2000-х гг. им чаще стали давать татарские имена.

Татарские национальные костюмы, праздники и обряды, продвигаемые в белорусском пространстве татарами диаспоры, не воспринимаются местными татарами в силу особенностей их раздельного исторического развития и формирования собственной этнокультурной идентичности. Этот факт также увеличивает культурную дистанцию между этими двумя общностями, в результате чего белорусские татары автоматически выпадают у татар диаспоры из категории «свои».

У местных татар развито огородничество, но они крымские татары. Мы их своими не считаем. Они не зна-

ют языка, не знают культуры. Мы в Ивье делали Сабантуй и несколько раз показывали им, какие у татар обряды, какие игры. Так ивьевские татары даже не приходят на Сабантуй, игнорируют нас. Для них важна религия. <...> Местные татары не знают языка, поэтому им это неинтересно. Я два раза ездила в Ивье на Сабантуй. Его нам помогли организовать из Казани, чтобы мы пропагандировали здесь татарскую культуру и праздники. <...> Мы готовимся, показываем концерт, но местные татары не приходят и не подключаются для приготовления татарской кухни. Мы там устраиваем и игры для детей – разбивание горшков, таскание в ведрах воды и др., но они нигде не участвуют. И их дети не приходят на праздники. В Гродно наши татары участвуют в фестивале, но там я с местными татарами не встречалась (З. Р. Х., г. Минск).

Дезинтегрирующие две общности татар факторы

Главное отличие татар диаспоры от местных татар формулируется первыми с помощью следующего выражения: «Они обелорусились». Это касается их языка, культуры, антропологии, а также менталитета. Данный процесс рассматривается татарами диаспоры как ассимиляция и утрата татарской этнической идентичности, поэтому казанские татары, чувствуя свою особую миссию, прилагают немалые усилия для налаживания с местными татарами тесных контактов.

Когда я работал главным инженером в компании «Татнефть» на белорусском рынке, у меня был такой девиз: «В национальной компании должны быть национальные кадры». Мы в Беларуси строили свои АЗС. Одну из них строили в п. Бабы, там рядом Глубокое (город в Витебской области. – Е. К.). Там живут местные татары. Мы приглашали их на работу с обучением. Я хотел взять на работу татар, чтобы таким образом возродить местное исчезающее татарское население. Я ездил по всем регионам Беларуси. Но куда ни придешь, там из татар есть только бабушки, а молодежь себя татарами не считает. В последнее десятилетие их количество резко уменьшилось. <...> Они [местные татары] ислам сохранили, но язык и культуру не знают и даже не хотят знать. Я попытался и предложил им свою помощь в изучении татарского языка, но они отказались, так как считают, что они крымские татары, а в языке есть разница. Они здесь слишком долго живут. Все-таки они ассимилировались. И в сознании у них нет татарского менталитета (Н. Д. М., г. Минск).

Из приведенных выше высказываний видно, что сама форма такого взаимодействия, как правило,

уже строится на неравноправной основе, поскольку казанские татары выступают в качестве наставников (старших), а местные татары – в качестве подопечных (младших). Такой подход, конечно, не устраивает местных татар, потому что они считают себя частью самостоятельного западнотатарского этноса. Предлагаемая им рекультурация, или возврат к истокам, а по сути «перепрограммирование» сложившегося у них культурного кода не вписывается в их жизненные и этнические стратегии. На Республиканском фестивале национальных культур белорусские татары принципиально не надевают татарские национальные костюмы, так как не считают их своими. При участии в такого рода праздниках каждая из татарских общностей на отдельных столах представляет свою культуру: местные татары демонстрируют собственную традицию изготовления мугиров⁵, а татары диаспоры – традиционные для тюркских народов предметы (юрту, кумган и др.), деревянные изделия и прочие предметы.

Аналогично отношение местных татар и к Сабантую – главному национальному празднику татар всех других регионов. Он не считается своим у белорусских татар и не вписывается в их представления о религиозности, поскольку является народным праздником, не имеющим никакого отношения к исламу.

Для татар диаспоры Сабантуй – это главный праздник. По убеждению даже наиболее религиозных респондентов этой общности татар, в том, чтобы участвовать в Сабантуе и быть истинно религиозным человеком, никакого противоречия нет. Этот праздник даже сравнивается с Наврузом – другим бы-

⁵Мугир (шамайль) – вид религиозного изобразительного искусства у мусульман (иногда в виде картины с изображением мусульманских святынь) либо художественно выполненная надпись с именем Аллаха или цитатой из Корана, которую помещают дома на стене или над дверным проемом.

тующим у тюркских народов праздником, который включен ЮНЕСКО в список нематериального культурного наследия человечества. Этот светский праздник, по их словам, считается не очень желательным у татар, поэтому они его практически «не используют».

Очень часто и в интернете, и [в социальной сети] «ВКонтакте» говорят: «Музыка и пение – грех». Я их называю оголтелыми мусульманами, которые научились читать Коран, но дальше этого ничего не видят. Я им советую обращаться к книгам. Нигде в Коране не написано, что петь нельзя. Здесь есть подтекст. Нельзя показывать свою наготу, надевать короткие платья, открытые блузки и т. д. либо петь неприличные песни. Сабантуй – это светский праздник, и я в нем принимаю участие. Я его не отрицаю. Это народная традиция, которая идет издревле от наших дедов и прадедов. Это красивый светский праздник, ода труду (Л. М. М., г. Минск).

Таким образом, помимо этнического языка, дезинтегрирующим две живущие в Беларуси общности татар фактором являются многие элементы традиционной культуры: праздники, танцы, песни, национальные костюмы и частично кухня.

С местными татарами мы постоянно общаемся. <...> По вероисповеданию между местными и другими татарами различий нет, все одинаково. Но у них уже немного другая культура, даже в приготовлении пищи: у них свои блюда, они уже ближе к белорусам. Сколько лет они тут с белорусами живут, они же языка своего не знают. Те обряды, которые есть у нас, они все это уже не соблюдают (Л. М. М., г. Минск).

В связи с данной спецификой белорусских татар большая часть татар диаспоры смотрят на них свысока, а некоторые лидеры квалифицировали этнокультурные особенности белорусских татар как «комплекс недостаточности татарской идентичности»⁶. Имеющая место обособленность исследуемых общностей татар в немалой степени связана с вопросами конкуренции, права представлять мусульманское население в Беларуси и за ее пределами, финанси-

рования мусульманских общин и лидерства среди мусульманского населения страны, поскольку, помимо татар, в Беларуси довольно много мусульман других национальностей. Лидеры татарской диаспоры Беларуси, исходя из того, что их общность более многочисленна по сравнению с местными татарами, а также используя тесные связи со страной исхода, с руководством Татарстана и Башкортостана, пытаются занять главенствующее положение, которое пока сохраняется за местными татарами. Такого рода трения особо остро ощущались в период религиозного и этнического возрождения татар Республики Беларусь (1990–2000-е гг.).

С 1993 г. я стала ходить в созданное татарами объединение. <...> И они были местными татарами, а мы – пришлыми. Они вроде как настоящие татары, а мы – гостевые татары. <...> Это было с 1993 г. и примерно до 2000 г. Они как-то резко нас разделяли: не та религия (относится к внешним формам религиозности. – Е. К.), не тот платок носите и т. д. <...> С самого начала были трения, но с течением времени все это стерлось. Мы доказали, что мы такие же татары, как и они. Мы очень хорошо работали и внесли свою лепту в строительство мечети, в изучение Корана. Сейчас мы на равных. <...> Нас, татар, здесь немного. В Минске, наверное, около 300 человек. С течением времени [понятие] «наши – не наши татары» стерлось. Уже все татары наши, но когда [среди татар Беларуси] начиналось все это [религиозное и этнокультурное] движение, то разделение было (М. Ф. М., г. Минск).

Несомненно, за эти годы некоторые «шероховатости» в данной области удалось сгладить, но деление на две этнокультурные общности сохраняется. Отнесение татарами диаспоры своих местных соэтников к категории «другие» происходит не только за счет отсутствия между ними языковой общности (соответственно, и духовной общности, которая в немалой степени формируется на основе языка), но и в связи с ментальными различиями, сформировавшимися в результате длительного проживания в разных социокультурных средах.

Содержание понятия «свои» у татар диаспоры

В широком смысле своими респонденты считают всех татар диаспоры, а в узком – членов своего этнокультурного объединения, которые участвуют в подготовке и проведении культурных мероприятий, поскольку характер установившихся там отношений почти родственный.

Наверное, у меня больше друзей среди татар. Наш весь ансамбль (вокальная группа «Лэйсэн» Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”». – Е. К.)

и есть мои друзья. <...> Наверное, для меня свои все равно татары, это своя кровь. Все равно это родной язык, это язык моих родителей (И. В. А., г. Минск).

Из результатов проведенного опроса следует, что своими татары диаспоры считают и башкир [9]. Стоит отметить, что в Республике Беларусь татары вместе с башкирами в 1998 г. создали общую диаспоральную структуру – Международное общественное объединение «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”», которое активно действует и в настоящее время.

⁶Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье. 2002. № 52. С. 74.

Сколько башкир в обществе «Чишма», даже не знаю. Мы татар и башкир не разделяем. Знаю, что те, кто из моего Балтачеге, они башкиры. А так никто не отделяется. Татары и башкиры вместе. Мы все оттуда. Мы не делимся (С. З. С., г. Гродно).

В обществе мы не делим друг друга на татар и башкир. Мы все вместе (А. К. А., г. Гродно).

У нас [в витебском отделении Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”»] я татар и башкир как-то не выделяю. В Минске в «Чишма» они есть, да и то наполовину. <...> Есть татары, которые из Башкирии. <...> Они [башкиры] здесь как-то не выделяются. Они здесь вживаются, внедряются в татарскую общину, поэтому и называется «татарско-башкирская» (И. В. Р., г. Витебск).

У башкир и татар диаспоры общие традиционные нормы и ценности, праздники, обычаи, кухня, религиозные традиции, близкие языки, нередко общая этническая родина (Татарстан, Башкортостан), благодаря чему они рассматривают друг друга как «свои».

Если честно, то между татарским и башкирским языками я различий не делаю. Там [в Башкортостане] нет отдельно татарской и башкирской среды, там все перемешано, все вместе общались. Между языками есть некоторые различия в некоторых звуках, в произношении и некоторых словах. А так на бытовом уровне никто различий не делал, кто татарин, кто башкир. <...> При этом татары и башкиры хорошо друг друга понимают и при общении каждый может разговаривать на своем языке. И все будут понимать друг друга. Я считаю, что нельзя противопоставлять их что в традициях, что в пище, а традиции наши основаны на исламе. Ну как их можно разделять между татарами и башкирами (Т. А. Г., г. Минск).

Здесь я на башкирском говорю со своими татарами. Я говорю на башкирском, а они со мной на татарском. Отличие между этими языками как между белорусским и украинским (А. З. И., г. Молодечно Минской области).

При опросе часть респондентов отметили некоторые имеющиеся различия между этими двумя этносами, проявляющиеся в языке, национальном костюме и танцах. Вместе с тем, как можно заключить, они рассматриваются как несущественные, никак не влияющие на увеличение культурной дистанции. Этот факт говорит о том, что для татар диаспоры башкиры являются своими, как и татары диаспоры для башкир. При проведении общественно-культурных мероприятий (Сабантуй, Республиканский фестиваль национальных культур и др.) участники Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”» организуют общее подворье (юрту), на котором представляют татарскую и башкирскую культуры: народные песни, национальную кухню, традиционные костюмы (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Татаро-башкирское подворье на Республиканском фестивале национальных культур (г. Гродно, 2024). Фотография Е. Н. Квилинковой

Fig. 1. Tatar-Bashkir courtyard at the Republican festival of national cultures (Grodno, 2024). Photo by E. N. Kvilinkova

Рис. 2. Выступление представителей Международного общественного объединения «Татаро-башкирское культурное наследие “Чишма”» на Республиканском фестивале национальных культур (г. Гродно, 2024). Фотография Е. Н. Квилинковой

Fig. 2. Performance by representatives of the International public association «Tatar-Bashkir cultural heritage “Chishma”» at the Republican festival of national cultures (Grodno, 2024). Photo by E. N. Kvilinkova

Если говорить в целом, то понятие «свои» очень многозначное. Не только такие этнические маркеры, как язык и связанная с ним антропонимия (фамилии, имена), но и характерные антропологические признаки позволяют узнавать своих в чужом этническом пространстве. Для татар такими в первую очередь являются черный цвет волос и глаз, а также ярко выраженные скулы.

О значимости религиозной идентичности в этнокультурном коде белорусских татар и татар диаспоры

Одним из различий двух исследуемых общностей татар является отношение к религии. Если у белорусских татар принадлежность к исламу является главным маркером этнической идентичности, которая нередко приравнивается к религиозной (татарин есть мусульманин), то у татар диаспоры (татар Волго-Уральского региона) религия выступает в качестве одной из этнокультурных составляющих. В ходе опроса представители последних нередко идентифицировали себя как мусульмане по рождению, традиции. По отношению к ним применимо понятие «этнические мусульмане».

Отдельные представители татар диаспоры хоть и не ставили на первое место религию (ислам), тем не менее подчеркивали приверженность ей и сохранение ее местными татарами как достижение.

Они, белорусские татары, своего языка не знают, но обычаи [религиозные] соблюдали (Я. Т. М., г. Минск).

Я горжусь белорусскими татарами. Они не знают татарского языка, но зато знают свою религию. Они мусульманство пронесли через века. К моему сожалению и стыду, несмотря на то что я родилась в Татарстане, у меня вот этого нет⁷. У нас было советское воспитание. Нам внушали, что религии нет... В нас это было заложено. А потом в 1990-е гг. оказалось, что нужно к чему-то приходить... Моя бабушка и намаз читала, у нас дома были книги еще 1913 г. (З. Р. К., г. Минск).

Татары диаспоры высоко оценивают образованность и умственный потенциал местных татар в том числе как результат специфики их этногенеза.

Белорусские татары язык не сохранили, а свою религию и арабское письмо сохранили. Отец А. В. научил его читать на арабском языке. Они как пришли сюда 625 лет назад, ни разу свою религию не теряли даже в советское время. И мечети тут сохранились. <...> Когда сюда отправляли татар защищать этих панов, сюда направляли очень умных людей. Возьми любого белорусского татарина – они все одаренные, все практически уникальные, я бы именно так сказала. Если они врачи, то от Бога, если учителя, то от Бога (А. Г. А., г. Минск).

Вместе с тем значительная часть респондентов хоть и признает важность усилий местных татар по сохранению ими на протяжении более шести веков своей религии, но утрата родного языка и культуры подсознательно сказывается на восприятии последних и отношении к ним как соотечественникам. Нередко татары диаспоры определяют родной язык как важнейший этнический маркер, противопоставляя его религиозной идентичности.

Для татар и религия, и язык имеют одинаковое значение. Но ведь не все же знают религию. Я, например, знаю лишь одну молитву (Я. Т. М., г. Минск).

Религиозная идентичность (принадлежность к исламу) также считается важной у татар диаспоры, но все же она выводится ими на уровень индивидуального решения человека и его частной жизни.

Татары для меня, конечно, свои, особенно те, которые исповедуют ислам. Но я человек дипломатичный (Л. М. М., г. Минск).

На вопрос о том, остаются ли татары-христиане в категории «свои», респондент ответил:

Да... По религиозной принадлежности – это их собственное решение. В исламе нет принуждения. Есть сура, которая говорит об этом. Такие татары есть и в нашем ансамбле: три человека, принявших христианство. Я никогда их не осуждаю, но в глубине души мне не очень нравится, так как это своего рода небольшое предательство по отношению к своим предкам. Но я к ним отношусь нормально и на них никогда ни пальцем не покажу, ни словом не скажу (Л. М. М., г. Минск).

Что касается настойчивой рекомендации имамов белорусских татар соблюдать мусульманскую традицию захоронения умершего в саване, то у татар диаспоры (они являются более светскими людьми) к данному вопросу неоднозначное отношение. Эта традиция нередко рассматривается татарами диаспоры как проявление излишней религиозности, в то время как значимые для татарской этнической идентичности составляющие (родной язык, национальная литература и традиции), на их взгляд, игнорируются белорусскими татарами.

Разные татары есть. Те, которые хоронят в саванах, – это бывшие приглашенные турки (местные татары. – Е. К.). Скорее скажем, это крымские татары. <...> Это чисто крымские татары, которых князь Витовт пригласил охранять границы. <...> У них же даже языка нет. У них в традиции больше сохраняется религия. У нас сохранился свой язык, алфавит, свои песни. <...> То есть это абсолютно разные люди, хоть и называются «татары» (А. В. Р., г. Витебск).

Однако при погребении усопшего или болезни ребенка татары диаспоры обращаются к местным татарам как экспертам в религиозной обрядности, умеющим читать Коран и знающим нужные молитвы-заговоры из хамаилов, чтобы те помолились в соответствии с религиозной традицией и прочитали нужную молитву для исцеления.

Я здесь знаю одного человека (белорусского татарина. – Е. К.), который живет в Несвиже. Он уже пожилой, ему более 70 лет. Но мы иногда общаемся.

⁷Эта респондентка, являющаяся представительницей казанских татар и живущая в Беларуси 40 лет, перешла из ислама в православие при крещении ее детей.

Если нужно что-то прочитать, какую-то молитву, то я их прошу, и они выполняют мою просьбу. А так в мусульманской общине меня нет. Они знают эти молитвы. Например, читают ее при болезни... Когда сын руку сломал, чтобы она быстрее излечилась, я заказал молитву. Между прочим, помогает. Эти молитвы знают в основном те, у кого в семье испокон веков передавалась эта религия, книги и чтение Корана. Этот мой знакомый, Казакевич Степан, можно сказать, читает Коран наизусть. Он все знает. Они вот

такие. Они знают это, но знают только религиозно образованная их часть, единицы. Это обычные татары. Но так как у них никого [имамов, получивших специальное образование] нет, этот мой друг читает пятничные молитвы для кельских татар – едет их читать в Кельк. Он более грамотный. Он как мулла (Д. К. С., г. Несвиж Минской области).

В вопросах религии и религиозной обрядности белорусские татары являются признанными авторитетами у татар диаспоры.

Заключение

Результаты проведенного нами опроса показали, что татары диаспоры (прежде всего татары Волго-Уральского региона, которых нередко местные соотечественники называют «российскими» или «казанскими» татарами) по религиозному признаку включают белорусских татар в категорию «свои», а по культурно-ментально-языковому признаку – в категорию «другие». С одной стороны, это объясняется отсутствием между ними языковой и этнокультурной общности, с другой стороны, – особенностями этногенеза, так как местные татары больше связывают свое происхождение с крымскими, а не казанскими татарами.

В этническом плане местное татарское население воспринимается татарами диаспоры неоднозначно по причине утраты первыми важных этнических при-

знаков: родного языка, народной культуры (традиционных татарских костюмов, праздничной обрядности и др.), фольклора на татарском языке. Более того, при идентификации по принципу «свой – другой» татары диаспоры считают своими всех выходцев Волго-Уральского региона, а также близких им по языку, культуре и традициям башкир. Несмотря на длительность проживания в Беларуси (40–50 лет), татары диаспоры отделяют себя от местных татар и не включают себя в категорию «белорусские татары». Ввиду сложившихся принципиальных различий в данных областях такие этнические маркеры, как родной язык и традиционная культура, играют не консолидирующую, а скорее дезинтегрирующую роль в вопросе взаимодействия этих двух общностей татар.

Библиографические ссылки

1. Канапацкі ІБ, Смолік АІ. *Гісторыя і культура беларускіх татар*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; 2000. 259 с.
2. Белявина ВН. Татары. В: Гурко АВ, Бондарчик ВК, Касперович ГИ, Локотко АИ, Белявина ВН, Батяев ВФ и др. *Кто живет в Беларуси*. Минск: Беларуская навука; 2012. с. 466–525.
3. Шейбак ВВ. Формирование и деятельность гродненского татарского общественного объединения (конец 1980-х – 1990-е гг.). У: Локотка АИ, рэдактар. *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі; 28–29 лістапада 2013 г.; Мінск, Беларусь. Частка 2*. Мінск: Права і эканоміка; 2014. с. 189–194.
4. Орлова ВВ. Применение биографического метода в изучении жизненных стратегий молодежи [Интернет]. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2010 [процитировано 16 ноября 2024 г.]. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-biograficheskogo-metoda-v-izuchenii-zhiznennyh-strategiy-molodezhi/viewer>.
5. Червонная СМ. Основы идентичности литовских татар: исторический фундамент и современный ракурс. *Историческая этнология*. 2017;2(1):28–63.
6. Квилинкова ЕН. *Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения*. Минск: Беларуская навука; 2023. 383 с.
7. Квилинкова ЕН. *Молдаване Беларуси: этнокультурная идентичность и интеграция*. Минск: Беларуская навука; 2024. 614 с.
8. Квилинкова ЕН, Сакович ВА. *Белорусы в Молдове и Молдова в беларусах*. Минск: Беларуская навука; 2021. 454 с.
9. Квилинкова ЕН. Религиозная идентичность и формы ее проявления у башкир Беларуси. *Весті НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2025;4:296–307.

Получена 15.03.2025 / исправлена 22.09.2025 / принята 31.12.2025.
Received 15.03.2025 / revised 22.09.2025 / accepted 31.12.2025.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(479.25)

АРМЯНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИВИЗИИ НА СТАЛИНГРАДСКОМ И КАВКАЗСКОМ ФРОНТАХ

А. А. МЕЛКОНЯН^{1), 2)}, И. Н. АВАНЕСЯН^{1), 3)}, Л. А. МАКАРЯН²⁾

¹⁾Институт истории НАН Республики Армения, ул. Маршала Баграмяна, 24/4, 0019, г. Ереван, Армения

²⁾Ереванский государственный университет, ул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения

³⁾Армянский государственный экономический университет, ул. Налбандян, 128, 0025, г. Ереван, Армения

Аннотация. Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всех народов Советского Союза, в том числе для армянского народа. С первых дней войны в Советской Армении началась работа по реализации ее военного потенциала. Перед республикой стояли чрезвычайно важные задачи: переориентировать всю свою деятельность на нужды военного времени, организовать мобилизацию, набрать кадры взамен ушедших на фронт и обеспечить бесперебойную работу в тылу. Кроме того, необходимо было организовать военную подготовку населения, собрать народное ополчение, построить оборонительные укрепления в приграничных районах и т. д. Формирование национальных дивизий сыграло важную роль в мобилизационной работе, проводившейся в первый период войны. Цель данной работы – осветить ключевые исторические события, связанные с участием армянских дивизий в Сталинградской битве и обороне Кавказа. Исследования свидетельствуют о том, что армянские дивизии прошли трудный героический боевой путь в Великой Отечественной войне, внесли значительный вклад в разгром фашистских войск. Полученные данные подтверждают, что армянские дивизии сыграли важнейшую роль в Сталинградской битве – событии, ставшем поворотным моментом как в Великой Отечественной, так и во Второй мировой войне. Кроме того, их участие в обороне Кавказа было решающим для предотвращения продвижения врага на территорию Советской Армении.

Ключевые слова: фашизм; Великая Отечественная война; мобилизация; армянские дивизии; боевой путь; Сталинградская битва; Кавказский фронт.

Образец цитирования:

Мелконян АА, Аванесян ИН, Макарян ЛА. Армянские национальные дивизии на Сталинградском и Кавказском фронтах. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;1:27–34 (на англ.).
EDN: LNECJU

For citation:

Melkonyan AA, Avanesyan IN, Makaryan LA. Armenian national divisions on the Stalingrad and Caucasian fronts. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;1:27–34.
EDN: LNECJU

Сведения об авторах см. на с. 34.

Information about the authors see p. 34.

АРМЯНСКІЯ НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ДЫВІЗІІ НА СТАЛІНГРАДСКІМ І КАЎКАЗСКІМ ФРАНТАХ

А. А. МЕЛКАНЯН^{1*, 2*}, І. М. АВАНЕСЯН^{1*, 3*}, Л. А. МАКАРАН^{2*}

^{1*} Інстытут гісторыі НАН Рэспублікі Арменія, вул. Маршала Баграмяна, 24/4, 0019, г. Ерэван, Арменія

^{2*} Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. А. Манукяна, 1, 0025, г. Ерэван, Арменія

^{3*} Армянскі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, вул. Налбандзян, 128, 0025, г. Ерэван, Арменія

Анатацыя. Вялікая Айчынная вайна стала сур'ёзным выпрабаваннем для ўсіх народаў Савецкага Саюза, уключаючы армянскі народ. З першых дзён вайны ў Савецкай Арменіі пачалася праца па рэалізацыі яе ваеннага патэнцыялу. Перад рэспублікай стаялі надзвычай важныя задачы: пераарыентаваць усю сваю дзейнасць на патрэбы ваеннага часу, арганізаваць мабілізацыю, набраць кадры наўзамен тых, якія пайшлі на фронт, і забяспечыць бесперабойную працу ў тыле. Акрамя таго, неабходна было арганізаваць ваенную падрыхтоўку насельніцтва, сабраць народнае апалчэнне, пабудаваць абарончыя ўмацаванні ў прыгранічных раёнах і г. д. Фарміраванне нацыянальных дывізіяў адыграла важную ролю ў мабілізацыйнай працы, якая праводзілася ў першы перыяд вайны. Мэта дадзенай працы – асвятліць ключавыя гістарычныя падзеі, звязаныя з удзелам армянскіх дывізіяў у Сталінградскай бітве і абароне Каўказа. Даследаванні сведчаць аб тым, што гэтыя дывізіі прайшлі цяжкі гераічны баявы шлях у Вялікай Айчыннай вайне, унеслі значны ўклад у разгром фашысцкіх войскаў. Атрыманыя даныя пацвярджаюць, што армянскія дывізіі адыгралі найважнейшую ролю ў Сталінградскай бітве – падзеі, якая стала паворотным момантам як у Вялікай Айчыннай, так і ў Другой сусветнай вайне. Акрамя таго, іх удзел у абароне Каўказа быў вырашальным для прадухілення прасоўвання ворага на тэрыторыю Савецкай Арменіі.

Ключавыя словы: фашызм; Вялікая Айчынная вайна; мабілізацыя; армянскія дывізіі; баявы шлях; Сталінградская бітва; Каўказскі фронт.

ARMENIAN NATIONAL DIVISIONS ON THE STALINGRAD AND CAUCASIAN FRONTS

A. A. MELKONYAN^{a, b}, I. N. AVANESYAN^{a, c}, L. A. MAKARYAN^b

^aInstitute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
24/4 Marshal Baghramyan Street, Yerevan 0019, Armenia

^bYerevan State University, 1 A. Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia

^cArmenian State University of Economics, 128 Nalbandyan Street, Yerevan 0025, Armenia

Corresponding author: I. N. Avanesyan (iskuhi.avanesyan@asue.am)

Abstract. The Great Patriotic War of the Soviet Union was a severe challenge for all the peoples of the union, including the Armenian people. From the very first days of the war, Soviet Armenia began work on realising the republic's military potential. It faced extremely important tasks: first of all, to reorganise all its activities on a military basis, to ensure mobilisation, to recruit personnel to replace those who had gone to the front, and to continue the work of the rear without interruption. After all this, it was necessary to organise military training for the population, form a people's militia, build defensive fortifications in border areas, etc. The formation of national divisions played an important role in the mobilisation work carried out in the first period of the war. This article aims to highlight key historical moments involving Armenian divisions during the Battle of Stalingrad and the defence of the Caucasus. Research indicates that these divisions endured a challenging combat path throughout the Great Patriotic War, contributing significantly to the defeat of Nazi forces through courage and self-sacrifice. The findings show that Armenian divisions played a crucial role in the Battle of Stalingrad, an event that proved decisive for the outcome of the Great Patriotic War and World War II overall, as well as in the defence of the Caucasus, which helped prevent an enemy advance into Soviet Armenia.

Keywords: fascism; Great Patriotic War; mobilisation; Armenian divisions; combat path; Battle of Stalingrad; Caucasian front.

Introduction

At sunrise on 22 June 1941, German fascist troops violated the non-aggression pact signed in 1939 and attacked the Soviet Union without declaring war. In a short period, the fascist troops captured the Baltic states, Belarus, Ukraine, and western regions of Russia, blockaded

Leningrad, and approached Moscow. A serious danger loomed over the entire USSR [1, p. 150]. The Soviet government, assessing the situation, issued a statement on 22 June calling on the people to defend their homeland. The Armenian people sent tens of thousands

of their children to the front. Armenian national divisions were created, which were crowned with military glory on the fronts.

The purpose of this study is to identify and highlight the contribution of Armenian divisions on the Stalingrad and Caucasian fronts. The relevance of this study stems from the need to re-evaluate historical facts in light of current political realities and recent geopolitical developments.

Given the fact that the Great Patriotic War was repeatedly mentioned, however, the issue of the participation of Armenian divisions in the Battle of Stalingrad and on the Caucasian Front was not discussed in detail.

The source base for the study consisted of archival documents, press publications by military units during that period, scientific publications. Quite a lot of information on this topic is provided by the materials stored in the funds 1007 and 741 of the National Archives of Armenia (NAA), where the detailed information about the formation of divisions and the combat direction is given.

The works of K. Harutyunyan [2–4] are of great scientific importance, in which the author mentions the contribution of the Armenian people to the war. The work of V. V. Litvinenko [5], in which the Battle of Stalingrad is discussed in detail, is valuable for highlighting the issues to be considered. The author critically analyses the existing estimates of human losses in the battles of Stalingrad and calculates the casualties of the Soviet and German forces in the Battle of Stalingrad based on a unified concept. The work «The Great Patriotic War of 1941–1945» stands out as a source of scientific value [6], which discusses the prehistory of the German attack and the events of the first three months of the Great Patriotic War, and then the current situation, the rallying of the Soviet people in defense of the Motherland. Some information about the Caucasian front is also given by E. F. Krinko and A. Yu. Bezugolnyi [7] in a scientific article co-authored, the authors discuss the pre-war plans of the nazi leadership, the real threats of the seizure of the Caucasus.

Research methodology

The methodological foundation of the study is based on the principles of historicism and historical-comparative analysis. The availability of the aforementioned sources enabled the identification and delineation of the research subject. Archival materials from the NAA were utilised to clarify chronological frameworks and contextual details. Furthermore, the use of data and materials published in scholarly sources made it possible

to examine the participation of Armenian military units and to emphasise their role in the war.

Adhering to the principles of historical authenticity, the research was carried out through the examination of factual evidence and the comparative analysis of diverse materials. The collected data substantiate the conclusion that Armenian divisions made a significant contribution to the victory of the Motherland in the war.

Results and discussion

Among the tasks carried out in the early stages of the war, the formation of national divisions, which took place in Armenia in the first days of the war, occupied a special place. In 1922, the 76th Armenian division was formed. With the start of the Great Patriotic War, the 89th, 261st, 390th, 408th, and 409th Armenian rifle divisions were quickly formed in the Soviet Army, with their ranks mainly filled by Armenians. The 89th Taman rifle division, which was awarded three times, performed great feats in the Great Patriotic War, marching from the Caucasus Mountains to Berlin. According to Resolution of the State Defence Committee of the USSR of 22 November 1941 No. 935, as well as Directive of the People's Defence Committee of the USSR of 28 November 1941 No. 3218, the 474th rifle division began to form in Yerevan on 15 December as part of the 45th army of the Transcaucasian front.

The latter was mainly replenished with human and material resources from the Armenian SSR. Military units and subdivisions of the division were also reple-

nished from Nagorno-Karabakh and Armenian-populated areas of Georgia. On 5 January 1942, by order of the People's Commissariat of Defence of the USSR No. 780101, the 474th rifle division was renamed the 89th rifle division¹. On the eve of its departure to the front, the 89th rifle division had 11 782 men in its ranks, 11 674 of them were Armenians (99.1 % of the total personnel)². Colonel S. Zakyan was appointed commander of the division, and Lieutenant Colonel A. Kazarian was appointed chief of staff. The division consisted of three rifle regiments and one artillery regiment, as well as of separate professional units³. S. Zakyan was later appointed commander of the 390th rifle division. Under his leadership, Armenian military units fought heroically against the German invaders. Together with other army units, Armenian soldiers repelled an attack by the German 22nd panzer division on 20 March 1942 and defeated the enemy. Colonel S. Zakyan died heroically in fierce fighting⁴. From December 1941 to early August 1942, military units of the 89th Taman rifle division intensively trained in combat

¹NAA. Fund 1007. Inv. 3. File 4. Sh. 5.

²Ibid.

³History of Armenian people / ed.: S. P. Agayan [et al.]. Yerevan : Acad. of Sci. of the Arm. SSR, 1970. Vol. 8. P. 48 (in Arm.).

⁴Battle Banner. 1942. 10 Apr. (No. 188) (in Arm.).

skills in Yerevan, preparing to enter the battle. Later, on 4 August 1942, they received orders to go to the front⁵.

According to Resolution of the People's Commissar of Defence of the USSR of 9 August 1941 No. 459 and Directive of the People's Commissar of Defence of the USSR of 11 August 1941 No. 2/539004, the 408th rifle division began to form in Echmiadzin and then in Yerevan [2, p. 214]. As of 25 September 1942, the division had 11 463 personnel, 11 125 of it were Armenians, accounting for 97.1 %. Colonel P. Kitsuke was appointed commander of the division. In the spring of 1942, soldiers of other nationalities who were part of the 408th rifle division were transferred to other military units, and their places were taken by Armenians. At that time, the 408th rifle division became an Armenian division in terms of its composition. It consisted of three rifle regiments (the 663rd, 670th, and 672nd) and one (the 963rd) rifle regiment [8, p. 10]. In August 1942, the division command reported that they were ready to be sent to the front. In the autumn of 1942, the 261st rifle division was formed in Armenia, fully manned by Armenian soldiers. The division commander was Colonel N. Baloyan, the military commissar was Senior Battalion Commissar A. Kananov, and the political chief was L. Shahbazyan. The division's regiments were stationed in various settlements. It remained in the rear until the end of the war. The division trained reserves and replenished the military units of the active army. Tens of thousands of Armenian soldiers who underwent combat and political training in its ranks went to the front. The division published the Armenian Red Army newspaper «Struggle for the Motherland», which shared combat experience with the soldiers and helped them master the art of war [8, p. 12].

The 409th rifle division was formed by order of the Military Headquarters of the Supreme Command of the Soviet Army on 28 June 1941 in Stepanavan⁶. According to Resolution of the State Defence Committee of the USSR of 9 August 1941 No. 459, the 409th rifle division began to be formed as part of the 45th army of the Transcaucasian front.

By a Resolution of the State Defence Committee of the USSR of 20 November 1941 No. 459, the 409th rifle division was included in the 45th army of the Transcaucasian front. Initially, the division operated as a foreign unit. As of 15–20 November 1941, the division had 2523 Armenians in its ranks. At the end of 1942, the 409th rifle division under the command of A. Vasilyan numbered 13 837 men, 13 460 of them were Armenians. The military commissar was A. Ayrapetyan, the deputy commanders were Colonel I. Prokopenko, Colonel S. Stepanyan,

and the head of the politburo L. Vardanyan. The division consisted of three rifle regiments (the 675th, 677th, and 684th) and one (the 690th) artillery regiment⁷. In early February 1942, foreign soldiers serving in the military units of the 409th rifle division were reassigned to other divisions, and the unit was subsequently replenished with Armenian personnel. On 23 February 1942, the division began publishing its Armenian-language newspaper «Battle Banner». Thus, the 409th rifle division was reorganised into an Armenian national military unit. At the end of November 1942, the division received the order to go to the front [9, p. 12]. It left the city of Lenakan for the front, took up positions on the front line north of the city of Grozny, and fought for the liberation of the city of Mozdok⁸. On 8 January 1944, the 409th rifle division was given the honorary title «Kirovograd» in recognition of its role in the liberation of the city of Kirovograd⁹. For its participation in the liberation of the strategically important cities and railway junctions of Novoukrainka and Pomoshnaya, the division was awarded the Order of Bogdan Khmel'nitsky of 2nd class. The division then participated in the liberation of Moldova, Romania, Hungary, Czechoslovakia, and Austria as part of the 2nd Ukrainian front¹⁰.

Only one of the Armenian national divisions formed during the Great Patriotic War did not participate in combat operations from the day of its formation until the end of the war. It was the Armenian 261st rifle division. This division was tasked with defending the relevant section of the Soviet-Turkish border on the territory of Soviet Armenia. At the start of the war, it had 9384 personnel, 7499 of it were Armenians. The division consisted of the 974th, 976th, and 978th rifle regiments, as well as the 809th artillery regiment. Until the day of its disbandment in the summer of 1945, the division honourably fulfilled the tasks assigned to it. The 261st rifle division also trained reserves and replenished the military units of the active army with marching battalions [9, p. 14].

The 390th rifle division, which was formed on the Kerch front under combat conditions, also stands out among the Armenian national units. It began to form on 25 August 1941 in the Georgian cities of Makharradze, Poti and Zugdidi as a non-national unit. Colonel I. Vingradov was appointed commander of the division, A. Sotnikov was appointed military commissar, and Lieutenant Colonel G. Sikhuralidze was appointed chief of staff. The division consisted of three rifle regiments (the 784th, 789th, and 792nd), and one (the 954th) rear regiment. In early March 1942, a delegation from the Armenian SSR led by M. Papyan arrived in Kerch and

⁵NAA. Fund 1007. Inv. 3. File 3. Sh. 2–3.

⁶Ibid. Fund 741. Inv. 1. File 27. Sh. 1.

⁷Ibid. File 3. Sh. 1–3 ; Ibid. File 7. Sh. 2–3.

⁸Ibid. File 27. Sh. 3–4.

⁹Ibid. Sh. 9.

¹⁰Ibid. Sh. 11.

presented the division and its regiments with battle flags. The Armenian soldiers swore to fulfil their sacred duty with honour [9, p. 14].

The Armenian 76th mountain rifle division, previously formed in Soviet Armenia in 1920–1922, which was reorganised into a non-national unit in 1938–1940, was replenished in 1941 with human and material resources from the republic, regained its national identity, and went to the front in September. The division was especially distinguished in the Battle of Stalingrad¹¹.

In the very first period of the war, the Armenian divisions, taking part in the fighting, honourably fulfilled their duty to the Motherland. Talented military leaders have emerged from among the Armenian soldiers, whose names have forever entered the annals of the Great Patriotic War.

After failing in the Moscow direction, the German fascist forces redirected their main offensive toward Crimea, the Caucasus, and Stalingrad. From 17 July 1942 to 2 February 1943, the largest and most decisive battle of the Great Patriotic War, the Battle of Stalingrad, unfolded between the Don and Volga rivers [5, p. 40]. The enemy aimed to break through Soviet defenses with deep penetrations in the Taganrog and Kursk sectors along a 650-kilometer front, encircle and destroy the forces of the Bryansk, Southwestern, and Southern fronts west of the Don using mobile strike groups, and thereby regain the strategic initiative. Soviet troops were ordered to hold the Stalingrad defensive lines at all costs and not to surrender a single position [10, p. 178]. The Supreme Command of the Soviet Army's plan to encircle and destroy the enemy grouping at Stalingrad was implemented under the leadership of generals N. Batutin, A. Eremenko, K. Rokossovskii, and F. Golikov, and coordinated by representatives of the Supreme Command Headquarters (generals G. Zhukov, A. Vasilevskii, and N. Voronov)¹².

Between 23 November and 10 January 1942 surrounded on the outskirts of Stalingrad, 330 000 German troops lost about 140 000 soldiers¹³. From 19 November 1942 to early January 1943, 144 150 enemy soldiers and officers were taken prisoner¹⁴. The Battle of Stalingrad lasted 200 days and ended with the encirclement and complete defeat of the German troops. The defeat of the enemy at Stalingrad was one of the largest and most important military and political events of the World War II, marking the beginning of a radical turning point in both the Great Patriotic War and the entire course of the World War II. The sons of the Armenian people, especially the Armenians who joined the ranks of the national divisions, made a significant contribution to this historically significant victory and created glorious pages of self-sacrifice. The Armenian 76th rifle division took part in the Battle of Stalingrad from its

very beginning to its conclusion. In the first days of the offensive, with powerful support from artillery, tanks and aviation, the division broke through enemy positions in the area of the village of Dimitrovka and captured the largest nazi defence hub – the village of Karpovka, as well as the strategically important aerodroms «Pitomnik» and «Gumrak». The enemy was no longer able to stop their advance. On 10 January 1943, Soviet troops launched an offensive to destroy the enemy's Stalingrad group [6, p. 91].

The 51st guards division took an active part in these combat operations as part of the Don front. On 27–29 January 1943, units of the division fought bloody battles in the central part of the city, and the next day, continuing street fighting, cleared the streets of Irtyshskaya, Rakhinskaya, Karskaya, Dnepropetrovskaya, Azovskaya, Donetskaya, Respublikanskaya, Solnechnaya and Kommunisticheskaya of nazi troops. On 31 January, the southern enemy group ceased resistance. On 2 February, the northern enemy group also surrendered [3, p. 55]. German Army Commander Field Marshal F. Paulus, who had received this rank a few days earlier, and a total of 17 generals were taken prisoner [6, p. 90]. For its bravery in battle on 23 November 1942, the division was reorganised into a guards division and subsequently renamed the 51st guards rifle division. By order of the People's Commissar of Defence of the USSR of 23 November 1942 No. 375, it was awarded the title of «guards». The order stated, in particular: «In the battles for our Soviet Motherland against the German invaders, the 76th rifle division showed examples of courage, discipline and organisation. Constantly fighting the German invaders, the 76th division inflicted heavy losses on the fascist troops and destroyed the enemy's manpower and equipment with its crushing blows, mercilessly crushing and smashing the German invaders. For its courage, steadfastness, discipline and organisation in the battles for the Motherland against the German invaders, the 76th division was reorganised into the 51st guards division... The reorganised division was awarded the Guards Banner...» [2, p. 231]. In addition to being awarded the title of «guards» for its successes, the division received the gratitude of Supreme Commander-in-Chief I. V. Stalin, participated in the parade of military units that distinguished themselves in the liberation of the city, and in 1943, on 19 June 1941, was awarded the Order of Lenin by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR [2, p. 232]. Following the conferral of the title of «guards», the division's military units and individual subunits were also assigned new numerical designations. This honorary title significantly boosted the morale of the division's command and personnel, reinforcing their sense of duty and motivating them to intensify their efforts against the enemy. At the end

¹¹History of Armenian people / ed.: S. P. Agayan [et al.]. Yerevan : Acad. of Sci. of the Arm. SSR, 1970. Vol. 8. P. 52 (in Arm.).

¹²Battle Banner. 1943. 4 Jan. (No. 309) (in Arm.).

¹³Fight for the Motherland. 1943. 1 Febr. (No. 15) (in Arm.).

¹⁴Ibid. 1 Jan. (No. 4) (in Arm.).

of November and throughout December 1943, all military units successfully repelled enemy attacks aimed at breaking through the encirclement. After the war, one of the newly opened streets in the Dzerzhinsky district of Stalingrad was named after the 51st guards division. In addition to the 76th rifle division, the 136th (15th guards) and 138th (70th guards) Armenian rifle divisions also took part in the fighting, as did thousands of Armenians who joined the ranks of various divisions and actively participated in both defensive and offensive battles. In the Battle of Stalingrad alone, the number of Armenian participants reached about 30 000. Among the active participants in the Battle of Stalingrad were major generals S. Galadzhiev, I. Vekilov, H. Tumanyan, and one of the defenders of Pavlov's house, Mayor V. Avakimov. Among the heroes of Stalingrad were S. Burnazyan, M. Magatyan, G. Kalustov and others [9, p. 16].

The victory in the Battle of Stalingrad was of particular importance to the Armenian people, as Turkey had amassed 26 divisions on the borders of Soviet Armenia and was waiting for a convenient moment to attack. However, the victory in this battle sobered Turkey, which immediately withdrew its troops from the border¹⁵. The Battle of Stalingrad marked a turning point in the war, as the Soviet armed forces seized the strategic initiative from the enemy and maintained it until final victory.

The real threat of the seizure of the Caucasus by Nazi troops first arose in the autumn of 1942. On 21 November, enemy troops captured Rostov-on-Don. The Don was a major transportation hub in the south of the country, considered the gateway to the Caucasus [7, p. 5].

Particular attention should be paid to the plan of German leader Field Marshal P. von Hindenburg to conquer the Caucasus and the Armenian Highlands as a crossroads of the East, while the desire to pass through Iran to India found new expression in the Hitlerite command's plan, operation «Edelweiss», with which the enemy sought to encircle and destroy Soviet troops south and east of Rostov-on-Don, as well as to seize the entire Caucasus. The German side considered the conquest of the Caucasus a priority for economic reasons, as the army needed the natural resources of the Caucasus, the oil fields of Grozny and Baku, and the grain-rich regions of the Kuban. The struggle for the Caucasus lasted 442 days and became the second longest battle of the war after the defence of Leningrad [11, p. 71]. In history, this heroic battle is known as the defence of the Caucasus and is divided into two periods. The first period began in 1942. The first stage of the offensive lasted from 25 July 1943 to early January 1943 and was characterised by a temporary retreat of the army and stubborn defensive battles. The second period of offensive bat-

tles lasted from January 1943 to 9 October 1943, when the liberation of the Taman Peninsula completed the defeat of the enemy forces [4, p. 53]. All military branches joined the fight for the Caucasus: ground forces, the Black Sea Fleet, the Azov and Caspian flotillas, the Air Force, and partisans. Transcaucasian national military units played an important role in this struggle and were severely tested. The sons of the Armenian people took the most active part in the defence of the Caucasus. A significant number of them fought in the Armenian 89th, 408th, and 409th rifle divisions. On 7 August 1942, the command of the 89th rifle division was tasked with preparing to defend the right flank of Grozny, as the enemy had reached the Terek and the approaches to Grozny. On 13 August 1943, having reached Grozny, units of the 89th rifle division replaced the previous military units and took up defensive positions. Then, on the orders of the Military Council of the 9th army, the 89th rifle division took up defensive positions on the right bank of the Terek¹⁶. On 11 September 1942, the 408th rifle division, which was part of the 47th army of the Black Sea group, also left Yerevan for the front. In September, heavy defensive battles unfolded in the North Caucasus.

On 10 September 1943, the troops of the North Caucasian front, commanded by Colonel-General I. Petrov, broke through the seemingly impregnable «Blue line». The Novorossiysk – Taman operation, the final stage of the Caucasian Battle, has begun. On 16 September, Novorossiysk was liberated, and on 9 October, Taman was completely cleared of the enemy. This day marked the final stage of the Battle of the Caucasus [6, p. 11].

Enemy aircraft heavily bombed our units. Not receiving adequate reinforcements for a long time, the division's ranks gradually thinned. Under the command of Colonel P. Kitsuk, the 408th rifle division, supported by coastal troops, participated in the defence of Gelendzhik and its surroundings, then took part in a number of other settlements, defeating the Romanian 30th mountain rifle division, losing about 8000 killed and wounded [11, p. 78]. In October 1942, fierce battles took place in the Tuapse area, where, after suffering heavy losses, the division was reorganised into the 7th rifle brigade and continued to participate in battles for other settlements in the Caucasus. The 409th rifle division, which had been transferred to the Transcaucasian front, began its combat operations in the Mozdok area, participating in the liberation of Mozdok, Georgievsk, Mineralnye Vody, Stavropol, Armavir, and Krasnodar¹⁷. It was awarded orders and medals «For the defence of the Caucasus» by the Supreme Command Headquarters for its defence of the Caucasus and Kuban¹⁸. The defensive battles on the Caucasian front were followed by offensive battles aimed at encircling and defeating enemy troops in the North Caucasus and blocking their retreat routes to

¹⁵History of Armenian people / ed.: S. P. Agayan [et al.]. Yerevan : Acad. of Sci. of the Arm. SSR, 1970. Vol. 4. P. 551 (in Arm.).

¹⁶NAA. Fund 1007. Inv. 3. File 6. Sh. 27–28.

¹⁷Ibid. Fund 741. Inv. 1. File 27. Sh. 4.

¹⁸Ibid.

Rostov, Donbass and Crimea. The Black Sea Fleet, the fleets of the North Caucasus and Transcaucasian fronts, and the Caspian Sea took an active part in these combat operations. Advancing 600 km to the west, the Stavropol Krai, a number of regions of North Ossetia, Kabardino-Balkaria and the Rostov Region, and some territories of the Krasnodar Krai were liberated, and hundreds of thousands of citizens were freed from German captivity¹⁹. The enemy, unable to withdraw its troops along the Rostov roads, was forced to send the main forces to the Kuban and Taman Peninsula. A powerful defensive line was built here, called the «Blue line», which stretched from the Sea of Azov to the Black Sea. It consisted of several tiers with powerful firing points. The nazi command attached great importance to the fortifications of the «Blue line». The strong defence of the approaches to the Taman Peninsula and the terrain made it difficult for our troops to advance, which also required amphibious operations. More than 150 ships and the same number of combat aircraft participated in the liberation of the peninsula. The ground forces, mainly the 18th army, which included the 89th rifle division, delivered powerful blows²⁰. The latter took an active part and launched offensive operations in the direction of Mount Dolgaya and Height Sakharnaya Golovka. These were the first battles of the division under the command of Colonel N. Safaryan for the liberation of Novorossiysk and the Taman Peninsula. The general offensive on this sector of the front, as is known, began on 10 September 1943. The military units operating on the left wing of the division liberated Novorossiysk on 16 September. The military units operating on the right wing, having gone on the offensive, broke through the «Blue line» of the enemy's defense. Many enemy firing points were suppressed. It was necessary to suppress other firing points in order to clear the way for the advancing troops. Senior Sergeant H. Avetisyan took over this task. He climbed Mount Dolgaya and, at the cost of his life, suppressed the fire of enemy machine guns, closing the machine gun embrasure of the fascist wooden-earthen firing point with his body. Thus, he opened the way for his advancing comrades, ensuring their advancement. Then the division liberated Mount Dolgaya, H. Avetisyan was posthumously awarded the high title of Hero of the Soviet Union²¹. Continuing to pursue the enemy, units of the division advanced at night. Having advanced more than 30 km in 5 days of stubborn fighting, the division broke through the

enemy's defenses and on 3 October was the first to reach the Taman Peninsula, for which the division was awarded the title «Taman». And the next day, the division's fighters liberated the large Primorskaya Village. Thus, the 89th rifle division completed the fighting on the Taman Peninsula. And on 9 October, thanks to the massive heroism of the front troops, the Caucasus was completely liberated from the enemy. 115 soldiers defending the Caucasus were awarded the high title of Hero of the Soviet Union, 6 of them were Armenians. For their personal courage shown in the battles for the liberation of Novorossiysk and the Taman Peninsula, sapper Private J. Karakhanyan and Senior Sergeant S. Arakelyan were also awarded the high title of Hero of the Soviet Union. Among the Armenian soldiers who distinguished themselves in the defensive battles of the Caucasus, Captain S. Mkrtumyan was the first to be awarded the title of Hero of the Soviet Union. From 24 June to 16 November 1942, he flew 27 combat missions on an Il-2 aircraft, destroying a large number of enemy military equipment, as well as hundreds of soldiers and officers. Lieutenant S. Tashiev also became a hero for his excellent performance of combat missions, personal courage and the shooting down of seven enemy aircraft. Senior Lieutenant G. Madoyan was also awarded the high title of Hero of the Soviet Union for liberating the railway station with his battalion in the battles for Rostov-on-Don, holding it for 6 days and repelling 43 enemy attacks during that time²². For the courage and bravery shown in this battle, many Armenian soldiers were awarded government awards, orders and medals, defending the honour of the Armenian people. They distinguished themselves by heroic actions in the air and navy, in various tank, artillery, cavalry units and partisan detachments, making a great contribution to the victory. The battles for the Caucasus are one of the glorious pages of the history of the Great Patriotic War. The Supreme Soviet of the USSR, highly appreciating the historical significance of the Battle for the Caucasus, put it on a par with the battles of Moscow, Leningrad, Odessa, Sevastopol, and Stalingrad and established the medal «For the defense of the Caucasus», which was awarded to 583 045 defenders [2, p. 215]. A comparative analysis of the available arguments allows us to assert that the Armenian divisions made a substantial contribution to the victory on the Caucasian front and, more broadly, to the overall success of the Soviet Union in the Great Patriotic War.

Conclusions

Summing up the topic of the study, we came to the following conclusions.

1. From the very first days of the struggle against fascism, the Armenian people rushed to defend their home-

land with all their might, and the active participation of Armenians was highly appreciated. The Armenian people sent tens of thousands of their sons to the front, and Armenian divisions were created, which were anointed with

¹⁹NAA. Fund 741. Inv. 1. File 27. Sh. 4.

²⁰Ibid. Fund 1007. Inv. 3. File 32. Sh. 18–19.

²¹Ibid. Sh. 21–22.

²²Ibid. Sh. 18–19.

military glory on the fronts. Armenian soldiers could be found on all fronts of the war, in all parts of the army.

2. The victory at Stalingrad shook the foundations of Nazi Germany, disrupted the plans of action of Turkey and Japan against the USSR, inspired both the allied countries and the forces waging an underground and guerrilla struggle against fascism. The Armenian 76th rifle division, which participated from the first days

of the battle to the end, made a great contribution to this victory and became a guards unit for its heroism.

3. The Battle for the Caucasus ended in a complete failure of the plans of the fascist command. After clearing the Caucasus of enemy troops, the Armenian divisions stopped the enemy's advance towards Transcaucasia at the cost of heavy losses and made their worthy contribution to the Caucasian front.

References

1. Nekrich AM. *1941. 22 June*. Moscow: Nauka; 1965. 178 p. Russian.
2. Harutyunyan K. *Armenian national military units in 1918–1945*. Yerevan: Zagnak; 2002. 271 p. Armenian.
3. Harutyunyan K. *The combat path of the 51st guards division*. Yerevan: [s. n.]; 1980. 132 p.
4. Harutyunyan K. *The participation of the children of the Armenian people in the Great Patriotic War (1941–1945)*. Yerevan: National Academy of Sciences of Armenia; 2016. 224 p. Armenian.
5. Litvinenko VV. *The Battle of Stalingrad. Human losses of the Red Army and the Wehrmacht. Myths and reality*. Moscow: Prometei; 2023. 314 p. Russian.
6. Serdyukov AE, editor. *The Great Patriotic War of 1941–1945. Volume 2, Origin and beginning of the war*. Moscow: Kuchkovo pole; 2012. 1008 p. Russian.
7. Кринко ЕФ, Безугольный АЮ. Битва за Кавказ и ее значение в истории Великой Отечественной войны. *Научная мысль Кавказа*. 2015;1:5–13. EDN: TRNKPP.
8. Hakobyan AM. *In heroic battles*. Yerevan: Armenia; 1975. 198 p.
9. Khachatryan G. The participation of the Armenian people in the Great Patriotic War. *Historical and Philological Journal*. 2005;3:12–22. Armenian.
10. Zolotarev VA, editor. *The Great Patriotic War of 1941–1945. Book 4*. Moscow: Nauka; 1998. 485 p. Russian.
11. Grigoryan K. *The participation of the Armenian people in the defense of the Caucasus*. Yerevan; 1971. 284 p.

Received 19.11.2025 / revised 24.11.2025 / accepted 22.12.2025.

Авторы:

Ашот Агасиевич Мелконян – доктор исторических наук; директор¹⁾, профессор кафедры истории Армении исторического факультета²⁾.

Искуи Николаевна Аванесян – кандидат исторических наук; научный сотрудник отдела истории армянского вопроса и геноцида¹⁾, доцент кафедры общественно-экономического факультета³⁾.

Лилит Асканазовна Макарян – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Армении исторического факультета.

Authors:

Ashot A. Melkonyan, doctor of science (history); director^a and professor at the department of history of Armenia, faculty of history^b.

ashamelk@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-2579-0286>

Iskuhi N. Avanesyan, PhD (history); researcher at the department of Armenian question and genocide^a and associate professor at the department of social sciences, faculty of economics^c.

iskuhi.avanesyan@asue.am

<https://orcid.org/0009-0005-2491-5058>

Lilit A. Makaryan, PhD (history); associate professor at the department of history of Armenia, faculty of history.

l.makaryan@ysu.am

<https://orcid.org/0009-0008-4696-1962>

УДК 327(438:597)(091) + 94(597)«1963–1973»

УЧАСТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ВО ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ УСИЛИЙ ПОЛЬШИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА (1963–1973)

НГУЕН ТХЕ ХА¹⁾, ДИНЬ ВАН ЧОНГ²⁾, ФАМ ДЫК ТХОЦ²⁾

¹⁾Данангский университет, Университет науки и образования,
ул. Тон Дык Тханг, 459, 550000, г. Дананг, Вьетнам

²⁾Данангский университет, Университет экономики,
ул. Нгу Хань Шон, 71, 550000, г. Дананг, Вьетнам

Аннотация. Изучается вклад Польши в поддержание мира во Вьетнаме в 1963–1973 гг. Исследование основано на источниках из Архива Министерства иностранных дел Республики Польша, Национального архива Республики Польша, Государственного департамента США и цифрового архива Международного научного центра имени Вудро Вильсона. Основными методами исследования являются исторический и логический методы. Исторический метод используется для определения усилий Польши по поддержанию мира во Вьетнаме. Логический метод помогает делать объективные выводы и давать справедливые оценки рассматриваемым вопросам. Кроме того, в исследовании используются такие методы, как синтез и анализ материалов. Данная работа расширяет существующий объем знаний по истории вьетнамской войны (1954–1975).

Ключевые слова: Польша; Вьетнам; США; дипломатические усилия; миротворчество; период 1963–1973 гг.

УДЗЕЛ САЦЫЯЛІСТЫЧНЫХ КРАІН У В'ЕТНАМСКОЙ ВАЙНЕ: ДАСЛЕДАВАННЕ НАМАГАННЯЎ ПОЛЬШЧЫ ПА ПАДТРЫМАННІ МІРУ (1963–1973)

НГУЕН ТХЕ ХА^{1*}, ДЗІНЬ ВАН ЧОНГ^{2*}, ФАМ ДЫК ТХОЦ^{2*}

^{1*}Данангскі ўніверсітэт, Універсітэт навукі і адукацыі,
вул. Тон Дык Тханг, 459, 550000, г. Дананг, В'етнам

^{2*}Данангскі ўніверсітэт, Універсітэт эканомікі,
вул. Нгу Хань Шон, 71, 550000, г. Дананг, В'етнам

Анатацыя. Вывучаецца ўнёсак Польшчы ў падтрыманне міру ў В'етнаме ў 1963–1973 гг. Даследаванне заснавана на крыніцах з Архіва Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Польшча, Нацыянальнага архіва Рэспублікі Польшча, Дзяржаўнага дэпартаменту ЗША і лічбавага архіва Міжнароднага навуковага цэнтра імя Вудра Вільсана. Асноўнымі метадамі даследавання з'яўляюцца гістарычны і лагічны метады. Гістарычны метады прымяняюцца для вызначэння

Образец цитирования:

Нгуен Тхе Ха, Динь Ван Чонг, Фам Дык Тхоц. Участие социалистических стран во вьетнамской войне: исследование усилий Польши по поддержанию мира (1963–1973). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026;1:35–46 (на англ.).
EDN: OIRFNG

For citation:

Nguyen The Ha, Dinh Van Trong, Pham Duc Tho. The involvement of socialist countries in the Vietnam War: a case study of Poland's efforts in peacekeeping (1963–1973). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2026; 1:35–46.
EDN: OIRFNG

Авторы:

Нгуен Тхе Ха – кандидат исторических наук; преподаватель факультета истории, географии и политических наук.

Динь Ван Чонг – кандидат исторических наук; преподаватель факультета политической теории.

Фам Дык Тхоц – кандидат философских наук; преподаватель факультета политической теории.

Authors:

Nguyen The Ha, PhD (history); lecturer at the faculty of history – geography – politics.

thehasp.dn@gmail.com

Dinh Van Trong, PhD (history); lecturer at the faculty of political theory.

trongdv@due.edu.vn

Pham Duc Tho, PhD (philosophy); lecturer at the faculty of political theory.

thopd@due.edu.vn

намаганняў Польшчы па падтрыманні міру ў В'етнаме. Лагічны метада дапамагае рабіць аб'ектыўныя высновы і справядліва ацэньваць пытанні, якія разглядаюцца ў працы. Акрамя таго, у даследаванні прымяняюцца такія метады, як сінтэз і аналіз матэрыялаў. Дадзеная праца пашырае наяўны аб'ём ведаў па гісторыі в'етнамскай вайны (1954–1975).

Ключавыя словы: Польшча; В'етнам; ЗША; дыпламатычныя намаганні; міратворчасць; перыяд 1963–1973 гг.

THE INVOLVEMENT OF SOCIALIST COUNTRIES IN THE VIETNAM WAR: A CASE STUDY OF POLAND'S EFFORTS IN PEACEKEEPING (1963–1973)

NGUYEN THE HA^a, DINH VAN TRONG^b, PHAM DUC THO^b

^aThe University of Danang, University of Science and Education,
459 Ton Duc Thang Street, Danang 550000, Vietnam

^bThe University of Danang, University of Economics,
71 Ngu Hanh Son Street, Danang 550000, Vietnam

Corresponding author: Nguyen The Ha (thehasp.dn@gmail.com)

Abstract. This article focuses on Poland's efforts to maintain peace in Vietnam during 1963–1973. The research is based on secondary sources accessed from the Archive of Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Poland, the National Archive of the Republic of Poland, the US Department of State, and publications on the Wilson Center digital archive. The study employs a historical and logical approach. The historical method is used to reconstruct a truthful historical picture of Poland's efforts to engage with various parties to maintain peace in Vietnam. Meanwhile, the logical method helps to draw conclusions and assessments that align with objective laws. Additionally, the author employs other methods such as synthesis and analysis of materials. The article focuses on questions of the reasons behind Poland's diplomatic efforts regarding peace in Vietnam, Poland's efforts to maintain peace in Vietnam, an assessment of Poland's diplomatic efforts for peace in Vietnam (1963–1973). The findings of this research contribute to the existing body of knowledge on the history of the Vietnam War (1954–1975).

Keywords: Poland; Vietnam; USA; diplomatic efforts; peacekeeping; 1963–1973 period.

Introduction

The US war against Vietnam, which lasted from 1954 to 1975, concluded on 30 April 1975, marked by the liberation of Saigon by the Vietnamese People's Army and the capture of the entire South Vietnamese government¹. This war involved numerous parties with diverse roles. Set against the backdrop of the Cold War and the US-Soviet rivalry, the Vietnamese struggle against US aggression became a global focal point. Poland, as a socialist ally of Vietnam, provided various forms of sup-

port, including economic, military, and diplomatic assistance, with specific efforts aimed at maintaining peace in Vietnam. Poland's actions during this period reflected the country's commitment to peace and international responsibility. The Polish government seized every opportunity to encourage dialogue among the warring parties, preventing actions that could escalate the conflict and harm the Vietnamese people. Polish delegations played a mediating role, monitoring viola-

¹US involvement in the Vietnam War effectively began prior to 1950, during the French-led war in the region. Following the Chinese Communist party's rise to power in October 1949, US apprehension intensified, prompting an increase in its intervention in Vietnam, Laos, and Cambodia. In 1950, President H. S. Truman established the Military assistance advisory group, tasked with both overseeing the utilisation of the initial 10 mln US dollars in US aid to Indochina and providing direct strategic and tactical advice to French forces. By the end of 1952, the US was covering approximately 42 % of the war costs in Indochina. By early 1954, this figure had reached 72 %. Despite this, the French, with the strong support of the US, suffered a crushing defeat at Dien Bien Phu and were forced to withdraw from Vietnam. As the leader of the capitalist bloc facing the socialist opposition, the US declared itself exempt from responsibility for the Geneva accords and immediately replaced France, establishing a government in South Vietnam with its capital in Saigon. Among many candidates, the US chose Ngo Dinh Diem as Prime Minister to represent them in preventing the spread of communism in Indochina. Therefore, Vietnamese historians agree that the resistance war against American imperialist aggression is counted from 1954, when France was defeated and the US took over, and ended on 30 April 1975, when the liberation army defeated the Republic of Vietnam government and captured President Duong Van Minh and the entire cabinet. See: *Pham Hong Tung*. The struggle for the unification of Vietnam (1954–1975) approached from several international perspectives // *Journal of Party History* : website. URL: <https://tapchilichsudang.vn/cuoc-dau-tranh-thong-nhat-dat-nuoc-viet-nam-1954-1975-tiep-can-tu-mot-so-phuong-dien-quoc-te.html> (date of access: 21.05.2025) (in Vietnam.); *Nguyen Van Tiep*. Some comments on the national policy toward the Central Highlands ethnic minorities of the Republic of Vietnam government under President Ngo Dinh Diem (1954–1963) // *Sci. & Technol. Dev.* 2013. Vol. 16, No. 11. P. 34–35 (in Vietnam.).

tions and reporting to international organisations to draw global attention to the situation in Vietnam. In negotiations, Poland proposed numerous solutions to promote peace and persuaded the parties involved of the need for a comprehensive ceasefire. However, existing studies on Poland's involvement in the Vietnam War remain limited. This indicates a need for further research to clarify this issue. This paper analyses Poland's efforts to maintain peace in Vietnam from 1963 to 1973, focusing on its role as an International commission for

control and supervision envoy. By utilising a variety of sources and research methods, this study aims to provide a comprehensive and objective assessment of Poland's involvement. Based on available sources, this paper seeks to reconstruct a detailed account of Poland's efforts to maintain peace in Vietnam, grounded in the provisions of the Geneva accords. The findings of this study will contribute significantly to the existing body of knowledge on this topic and serve as a valuable resource for further research on the Vietnam War.

Reasons for Poland's diplomatic efforts for peace in Vietnam

First and foremost, it can be affirmed that Poland's initial motivation for participating in peacekeeping activities in Vietnam stemmed from its responsibility as a member of an international supervisory commission. On 25 January 1954, representatives from major powers including the US, the Soviet Union, Britain, and France reached a consensus to convene the Geneva conference to discuss the Korean War and restore peace in Indochina [1, p. 4]. During the conference, Vietnam's viewpoints were supported by China and the Soviet Union². In the final stages, the involved parties (Britain, France, the Soviet Union, China, and Vietnam) reached a last-minute agreement to use the 17th parallel as a demarcation line and to hold general elections for a unified Vietnam after two years [1, p. 6]. During this period, the parties adhered to the ceasefire agreement and maintained peace. To uphold peace and monitor compliance with the conference's decisions regarding the Indochina War, an International commission for control and supervision was established. Commission members include diplomats from Poland, Canada, and India. Poland was a prominent member of this supervisory commission. Therefore, participating in peacekeeping efforts in Vietnam was a responsibility of Poland. According to the Polish delegation within the International commission for supervision and control in Vietnam, they affirmed that the commission had assigned Poland specific tasks arising from proletarian internationalism³, meaning Poland's participation in this commission aimed to safeguard the interests of the communist bloc. The endeavour to maintain peace in Vietnam was both a responsibility within the commission and a means to protect the interests of Vietnam, a young communist nation in Asia at that time.

Poland's diplomatic efforts to promote peace in Vietnam were primarily driven by its role as a member of the

International commission for control and supervision. The decision to establish the commission was a result of the 1954 Geneva conference, which sought to resolve the Korean War and restore peace in Indochina. As a member of that international body, Poland was entrusted with the responsibility of monitoring compliance with the Geneva accords. This duty was seen as a manifestation of Poland's internationalist commitments, particularly given its alignment with the communist bloc. Supporting a newly established communist state like Vietnam aligned with Poland's ideological stance. Therefore, participating in peacekeeping efforts in Vietnam was Poland's responsibility. According to the Polish delegation in the International commission for control and supervision in Vietnam, they affirmed that the commission had assigned specific tasks to Poland, arising from proletarian internationalism. Another crucial factor driving Poland's diplomatic efforts in Vietnam was its commitment to the international communist movement and its opposition to imperialism. This was a shared responsibility among socialist countries. After the World War II, the world was divided into two opposing blocs. On one side were capitalist nations influenced by the US, aiming to contain the Soviet Union, China, and other socialist countries. On the other side were socialist nations influenced by the Soviet Union, united under the banner of socialism to counter the US and the capitalist world. The Cold War arms race was the most evident manifestation of this US-Soviet rivalry and the broader conflict between socialism and capitalism. The foreign policies of socialist countries were significantly influenced by the Soviet Union. Consequently, most socialist nations adopted anti-imperialist foreign policies. At the same time, these countries took advantage of this competition to demonstrate their independent foreign policy stances. This could be seen

²The delegation of the Democratic Republic of Vietnam led by Pham Van Dong requested the participation of representatives of the Laotian and Cambodian resistance forces. On 10 May 1954, Pham Van Dong delivered a speech outlining the Democratic Republic of Vietnam's stance: 1) to simultaneously resolve both military and political issues; 2) to simultaneously resolve the issues of Vietnam, Laos, and Cambodia. He emphasised that the French government must recognise the basic national rights of the Vietnamese, Cambodian, and Laotian people. See [1, p. 5].

³The second meeting of the Polish delegation with the Chinese delegation // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/record-conversation-between-polish-leader-wladyslaw-gomulka-and-chinese-premier-zhou-0> (date of access: 08.10.2024).

as a form of flexibility in the foreign strategies of socialist countries, allowing them to assert their roles on the international stage. Poland's anti-imperialist stance was evident in its interactions with the Soviet Union and China. In a meeting on 16 June 1967, between Liu Ningyi (China) and Z. Kliszko (Poland), the Polish representative emphasised the need for a conference among socialist countries to discuss aid strategies for Vietnam. Z. Kliszko argued that, given the escalating US aggression in Vietnam, providing aid to end the war was an urgent necessity. He expressed hope that Chinese leaders would consider this initiative⁴. Poland also actively encouraged socialist countries to overcome their differences and stand united with Vietnam against the US and capitalism. Z. Kliszko emphasised: «History will never forgive us if we cannot overcome our divisive differences in order to protect what we share and what is most important to us». He pointed out the global nature of the US imperialist attack⁵. Therefore, it is evident that Poland held a clear anti-capitalist stance, and Vietnam was considered a crucial front in this struggle. By assisting Vietnam, Poland aimed to help Vietnam both to end the war and to contain the US in the global competition between capitalism and socialism.

The socialist relationship between Vietnam and Poland was another crucial factor driving Poland's efforts to maintain peace in Vietnam. Poland established diplomatic relations with Vietnam on 4 February 1950, becoming one of the first countries to recognise Vietnam's independence in 1950. After the successful August Revolution of 1945, President Ho Chi Minh declared Vietnam's independence in Hanoi on 2 September 1945. However, Vietnam's independence was not recognised by any other country at that time. Therefore, seeking recognition from other nations was «crucially related to the overall development of the country» [2, p. 23]. Faced with this demand, President Ho Chi Minh actively worked to promote international recognition of Vietnam's independence. He sent a letter to the United Nations expressing the viewpoint of the new Vietnam. He declared: «The UN Charter must respect the independence of other nations. The United Nations has a responsibility to implement this charter. We want the United Nations to fulfill its mission» [3, p. 1356].

Starting from 1950, right after China declared its independence, President Ho Chi Minh began diplomatic activities in Eastern European countries. On 14 January 1950, he declared: «The Government of the Democratic Republic of Vietnam is the sole legal government of the entire Vietnamese people. The Government of the Democratic Republic of Vietnam is ready to establish diplomatic relations with any government that respects the equality, sovereignty, and territorial integrity of Vietnam, for peace and for the joint construction of world

democracy» [3, p. 1397–1398]. The purpose of all diplomatic activities initiated by Ho Chi Minh was to gain recognition as a legitimate government and to inform the world about the genuine struggle waged by the Vietnamese party, Government, and people to defend their country. Therefore, Ho Chi Minh employed diplomatic measures to maintain the independence of the state. The Democratic Republic of Vietnam proactively recognised the revolutionary government of China, a move that not only demonstrated support but also asserted the self-determination of its government. In response, on 18 January 1950, China recognised the legitimate government of Vietnam. This was a necessary and sufficient condition for the Democratic Republic of Vietnam to continue its long-standing diplomatic activities and establish relations with socialist countries in Eastern Europe. This demonstrated the successful outcome of Ho Chi Minh's efforts. Poland recognised the Vietnamese government on 4 February 1950, and diplomatic relations between the two countries were officially established. From then on, Vietnam and Poland became two countries with a close diplomatic relationship as socialist states sharing a common goal of building socialism and confronting imperialism led by the US. This was a significant factor driving Poland's efforts for peace in Vietnam. A significant goal that Poland aimed for when actively working to maintain peace in Vietnam was to elevate its international standing. Historically, the Vietnam War against US aggression had drawn in many socialist countries. Beyond the spirit of helping Vietnam, each participating country had its own calculations and ambitions for its own interests. Poland was no exception. In addition to participating in the International commission for control and supervision, Poland was also actively involved in providing aid to Vietnam. All these activities were aimed at enhancing Poland's international prestige. The strong influence of the Soviet Union over Eastern European socialist countries after the World War II cannot be denied. This influence waned after J. Stalin's death, and socialist countries began to gradually seek to break free from Soviet control [4, p. 61], especially in foreign policy.

As a socialist state, Poland naturally aspired to establish a more prominent position within the socialist bloc. Therefore, participating in the resolution of international issues was an opportunity for any country seeking to demonstrate its diplomatic standing. Consequently, involvement in the Vietnam War, particularly in maintaining peace in Vietnam, presented a favourable opportunity. In Warsaw, it was believed that participation in the work of the commission would enhance Poland's standing within the Eastern bloc (Eastern European socialist countries), as it involved defending Vietnam, a young socialist ally, and containing US power

⁴Note from the conversation between comrade Zenon Kliszko and Central Committee of the Communist party of China Secretary Liu Ningyi // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/note-conversation-between-comrade-zenon-kliszko-and-cc-cp-secretary-liu-ningyi> (date of access: 08.10.2024).

⁵Ibid.

in Asia – Pacific while protecting the interests of socialist countries [4, p. 61]. Participation in the International commission for supervision and control in Indochina and Korea, with a particular focus on Vietnam, demonstrated that Poland had established significant prestige. This presented a valuable opportunity for Poland to break free from the stagnation created during J. Stalin's rule⁶ and return to the international political arena with a re-

newed image. Thus, the evidence supports the assertion of Poland's ambition in participating in peacekeeping activities for Vietnam. Beyond the responsibility to protect the socialist foundation in Vietnam and contain US influence, this was also an opportunity in Poland's diplomatic calculations. Warsaw saw it as an opportunity for Poland to return to the international political scene with a higher status than before.

Poland's efforts to maintain peace in Vietnam (1963–1973)

Poland's first diplomatic efforts to restore peace in Vietnam were officially launched in January 1963, during the official visit of Polish Minister of Foreign Affairs A. Rapacki to New Delhi [5, p. 1]. As a member of the International control commission (ICC), he expressed his views on the possibility of implementing the provisions stipulated in the Geneva accords signed in 1954. That is, according to the Polish representative, the situation in Vietnam could be completely resolved through «organising general elections and unifying the country»⁷ [5, p. 1]. Also during this trip to India, in a meeting with US politicians, A. Rapacki continued to uphold his views on the Vietnam peace issue. He affirmed to US Ambassador J. K. Galbraith, President John F. Kennedy, and assistant secretary A. Harriman that, given Poland's stance, the US side also showed goodwill and a desire to resolve the Vietnam issue peacefully. However, Poland also suggested to US leaders that an immediate solution was to temporarily cease fire for six months to ease the conflict. As a supervisory envoy for maintaining the Geneva accords, Poland endeavoured to make efforts at a time when the political situation of the Saigon government was experiencing many upheavals, and a scenario for replacing President Ngo Dinh Diem was entirely possible. Especially in the context where the Americans felt that the Vietnam issue needed to be resolved to ease the burden on the US. Moreover, the Soviet Union also needed a smoother solution rather than a tense military conflict. The Soviet Union believed that «solving the Vietnam deadlock would contribute to reducing international tension, which is in line with our interests [socialist countries]» [5, p. 2]. However, the initial assessments by Poland regarding the Vietnam issue were not easy to resolve. Both the Democratic Republic of Vietnam and the Ngo Dinh Diem regime seemed to show little interest in that issue [5, p. 2]. It meant that a ceasefire and the withdrawal of foreign troops from Vietnam would face many obstacles. With the initial activities in January 1963 and contacts with relevant parties such as India, the US, and the Soviet Union, the Polish representative received positive signals. However, the issues raised between the parties had yet to yield any concrete results.

In a meeting on 22 January 1963, between A. Rapacki and J. Michalowski (a US representative), the US attitude towards a series of assessments of the situation in Vietnam was revealed. With the confidence that J. Michalowski presented to the Polish side, the US claimed that they were not losing in Vietnam, and they were specifically pushing Vietnam to become dependent on China. However, they also expressed that the US could not win [6, p. 466]. This allows us to conclude that the US was still waiting for a more decisive move from a third party like Poland towards the leaders of North Vietnam for a ceasefire to take place. Despite the lack of clear outcomes, the actions were sufficient to demonstrate Poland's determination to maintain peace in Vietnam beginning with the first moves in January 1963.

Poland continued to push for further peace initiatives. A document found in the Central Archive of Modern Records (Archirytm Akt Nawykowych) in Warsaw, revealed a peace initiative in Vietnam that had been noted by the Soviet Union. It stated that Poland wanted the US to withdraw foreign troops (referring to US military forces and their allies) from Vietnam so that the Vietnamese people could determine their own destiny. Polish representatives also proposed the idea of a neutral Vietnam, meaning they wanted to neutralise Vietnam following the Laotian model. To achieve this, the US also proposed a ceasefire, but they also raised their difficulties with the current situation. According to US Ambassador in India J. K. Galbraith, they were facing obstacles from Ngo Dinh Diem himself, whose regime disagreed with the idea of negotiating with the Democratic Republic of Vietnam and opposed the idea of a neutral Vietnam as proposed by Poland and the US⁸. However, in the current situation, the US could not give up and stop aiding to maintain the Saigon regime in Vietnam. In response to Poland's moves, J. K. Galbraith sent a call to the Polish representatives, but in reality, it was aimed at probing the attitude of Poland and other members of the socialist bloc regarding the issue that Poland was pursuing⁹. Perhaps in this matter, the US government itself was not truly willing to build a Vietnam situation following the Laotian model.

⁶Historia dyplomacji polskiej: połowa X–XX w. / red.: W. Materski, W. Michowicz ; oprac. W. Jarząbek. Warszawa : Pol. Inst. Spraw Międzynarodowych, 2010. T. 6 : 1944/1945–1989 r. S. 284.

⁷Here and further translated by us. – N. T. H., D. V. T., P. D. T.

⁸Telegram from the Central Intelligence Agency Station in Saigon to the Agency. 6 September 1963 // Foreign relations of the United States, 1961–1963 / ed. E. C. Keefer. Washington : Gov. Print. Office, 1991. Vol. 4 : Vietnam, August – December 1963. P. 125–126.

⁹Ibid.

On 29 May 1963, ciphergram No. 7237 provided us with more information about Poland's efforts. The telegram contained a summary report of a conversation between the Polish (M. Maneli) and Vietnamese (Minister of Foreign Affairs Xuan Thuy and Prime Minister Pham Van Dong) and the Soviet Union (Ambassador S. Tovmassian) representatives, indicating that all parties supported Poland conducting political investigations into all Vietnamese issues as a member of the ICC in Vietnam. The telegram also expressed the hope to the Polish leaders that, «we [Poland] need to try and actively provide information to the parties»¹⁰. At the same time, it was hoped that in the new context, with the US facing internal political turmoil, it would be an opportunity for Poland to push the parties towards peace negotiations. In particular, the US and Saigon would proactively contact the Polish side¹¹.

On 31 May 1963, a confidential telegram sent from M. Maneli (Saigon) to F. R. Spasowski (Warsaw) reported that the Polish side had consulted Hanoi regarding the idea of maintaining peace and neutrality in Vietnam¹². During this discussion, the representative of the Democratic Republic of Vietnam, the Prime Minister Pham Van Dong, engaged in a detailed exchange on the conflicts involving the US and the Saigon government. The Polish side expressed confidence that a political transformation in the South Vietnam was inevitable, and that the US and Ngo Dinh Diem would eventually be compelled to negotiate peace in accordance with the Geneva accords¹³.

A telegram dated 6 September 1963, conveyed M. Maneli's report to Warsaw about the subsequent political situation in Vietnam. In this document, Polish representative communicated the US proposal, as conveyed to the representative of the South Vietnamese government, Ngo Dinh Nhu, regarding the neutralisation of Vietnam following the Cambodian model. However, the later vehemently opposed this viewpoint. He told M. Maneli that if the US unilaterally negotiated with North Vietnam, it would be an «immoral» act as they were the US allies. Ngo Dinh Nhu further asserted that «neither the Saigon government nor any other government could negotiate with Hanoi, either openly or secretly»¹⁴. He ad-

ded that, in the South, Ngo Dinh Nhu had also contacted North Vietnamese communists, but with the aim of opposing the Democratic Republic of Vietnam¹⁵. Neither Ngo Dinh Nhu nor Ngo Dinh Diem wanted to turn South Vietnam into a US foothold against communism¹⁶. This suggests that the implementation of Poland's ideas in Vietnam was facing significant challenges, as the views of the US and South Vietnamese leaders did not align. Another document revealed that the Americans were genuinely disappointed with Ngo Dinh Diem and would replace him if they could find a suitable successor¹⁷. Despite this, the Polish side persisted in analysing the pros and cons of their proposal. They pointed out that if the Ngo Dinh Nhu regime continued to pursue a military solution, it would be detrimental to their own interests, as they would be going against the US' wishes. This would lead to a situation where «the Saigon government would soon have four enemies against it, possibly including the US»¹⁸. It was like a warning, hoping that the US, together with Poland, would address the obstacles to maintaining peace in Vietnam based on respect for the Geneva accords. In an urgent telegram sent from A. Rapacki (Warsaw) to B. Jaszczuk (Moscow) on 31 January 1963, the Polish side continued to mention «solving the South Vietnam issue»¹⁹. However, in this matter, the Polish side understood and warned the involved parties to respect Vietnam. Polish representatives affirmed that «they should not be tied down»²⁰. Meaning, Vietnam should be respected and not imposed upon. Because Vietnam itself had overcome difficulties to achieve victory in recent years. Precisely because of this, as clearly expressed in a conversation between Yu. Andropov and Ho Chi Minh, both sides did not impose the Vietnam situation within the framework of Marxism-Leninism. Both sides affirmed that the Democratic Republic of Vietnam would act within the framework of Vietnam²¹.

Despite the difficulties in maintaining peace in Vietnam, Poland persisted in dialogue with North Vietnamese leaders to explain to them the importance of the matter. In the document we found it is clearly stated: «We did not insinuate anything to the [North] Vietnamese, except only to make them aware that the matter [was] important»²². The issue that the Polish side mentioned

¹⁰Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 29 May 1963. Ciphergram No. 7237 // Arch. Min. Spraw Zagranicznych (AMSZ). Z. 6/77. W. 102. T. 625.

¹¹Ibid.

¹²Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 31 May 1963. Ciphergram No. 7353 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 625.

¹³Ibid.

¹⁴Telegram from the Central Intelligence Agency Station in Saigon to the Agency. 6 September 1963 // Foreign relations of the United States, 1961–1963 / ed. E. C. Keefer. Washington : Gov. Print. Office, 1991. Vol. 4 : Vietnam, August – December 1963. P. 125–126.

¹⁵Ibid.

¹⁶Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 24 April 1963. Ciphergram No. 5295 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 625.

¹⁷Secret telegram from Ogrodziński (New Delhi) to Wierna (Warsaw). 15 March 1963. Ciphergram No. 3359 // Ibid. T. 608.

¹⁸Telegram from the Central Intelligence Agency Station in Saigon to the Agency. 6 September 1963 // Foreign relations of the United States, 1961–1963 / ed. E. C. Keefer. Washington : Gov. Print. Office, 1991. Vol. 4 : Vietnam, August – December 1963. P. 125–126.

¹⁹Secret telegram from Rapacki (Warsaw) to Jaszczuk (Moscow). 31 January 1963 // AMSZ. Z. 6/77. W. 100. T. 603.

²⁰Secret telegram from Jaszczuk (Moscow) to Rapacki (Warsaw). 13 February 1963. Ciphergram No. 2019 // Ibid. T. 604.

²¹Ibid.

²²Secret telegram from Rapacki (Warsaw) to Jaszczuk (Moscow). 15 February 1963 // AMSZ. Z. 6/77. W. 100. T. 603.

in that document was precisely the issue of maintaining peace in Vietnam. And they always raised the Vietnam issue with relevant parties whenever possible²³.

On 11 March 1963, a secret document was sent from Hanoi to Warsaw, stating that the Polish representative had tried to contact representative both of North Vietnam, Prime Minister of the Democratic Republic of Vietnam Pham Van Dong, and the Soviet Union Ambassador in Hanoi S. Tovmassian. The parties had discussed the issue of peace in Vietnam. In that meeting, the Vietnamese side affirmed that Vietnam's policy was fully in line with the Geneva accords, which was also consistent with Poland and the Soviet Union²⁴, and they hoped that all parties would implement the signed agreement. Thus, the Vietnamese side showed goodwill in respecting the Geneva accords. According to Pham Van Dong, the implementation of the Geneva accords in Vietnam was beneficial to Vietnam. Accordingly, Pham Van Dong affirmed that «they did not want any foreign military bases or allied military forces anywhere in Vietnam»²⁵. And Vietnam fully desired to pursue the goal of peace. Pham Van Dong expressed that the purpose of Vietnam's struggle was to build a broad democratic country like Laos. This means that the Vietnamese side was open to Poland's peace proposal. However, the problem became difficult when the Americans stubbornly increased their military activities in Vietnam. The US attitude was to withdraw troops only when «saving face». However, the Polish side still insisted that honour was also very important to Poland, and therefore, they would do everything possible to find a solution²⁶.

The secret telegram dated 4 April 1963, from J. Michalowski (Warsaw) to B. Jaszczuk (Moscow), reported that the Polish side had informed Soviet leaders about Vietnam's stance on the issue of peace. Vietnam believed that their struggles would soon lead to an international resolution based on the foundations of the 1954 and 1962 conferences. This, they argued, would not only secure their victory but also allow the US to preserve its dignity. In response to this position, Polish leaders assessed that the situation in Vietnam was not yet ripe for such a conference and emphasised the necessity of gauging the opinions of the Americans. Vietnamese representatives agreed with this approach²⁷.

In addition to diplomatic interactions with various parties to promote the implementation of the provisions stipulated in the Geneva accords, Poland also condemned the US' military aggression regarding the presence and expansion of foreign military forces in South Vietnam²⁸, which, according to the Poles, was a violation of Art. 16–19 of the Geneva accords in maintaining peace in Vietnam [4, p. 180]. Subsequently, on 12 February 1963, a document currently stored at AMSZ reported that Poland had worked with the Vietnamese Ambassador in Poland, Tran Chi Hien, and the two sides had discussed maintaining peace in Vietnam. Accordingly, the Vietnamese side provided information that an economic advisor of Vietnam in Paris had stated that the US wanted to neutralise Vietnam, which became an interesting piece of information that Poland wanted to access²⁹.

In a report on negotiations with Vietnamese leaders and the Soviet Union³⁰, the Polish delegation was given a special welcome³¹. During the discussions, the parties discussed the role of the ICC, and the Polish representative of the international supervisory commission in Vietnam proposed tactical measures to achieve peace in Vietnam. The role of the Poles was highlighted when «everyone considers our task of conducting political probes regarding all Vietnamese matters as particularly important and perhaps most urgent [at this time]»³². On the other hand, Poland expected new developments in the US political arena to be beneficial for promoting peace in Vietnam. Here, in a secret telegram dated 29 May 1963, it was stated that they expected to receive more contacts from South Vietnamese diplomats. For the Democratic Republic of Vietnam, its leaders always hoped that Poland, as well as the international commission, would expand investigations into violations of the Geneva accords, including China and the Soviet Union³³.

A colloquy between a Polish representative and Prime Minister Pham Van Dong is mentioned in a secret telegram from M. Maneli to F. R. Spasowski dated 31 May 1963. The meeting lasted for over an hour, during which both sides discussed in detail the heated debates between the US and the Saigon government. At the same time, Pham Van Dong expressed his desire to «abide by the Geneva accords»³⁴. This shows that the biggest obstacle to the Polish delegation's efforts to maintain

²³Secret telegram from Ogrodziński (New Delhi) to Michałowski (Warsaw). 4 March 1963. Ciphergram No. 2793 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 608.

²⁴Secret telegram from Maneli (Hanoi) to Spasowski-Morski (Warsaw). 11 March 1963. Ciphergram No. 3175 // Ibid. W. 96. T. 1368. K. 3.

²⁵Ibid.

²⁶Ibid.

²⁷Secret telegram from Michałowski (Warsaw) to Jaszczuk (Moscow). 4 April 1963 // AMSZ. Z. 6/77. W. 100. T. 603.

²⁸Raport z działalności Delegacji Polskiej w MKNiK za okres 1. I. 30.VI.1965, 30.VI.1965 // Arch. Inst. Pamięci Narodowej. IPN BU 2602/5837. K. 319–356.

²⁹Secret telegram from Jaszczuk (Moscow) to Rapacki (Warsaw). 13 February 1963. Ciphergram No. 2019 // AMSZ. Z. 6/77. W. 100. T. 604.

³⁰Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 31 May 1963. Ciphergram No. 7353 // Ibid. W. 102. T. 625.

³¹Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 29 May 1963. Ciphergram No. 7237 // Ibid.

³²Ibid.

³³Ibid.

³⁴Ibid.

peace was the Ngo Dinh Diem government. Developments from early 1963 showed that among the involved parties, especially the US, the Democratic Republic of Vietnam, and the Republic of Vietnam, the US still had the goodwill to neutralise Vietnam. Of course, the Democratic Republic of Vietnam always wanted to build a broad democratic country without foreign intervention. In some meetings, Pham Van Dong even referred to the Poles as the «socialist camp»³⁵. This proves that Vietnam trusted the Poles in their efforts to maintain peace in Vietnam.

A secret telegram from M. Maneli to F. R. Spasowski dated 4 October 1963, provides further insights into Poland's efforts in 1963 to guide the implementation of peace in Vietnam according to the Geneva accords. In this document, the Polish delegation asserted that they were «striving to implement the guidelines to the best of their ability»³⁶, although no concrete results had been achieved by October 1963. This stagnation stemmed from the complexity of the issue, namely the differing viewpoints between the US and the Democratic Republic of Vietnam. Furthermore, there were even contradictions within the Saigon government itself and the US. As for the Polish delegation in Vietnam, M. Maneli affirmed: «I have not encountered any incidents arising from Poland's intermediary role, all requests from [our Vietnamese comrades] have been considered by the Polish delegation as members of the International commission for control and supervision. Important information related to Vietnam's peace issue has been communicated promptly»³⁷. However, in this matter, Vietnam's stance was very clear: they declared that they would continue to fight until the balance of forces changed, until the US was forced to concede and establish a democratic coalition government. Afterward, that government would gradually transform itself into a socialist government through peaceful means³⁸. Therefore, Vietnamese leaders such as Pham Van Dong and Xuan Thuy emphasised the need to maintain cooperation with the ICC, not only with the Vietnamese workers' party but also with other Vietnamese who wanted to establish contact between the commission and the National liberation front. Thus, the Vietnamese side expressed a clear viewpoint to the Polish representatives on the commission: they agreed to resolve the ongoing conflict, but through peaceful means rather than military ones. However, the attitude of the South Vietnamese

government leaders was the opposite. The representative of the Democratic Republic of Vietnam, Ha Van Lau, discussed with M. Maneli the need to limit the role of the commission to a certain extent³⁹ and they strongly opposed neutrality⁴⁰.

On 9 November 1964, a meeting took place between Polish leaders, including A. Rapacki, and the Chinese representative, Zhou Enlai, in Moscow at the invitation of the Chinese Embassy. During this meeting, the parties had heated discussions on issues related to socialist countries. Among them, the Vietnam issue was considered an urgent matter to be discussed. According to the Polish representative A. Rapacki Vietnamese leaders had contacted Poland as a member of the ICC and requested that Polish leaders contribute within their capabilities to a political solution to the Vietnam issue, although in their contacts, the Vietnamese side did not make any specific proposals, but they noted that Poland should prepare for a political solution. At the same time, Poland also emphasised that Vietnam wanted Poland to continue to maintain its role in the commission and not withdraw from the commission. In this discussion, Poland emphasised to the Chinese leaders that creating a cooperative atmosphere within the proletarian movement would create effectiveness in the political issue of Vietnam. Poland assessed that the US had exploited the contradictions of the workers' movement to create stronger moves in the issue of invading Vietnam. Thus, regarding the Vietnam issue, Poland tried to mobilise the relevant parties to create effectiveness for the issue. Even if this could create unfavourable factors for Poland in terms of trade relations with the US, Poland still affirmed that it was only a secondary issue⁴¹. This means that Poland considered the political issue of the Vietnam War more important.

Beginning in the mid-1960s, the Vietnam War became more complex as the US directly deployed expeditionary forces to South Vietnam. Poland continued its efforts as a mediator, playing the role of a liaison between the parties. Although, in the early stage of the Sino-Soviet conflict, Poland leaned towards Beijing, on the Vietnam issue, Poland expressed opposition to China's support for Vietnam's protracted war against the US. According to Polish leaders (and leaders of other socialist countries), Beijing's action was a major obstacle to persuading Hanoi to negotiate a political solution [7, p. 54].

³⁵Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 29 May 1963. Ciphergram No. 7237 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 625.

³⁶Ibid.

³⁷Ibid.

³⁸Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 3 October 1963. Ciphergram No. 12768 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 625.

³⁹Ibid.

⁴⁰Telegram from the Central Intelligence Agency Station in Saigon to the Agency // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/telegram-central-intelligence-agency-station-saigon-agency> (date of access: 08.10.2024).

⁴¹The second meeting of the Polish delegation with the Chinese delegation // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/record-conversation-between-polish-leader-wladyslaw-gomulka-and-chinese-premier-zhou-0> (date of access: 08.10.2024).

On 29 December 1965, A. Harriman, representing the US government, visited Poland. Amidst the complex situation in Vietnam, with various differing viewpoints⁴², Poland expressed keen interest and cooperation in A. Harriman's visit, despite consistently criticising US actions in Vietnam. Poland hoped that this visit would provide a favourable direction for a peaceful solution in Vietnam, particularly regarding the bombing of North Vietnam. Poland viewed the US actions as «banditry». During the two-day meeting on 29–30 December 1965, in Warsaw, the US persuaded Poland to mediate between the US and Hanoi. In fact, Poland had secretly sent J. Michalowski, an expert on Southeast Asia, including the Vietnam War, as an envoy whose mission was to mediate between the parties to find common ground for a peaceful solution in Vietnam. He was scheduled to visit Hanoi in early January 1966, where he would convey A. Harriman's proposals to North Vietnamese leaders, urging them to enter negotiations [7, p. 51]. Reports from J. Michalowski after his meetings with Vietnamese leaders such as Nguyen Duy Trinh, Pham Van Dong, and Vo Nguyen Giap revealed some obstacles to a peaceful solution in Vietnam. Initially, China attempted to hinder negotiations between the parties. However, the situation was not entirely bleak as North Vietnamese leaders were not entirely dependent on China's script, and they accepted J. Michalowski's mission. Moreover, he argued with Vietnamese leaders that only the Vietnamese themselves had the right to decide how to respond to US proposals [7, p. 54].

In his detailed report, Polish envoy J. Michalowski further elaborated on the attitudes of Vietnamese leaders. His interactions had influenced the perceptions of Vietnamese leaders. Pham Van Dong himself expressed this sentiment during J. Michalowski's farewell, while deputy Prime Minister of Vietnam Nguyen Duy Trinh noted that the visit had «improved the ratio between military struggle and political struggle» and promised to «plan a shift toward peace initiatives» [7, p. 55]. Thus, the analysis presented by the Polish envoy to North Vietnamese leaders had a positive impact. However, Vietnam remained steadfast in its pursuit of national independence, and as long as this goal was unmet, they would continue to fight [7, p. 55] until the US conceded and agreed to negotiate.

Faced with the North Vietnamese leaders' firm stance, J. Michalowski tried various arguments to dissuade them from engaging in hostilities with the US. Specifically, he persuaded North Vietnam to test the US' sincerity, as this would at least help them expose the US' true na-

ture if the facts proved so. This demonstrates J. Michalowski's tireless efforts to facilitate dialogue and find a common ground between the two sides through political means, avoiding a military confrontation in Vietnam. J. Michalowski persistently pursued every opportunity to persuade North Vietnamese leaders [8, p. 56]. However, Vietnam's firm attitude was justified and did not stem from a desire for conflict as he seemed to suggest [7, p. 55]. It was precisely the US' own actions that sowed doubt in the minds of Vietnamese leaders. On the one hand, the US proposed and expressed a desire to resolve the war of aggression it had initiated through a political solution. Yet, concurrently, starting in 1965, the intensity of the war escalated. The US increased its military presence in the South and expanded the war into North Vietnam. This reality revealed that the US did not genuinely seek a true peace, its actions were about talking peace while «constantly sending in reinforcements» [7, p. 57].

On 16 June 1967, a meeting took place between Polish representatives Z. Kliszko (member of the Bureau of the Polish united worker's party) and I. Rodzinski (Ambassador in Beijing), and Chinese leaders Liu Ningyi (Secretary General of Chinese Communist party Central Committee) and Qiao Guanhua (deputy Minister of Foreign Affairs) in Beijing. In addition to discussing ways to support Vietnam in its struggle against the US, the Polish side expressed dissatisfaction with the lack of unity among socialist countries regarding the Vietnam issue, arguing that history will never forgive us if we cannot overcome our divisive differences⁴³. Moreover, China even equated the Soviet Union with the US as its enemy, and tensions had arisen between Poland and China since the 1960s⁴⁴. According to Polish leaders, the US had exploited these divisions to intensify its war efforts in Vietnam, which also hindered efforts to end the war through a political solution.

Also during the period from 1965 to 1967, a notable Polish effort was recorded, namely operation «Mari-gold». Poland, through this initiative, demonstrated its role as a potential intermediary between the US and the Democratic Republic of Vietnam.

As early as December 1965, Polish Minister of Foreign Affairs A. Rapacki affirmed that he would do everything possible to present the US' views to the Vietnamese leadership, and stressed that ending the ongoing war in Vietnam was essential for world stability [8, p. 36].

Immediately thereafter, the political bureau of the Polish united workers' party sent a message to Hanoi, accompanied by a verbal message conveyed to the Vietnamese leaders [8, p. 36]. W. Gomulka emphasised that

⁴²The Chinese government adopted a resolute stance in opposing peace negotiations, whereas Vietnam appeared ambiguous, as it remained willing to listen to advice from the Soviet Union and several allied countries in Central Europe. See [8, p. 54].

⁴³Note from the conversation between comrade Zenon Kliszko and CC CCP Secretary Liu Ningyi // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/note-conversation-between-comrade-zenon-kliszko-and-cc-ccp-secretary-liu-ningyi> (date of access: 08.10.2024).

⁴⁴Note on exchanges of opinions by the ambassadors and acting ambassadors of Hungary, the GDR, Czechoslovakia, the USSR, Bulgaria, Poland, and Mongolia on the subject of the PRC position vis-a-vis the socialist countries' on 21 November and 3 December // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/note-exchanges-opinions-ambassadors-and-acting-ambassadors-hungary-gdr-czechoslovakia-ussr> (date of access: 02.10.2024).

even though the American proposals might be manufactured «to create a pretext for escalating the war», Hanoi should still «kick back the peace ball that the Americans had thrown over» to create a positive impression on global public opinion [8, p. 36]. A. Rapacki dispatched J. Michalowski to deliver the message to Hanoi [8, p. 40], while M. Lewandowski, the Polish commissioner on the ICC in Saigon, was authorised to «continue exchanges and soundings to see whether conditions for a formal meeting existed» [8, p. 95]. Based on these exchanges, Warsaw drafted «a ten-point outline for a peace conference which could take place in Warsaw» [8, p. 183], demonstrating a genuine effort towards facilitating negotiations.

However, A. Rapacki asserted that «Poland was not authorised to negotiate on Hanoi's behalf» and could not help open talks as long as the bombing continued [8, p. 195]. Thus, it can be concluded that Poland failed in this objective due to the US' renewed expansion of the war into North Vietnam.

Despite the failure of operation «Marigold» due to Washington renewing its air strikes, Warsaw still «continued to relay messages between Washington and Hanoi» [8, p. 630] and asserted that it had acted «in good faith... and fully independently, not under the guidance of the Soviet Union» [8, p. 640]. As J. G. Hershberg concluded: «“Marigold” was a bridge that collapsed, but it still mattered» [8, p. 645] a failure that nonetheless carried profound historical and humanitarian value, demonstrating the goodwill, courage, and moral legacy in Polish diplomacy.

The year 1968 marked a significant turning point. Although the Tet Offensive launched by North Vietnamese forces against the US and allied troops failed, according to J. Slowiak, Vietnamese leaders had achieved

a victory outside their territory. It had generated a wave of anti-war sentiment in the US, severely undermining public confidence in President L. B. Johnson [4, p. 271]. This presented a favourable opportunity for the Polish to persuade both sides to engage in peace negotiations. As the ICC's supervisory mission lost credibility with both sides, the Polish representatives in Saigon became increasingly valuable to the defense departments [4, p. 288]. After the Tet Offensive, the US government adopted a more conciliatory stance. However, they also demanded that North Vietnam simultaneously withdraw its forces from the South. This was an unacceptable condition for North Vietnamese leaders and became a new obstacle and challenge for the peace-monitoring delegation, including Poland. Despite this, «every effort was made to prevent anything from happening that would undermine the credibility of the Polish delegation» [4, p. 302]. The debates finally concluded with the signing of the Paris peace accords on 27 January 1973, forcing the US to withdraw from Vietnam. In his dissertation, J. Slowiak assessed that «...ultimately, the war in Vietnam was won by the communists, who had achieved their goal of unifying the country. This was also a victory for Poland and its delegation... and was particularly valuable in terms of accumulating experience for future foreign missions» [4, p. 302].

In terms of concrete results, it is clear that the efforts of the Polish to maintain peace in Vietnam were unsuccessful. Peace was only established there after the signing of the Paris peace accords, which were based on the military victories of Vietnam and culminated in the final victory on 30 April 1975. However, the efforts of the Polish cannot be denied. They were recognised as a serious and responsible endeavour by Poland and its delegation [4, p. 319].

Evaluation of Poland's diplomatic efforts for peace in Vietnam (1963–1973)

Initially, it must be noted that Poland participated with a sense of responsibility towards Vietnam and the international communist movement. Poland engaged in peace-keeping efforts in Vietnam as an envoy representing socialist countries, as they participated in the ICC delegation to protect the interests of the socialist bloc [4, p. 315]. Their involvement was based on the foundation of safeguarding the rights of the socialist camp. Naturally, the Soviet Union, China, and other socialist nations viewed the Vietnam War as a crucial point in the competition between the socialist and capitalist blocs. Simultaneously, based on the friendly relations that Vietnam and Poland had established since 4 February 1950, as socialist countries, Poland made peace

efforts with the desire to bring all parties to the negotiating table to maintain peace and limit armed conflict. Poland's consistent expression of support for Vietnam is a clear testament to this. Regarding Vietnam, the Polish delegation believed that the Vietnam issue was an urgent matter that socialist bloc countries needed to discuss. This is evidenced by an assertion in a memorandum of a discussion between a Chinese representative and Poland. Poland emphasised: «The most important and urgent issue at present is the struggle for national liberation in Vietnam»⁴⁵. This shows that Poland stood on the standpoint of a socialist country to support Vietnam. As Pham Van Dong stated when referring to Poland's role, he used the term «socialist camp»⁴⁶. This

⁴⁵The second meeting of the Polish delegation with the Chinese delegation // Wilson Center digital archive : website. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/record-conversation-between-polish-leader-wladyslaw-gomulka-and-chinese-premier-zhou-0,truycâap%ngay> (date of access: 08.10.2024).

⁴⁶Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 31 May 1963. Ciphergram No. 7353 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 625.

means that Pham Van Dong was not only referring to the Soviet Union or China but also, of course, to the international communist movement, which included Poland.

In addition, Poland participated in maintaining peace in Vietnam with a high sense of responsibility and a commitment to the issue of peace in Vietnam. While the role of some other members gradually faded, Poland's activities remained actively maintained. Diplomatic activities to maintain peace in Vietnam can be considered to have begun in 1963. Poland's role in maintaining peace in Vietnam was significant, as evidenced by a secret telegram from M. Maneli to F. R. Spasowski on 30 August 1963, which mentioned a contact between the Polish delegation and the French Minister of Foreign Affairs. The latter emphasised that Poland was the second most famous and respected country in Vietnam⁴⁷. This demonstrates the great efforts of the Polish envoys in the issue of peace in Vietnam as a third party to connect the parties and consider a political solution. Especially under more difficult conditions when the US talked about peace on the one hand, but on the other hand, they intensified and expanded the war. Therefore, Vietnamese leaders believed that the conditions were not yet ripe for peace negotiations. According to their analysis, there needed to be significant victories over the US on the military front, like Dien Bien Phu with the French before [7, p. 56]. This means that the North Vietnamese leaders did not believe in the peace statements of the US leaders, they believed that negotiations could only take place when the Americans accepted defeat on the military front.

Simultaneously, Poland's actions did not resolve the war through peaceful means. The historical reality of the Vietnamese resistance shows that Poland's efforts to maintain peace in Vietnam did not yield any concrete results. In other words, the Vietnam War only ended when the US suffered a military defeat at the hands of Vietnam. It was not until the Tet Offensive ended that US leaders agreed to sit down at the Paris peace talks to discuss restoring peace in Indochina. Although the Tet Offensive did not result in a military victory for the Democratic Republic of Vietnam on Vietnamese territory, they had achieved a victory outside their territory, and especially, the North Vietnamese had won a victory right on US soil. This created a strong anti-war sentiment, and L. B. Johnson's credibility was no longer maintained. The US ruling class needed a move to appease public anger. Negotiations were their only safe way out. This was the main reason for the establishment of the Paris peace conference. Saying this is to affirm that Poland's efforts to maintain peace among the parties failed. This was not only a failure of Poland but a general failure of the ICC. It can be said that the ICC not only failed to prevent the US from invading Vietnam and violating the

Geneva accords but also increasingly deviated from the goals of the Geneva accords. Here, in part, because India had sided with the West and the US, in conjunction with Canada, acted as «spies» accusing the Democratic Republic of Vietnam⁴⁸. This was also a factor that made Poland's efforts yield no clear results. In terms of concrete results, it is clear that the efforts of the Polish to maintain peace in Vietnam were unsuccessful. Peace was only established there after the signing of the Paris peace accords, which were based on the military victories of Vietnam and culminated in the final victory on 30 April 1975. However, the efforts of the Polish cannot be denied. They were recognised as a serious and responsible endeavour by Poland and its delegation.

Despite this, the Polish activities had a certain impact on the attitudes of the involved parties. If we consider the concrete results in terms of achieving peace through Polish activities, it can be affirmed that Poland did not bring about any results. However, to a certain extent, Polish efforts influenced the attitudes of both sides. For the US, they had previously proposed to Poland the idea of moving towards negotiations to end the war. At the very least, the US saw the need to end the war and had expressed this view after a conversation with J. Michalowski, which A. Gromyko had presented to the Central Committee leadership. And they assessed that the US wanted to extricate itself from the Vietnam situation. Only in Vienna in 1961 when J. F. Kennedy told N. Khrushchev that their presence and entanglements in the Vietnam War were the result of D. D. Eisenhower's policies⁴⁹. Of course, the developments after the coup against Ngo Dinh Diem, followed by L. B. Johnson's assumption of power, led to a contradiction between words and deeds. This means that although they expressed a desire to resolve the war peacefully, they actually escalated and intensified the war. This eroded the trust of Vietnamese leaders. As for the Vietnamese leaders, they always maintained a clear stance, desiring peace but a genuine peace [9, p. 23]. When Pham Van Dong declared that they had improved «the ratio between military struggle and political struggle» and promised to «plan a shift toward peace initiatives» [7, p. 55], it meant that they were ready to implement the so-called Vietnamese neutrality, but on the condition that the US showed goodwill in its military activities. Otherwise, Vietnam would fight until final victory [7, p. 56].

Furthermore, this activity presented a prime opportunity for Poland to enhance its international standing. Firstly, it affirmed Poland's capacity to play a more significant role in the political arena of socialist countries, and particularly in relation to the Soviet Union, as it gained independence in addressing international issues. This was one of the opportunities for Poland to break free from its Soviet-dominated foreign policy.

⁴⁷Secret telegram from Maneli (Saigon) to Spasowski (Warsaw). 30 August 1963. Ciphergram No. 11266 // AMSZ. Z. 6/77. W. 102. T. 625.

⁴⁸Secret telegram from Chodorek (Hanoi) to Morski (Warsaw). 25 November 1963. Ciphergram No. 15053 // Ibid. W. 96. T. 1368.

⁴⁹Secret telegram from Jaszczuk (Moscow) to Rapacki (Warsaw). 13 February 1963. Ciphergram No. 2019 // Ibid. W. 100. T. 604.

The ambitions that the Poles harboured for this endeavour were vast; hence, preparations were initiated much earlier than those of other countries like India and Canada⁵⁰.

Beyond the desire to achieve independence from the Soviet Union's strong influence, when invited to participate in matters concerning Korea and Indochina, the Polish Ministry of Foreign Affairs eagerly accepted. For them, this was an opportunity to be recognised

and to restore the position lost due to J. Stalin's policies [4, p. 60].

Through this engagement, Polish leaders could establish contacts and build relationships with Western countries, improving the diplomatic relations that already existed but were operating at a minimal level between Poland and the West, including the US [4, p. 60]. That objective was not pursued solely by Poland but also by many other socialist countries from the 1960s.

Conclusions

Between 1963 and 1973, Poland played a significant role in efforts to maintain peace in Vietnam through diplomatic activities and international cooperation. As a member of the International commission for control and supervision of the Geneva accords on Indochina, Poland actively promoted dialogue and peaceful solutions to the escalating conflict in Vietnam. As a member of the commission, Poland, along with other members, oversaw compliance with the Geneva accords, including respect Poland's efforts during this period for borders and prevention of military escalation in the Indochina region clearly demonstrated its commitment to peaceful diplomacy and international responsibility. The Polish government seized every opportunity to call on the warring parties to engage in dialogue, avoid actions that escalated conflict, and minimise harm to the Vietnamese people. Furthermore, Polish delegations acted as intermediaries, not only monitoring violations but also consistently reporting to international organisations to draw global attention to the situation in Vietnam. In negotiations, Poland proposed numerous solutions to promote the peace process and endeavoured to persuade all parties of the necessity of a comprehensive ceasefire.

However, Poland's efforts also faced numerous challenges. In the context of the increasingly intense the

Vietnam War, the warring parties had different political objectives, creating many obstacles to the peace process. Although Poland's peace proposals were welcomed by some countries in the international community, the complex political situation in Indochina, coupled with the intervention of major powers, made peace difficult to achieve. Poland faced pressure from many sides but remained steadfast in its pursuit of stability and peace in the region. Through its persistent contributions to the commission and other reconciliation efforts, Poland left a significant mark on the peace process in Vietnam. While unable to completely prevent the escalation of the war, Poland's efforts helped to maintain an important channel of dialogue, laying the groundwork for future negotiations. Poland's active role in maintaining peace not only demonstrated the country's commitment to international issues but also reflected a deep-rooted vision of peace, contributing to regional stability and the building of a lasting peace. It can be assessed that Poland's efforts from 1963 to 1973 to maintain peace in Vietnam are a testament to the country's spirit of international cooperation and commitment to peace. Poland's contributions are not only of historical significance but also valuable lessons about the responsibility and role of nations in safeguarding global peace.

References

1. Pham Duc Thuan, Tran Minh Thuan. The First Indochina War (1946–1954) and the Geneva agreement (1954). *Cogent Arts & Humanities*. 2024;11(1):2365048. DOI: 10.1080/23311983.2024.2365048.
2. Dinh Thi Cuc. *History of Vietnam. Volume 10, From 1945 to 1950*. Hanoi: Social Sciences Publishing House; 2017. 626 p.
3. Ho Chi Minh. *Ho Chi Minh complete collection. Volume 5*. Hanoi: National Political Publishing House; 2002. 646 p.
4. Słowiak J. *Delegacja Polska w Międzynarodowej komisji nadzoru i kontroli w Wietnamie w latach 1954–1973*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński; 2019. 380 s.
5. Michalowski J. Polskie tajne inicjatywy pokojowe w Wietnamie. In: Gnoinska MK, redaktor. *Poland and Vietnam, 1963: new evidence on secret communist diplomacy and the «Maneli affair»*. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars; 2005. 83 p.
6. Galbraith JK. *Ambassador's journal: a personal account of the Kennedy years*. Boston: Houghton Mifflin Co.; 1969. 656 p.
7. Hershberg JG. Peace probes and the bombing pause: Hungarian and Polish diplomacy during the War in Vietnam, December 1965 – January 1966. *Journal of Cold War Studies*. 2003;5(2):32–67.
8. Hershberg JG. *Marigold: the lost chance for peace in Vietnam*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; 2012. 936 p.
9. Ngyen The Ha, Ngyen Minh Phuong. Romania's diplomatic actions towards Vietnam in seeking a peaceful solution for the end of the war. *Cogito Multidisciplinary Research Journal*. 2023;15(3):20–33.

Received 12.04.2025 / revised 07.11.2025 / accepted 30.12.2025.

⁵⁰Pismo do ministra Mariana Naszkowskiego od dyrektora Departamentu V [tytuł aut.]. 20.VII.1954 // AMSZ. Z. 12. W. 62. T. 1226. K. 6.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 902.01 + 94(575)

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЭТКИ ИЗ ГОРОДИЩА БОЛЬШОЙ ГУЛЬДУРСУН: ИСКУССТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРАВОБЕРЕЖНОГО ХОРЕЗМА

О. Т. ДОСПАНОВ¹⁾, С. Б. БОЙМИРЗАЕВ²⁾, М. М. САФАЕВ³⁾

¹⁾Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого,
ул. Т. Каипбергенова, 52, 230100, г. Нукус, Узбекистан

²⁾Университет им. Альфрагануса, ул. Юкары Каракамыш, 2а, 100190, г. Ташкент, Узбекистан

³⁾Государственный музей истории Узбекистана Академии наук Республики Узбекистан,
ул. Ш. Рашидова, 3, 100084, г. Ташкент, Узбекистан

Аннотация. Рассматривается вопрос происхождения терракотовых статуэток из городища Большой Гульдурсун (Хорезм) как ключевого объекта для изучения социально-экономических и культурно-исторических связей региона с соседними странами. Основное внимание уделяется практически неисследованным терракотовым статуэткам, которые представляют собой уникальные артефакты, отражающие художественные традиции и социальные процессы Хорезма. Анализируется значение этих статуэток в культурных и торговых взаимодействиях, а также в понимании изменений общественной структуры региона. Художественная специфика терракотовых артефактов

Образец цитирования:

Доспанов ОТ, Боймирзаев СБ, Сафаев ММ. Терракотовые статуэтки из городища Большой Гульдурсун: искусство и социальные процессы Правобережного Хорезма. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026;1:47–54.
EDN: QOEYDQ

For citation:

Dospanov OT, Boymirzaev SB, Safaev MM. Terracotta statuettes from the Great Guldursun settlement: art and social processes of the Right Bank Khorezm. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2026;1:47–54. Russian.
EDN: QOEYDQ

Авторы:

Октябрь Турганбаевич Доспанов – кандидат исторических наук; заведующий отделом археологии.

Сарвар Бойназарович Боймирзаев – кандидат исторических наук; старший преподаватель кафедры международных отношений и истории факультета социальных наук.

Мансур Махмудович Сафаев – младший научный сотрудник научного отдела истории.

Authors:

Oktyabr T. Dospanov, PhD (history); head of the department of archeology.

oktyabrd@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0001-4719-1137>

Sarvar B. Boymirzaev, PhD (history); senior lecturer at the department of international relations and history, faculty of social sciences.

s.boymirzaev@afu.uz

<https://orcid.org/0009-0000-6949-2865>

Mansur M. Safaev, junior researcher at the scientific department of history.

safayev.m@history-museum.uz

<https://orcid.org/0009-0003-5839-8226>

остаётся недостаточно изученной, что открывает новые горизонты для дальнейших исследований. Выявляются новые сведения о городском и политическом устройстве Хорезма, а также вносится вклад в обогащение существующих знаний о культурном наследии региона.

Ключевые слова: Хорезм; терракота; Большой Гульдурсун; музей искусств; обезьяна; археологические находки; историко-культурные связи.

ТЭРАКОТАВЫЯ СТАТУЭТКІ З ГАРАДЗІШЧА ВЯЛІКІ ГУЛЬДУРСУН: МАСТАЦТВА І САЦЫЯЛЬНЫЯ ПРАЦЭСЫ ПРАВАБЯРЭЖНАГА ХАРЭЗМА

А. Т. ДАСПАНАЎ^{1*}, С. Б. БОЙМІРЗАЕЎ^{2*}, М. М. САФАЕЎ^{3*}

^{1*} Дзяржаўны музей мастацтваў Рэспублікі Каракалпакстан імя І. В. Савіцкага,
вул. Т. Каіпбергенава, 52, 230100, г. Нукус, Узбекістан

^{2*} Універсітэт імя Альфрагануса, вул. Юкары Каракамыш, 2а, 100190, г. Ташкент, Узбекістан

^{3*} Дзяржаўны музей гісторыі Узбекістана Акадэміі навук Рэспублікі Узбекістан,
вул. Ш. Рашыдава, 3, 100084, г. Ташкент, Узбекістан

Анотацыя. Разглядаецца пытанне паходжання тэракатовых статуэтак з гарадзішча Вялікі Гульдурсун (Харэзм) як ключавога аб'екта для вывучэння сацыяльна-эканамічных і культурна-гістарычных сувязей рэгіёна з суседнімі краінамі. Асноўная ўвага надаецца практычна неадследваным тэракатовым статуэткам, якія ўяўляюць сабой унікальныя артэфакты, што адлюстроўваюць мастацкія традыцыі і сацыяльныя працэсы Харэзма. Аналізуецца значэнне гэтых статуэтак у культурных і гандлёвых узаемадзеяннях, а таксама ў разуменні змен грамадскай структуры рэгіёна. Мастацкая спецыфіка тэракатовых артэфактаў застаецца недастаткова вывучанай, што адкрывае новыя гарызонты для далейшых даследаванняў. Выяўляюцца новыя звесткі аб гарадскім і палітычным ладзе Харэзма, а таксама ўносіцца ўклад ва ўзбагачэнне існуючых ведаў аб культурнай спадчыне рэгіёна.

Ключавыя словы: Харэзм; тэракота; Вялікі Гульдурсун; мастацкі музей; малпа; археалагічныя знаходкі; гісторыка-культурныя сувязі.

TERRACOTTA STATUETTIES FROM THE GREAT GULDURSUN SETTLEMENT: ART AND SOCIAL PROCESSES OF THE RIGHT BANK KHOREZM

O. T. DOSPANOV^a, S. B. BOYMIRZAEV^b, M. M. SAFAEV^c

^a I. V. Savitsky State Museum of Arts of the Republic of Karakalpakstan,
52 T. Kaipbergenov Street, Nukus 230100, Uzbekistan

^b Alfraganus University, 2a Yukori Korakamysh Street, Tashkent 100190, Uzbekistan

^c State Museum of History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
3 Sh. Rashidov Street, Tashkent 100084, Uzbekistan

Corresponding author: O. T. Dospanov (oktyabrd@gmail.com)

Abstract. This article examines the origins of terracotta statuetties from the Great Guldursun settlement (Khorezm) as a key element in the study of the region's socio-economic and cultural-historical ties with neighboring countries. The focus is on the largely unexplored terracotta statuetties, which represent unique artifacts reflecting the artistic traditions and social processes of Khorezm. The significance of these statuetties in cultural and trade interactions, as well as in understanding changes in the region's social structure, is analysed. It emphasises that the artistic specificity of terracotta artifacts remains insufficiently studied, opening new horizons for further research. New information about the urban and political structure of Khorezm is revealed, contributing to the enrichment of existing knowledge about the region's cultural heritage.

Keywords: Khorezm; terracotta; Great Guldursun; art museum; monkey; archaeological finds; historical and cultural connections.

Введение

Изучение археологических памятников материальной культуры представляет собой важный этап в понимании экономических и культурных связей,

а также их влияния на политическое обустройство регионов. Исследование этих объектов позволяет не только углубить знания о прошлом, но и посред-

ством синтеза ранних сведений с еще не опубликованными материалами переосмыслить существующие данные. Такой подход открывает новые горизонты для выявления фактов и закономерностей, которые могут существенно изменить наше представление о развитии общества в различные исторические эпо-

хи. В контексте археологических исследований изучение культурных памятников создает возможность для более комплексного анализа, учитывающего как локальные, так и глобальные процессы, что, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию исторического контекста и культурного наследия.

Материалы и методы исследования

В данном исследовании мы сосредоточимся на археологическом памятнике Правобережного Хорезма, а именно на городище Большой Гульдурсун, как важном объекте для изучения архитектуры и градостроительства эпох Античности и Средневековья. В качестве методологии мы считаем необходимым указать ключевой этап исследования – интерпретацию результатов.

Анализ совокупных полевых данных, полученных в ходе исследования нижнего горизонта раскопок городища Большой Гульдурсун, а также изучение индивидуальных находок, прежде всего терракотовых статуэток, позволили осуществить многоаспектную интерпретацию выявленных материалов. Характер обнаруженных артефактов отражает специфику местной материальной культуры и вносит существенный вклад в реконструкцию социально-экономических и духовных практик ранних обитателей этого комплекса. Терракотовые статуэтки, отличающиеся типологическим разнообразием и технологическими особенностями, демонстрируют устойчивость локальных художественных традиций, а также свидетельствуют о включенности городища в более широкие культурные процессы, происходившие в регионе.

Особое внимание при интерпретации уделено значимости городища Большой Гульдурсун для региональной истории. Новые данные позволяют уточнить его место в политико-культурном ландшафте древнего Хорезма, выявить возможные контакты со смежными регионами и проследить трансфор-

мации культурных практик на протяжении ранних этапов существования городища. Обнаруженные строительные горизонты, особенности планировки и функциональные характеристики отдельных объектов указывают на высокий уровень организации поселения и сложность социально-административной структуры.

Предложенная методология, основанная на комплексном анализе стратиграфии, индивидуальных находок и сопоставительных данных, открывает новые возможности для более глубокого понимания архитектурных, культурных и исторических особенностей городища. Она позволяет не только реконструировать ранние этапы развития городища Большой Гульдурсун, но и оценить его значение в эволюции хорезмийской цивилизации в более широком евразийском контексте.

Изучение терракотовых изделий из нижних античных слоев городища Большой Гульдурсун представляет собой важнейшее направление в исследовании ранних этапов развития материальной культуры и религиозно-ритуальных традиций населения Правобережного Хорезма в IV–I вв. до н. э. Обнаруженные в рамках разных стратифицированных контекстов терракотовые статуэтки, амулеты и миниатюрные культовые предметы позволяют рассматривать памятник не только как фортификационный и административный центр, но и как место формирования локальных духовных практик, отражающих устойчивые элементы мировоззрения древнего населения.

Городище Большой Гульдурсун в системе памятников Правобережного Хорезма

Среди археологических памятников Правобережного Хорезма городище Большой Гульдурсун благодаря своей репрезентативности и уникально выраженной двухэтапной стратиграфии занимает особое место. Период существования комплекса охватывает раннеантичный период (IV–III вв. до н. э.) и эпоху Хорезмшахов (XII–XIII вв. н. э.), что делает памятник ценным источником данных о наследовании и трансформации архитектурных и градостроительных традиций региона. Выявленные в ходе исследований строительные горизонты и культурные слои позволяют проследить раннюю урбанизацию Хорезма, эволюцию его оборонительных систем и развитие хозяйственно-бытовой инфраструктуры.

Данные полевых исследований и стратиграфического анализа указывают на то, что городище было основано в период формирования раннегородской культуры Хорезма. Уже на первых этапах своего существования поселение выполняло важные стратегические и хозяйственные функции, связанные с контролем над западными и северными границами государства, а также обеспечением стабильной эксплуатации оросительных систем региона.

В 1989–1993 гг. археологическим отрядом Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И. В. Савицкого были проведены масштабные раскопки, включавшие закладку крупной траншеи и исследование одной из башен

крепости, а также прилегающих оборонительных сооружений [1, с. 60]. Несмотря на ограниченную площадь исследований, полученные материалы позволили уточнить сведения о характере застройки, периодах функционирования городища и особенностях фортификационной архитектуры. Результаты работ дали возможность в значительной степени развить периодизацию истории Хорезма, предложенную С. П. Толстовым [2, с. 170], и стали основой для последующих исследований региональной исторической динамики.

Городище имеет форму неправильного прямоугольника размером 350 × 230 м, ориентированного по сторонам света. Центральный вход, оформленный в виде предвратного комплекса с пандусом, расположен в восточной стене – элемент, характерный для оборонительной архитектуры Хорезма. Нижний античный ярус конструкций построен из пахсы, что типологически соответствует строительным традициям раннего периода формирования городища, тогда как верхние части сооружений, возведенные в XII–XIII вв., выполнены из сырцового кирпича. Верхние части сооружений в значительной степени сохранились до наших дней и местами достигают высоты в 15 м. Оборонительные линии, построенные в XII–XIII вв., были дополнительно усилены посредством возведения внешнего барьера и ряда выносных башен, что подчеркивает стратегическую важность крепости в системе обороны государства Хорезмшахов.

Развитие городища Большой Гульдурсун тесно связано с функционированием древней ирригационной сети Правобережного Хорезма, включавшей Большой Кырк-Кызский канал, каналы Кельтеминар и Гавхорэ. Эти каналы, берущие свое начало у современных развалин крепости Шурахан и расходящиеся веером у подножия отрогов горного массива Султануиздаг, обеспечивали стабильное сельскохозяйственное производство на протяжении кангюйско-кушанского периода. В IX–X вв. первые два канала вышли из эксплуатации, тогда как канал Гавхорэ, сформировав крупный оазис с центром в городище Кават-кала, где располагались дворец (или мечеть) и ряд общественных сооружений, стал ведущим.

Исследования замков и усадеб V–VIII вв. в области Большого Кырк-Кызского канала показали, что в IX–XI вв. их часть была адаптирована под новые пограничные форпосты, защищавшие подступы к столичной части городища Кят. Эти данные свидетельствуют о сложной системе политического и территориального контроля в раннесредневековом Хорезме.

После периода запустения (первые века нашей эры) городище Большой Гульдурсун в IX–XI вв. вновь ожило. Об этом свидетельствуют нумизматические материалы, включая плоские медные дирхемы эпохи правления султана Ала ад-Дина Мухаммеда [3, с. 150]. Городище функционировало вплоть до монгольских походов 1220 г., после которых жизнь поселения пре-

кратилось. Этот период совпал с эпохой культурно-политического расцвета Хорезма и его конфликтов с каракитами [4, с. 10–13].

Материалы раскопок позволили выявить широкую категорию предметов материальной культуры XI – начала XIII в.: керамику, стекло, металлические и костяные изделия [5]. Однако именно терракотовые находки из нижнего античного горизонта представляют особую научную ценность. Их типология, технологические особенности и функциональные характеристики дают возможность реконструировать ранние этапы религиозных практик, связанные с домашним и общинным культом, а также определить степень развития культурных контактов Правобережного Хорезма с соседними регионами.

Анализ терракотовых изделий в контексте общей стратиграфической ситуации городища Большой Гульдурсун позволяет расширить понимание культурной динамики региона, выявить особенности духовной жизни его населения и дать комплексное представление о материальной и нематериальной культуре Хорезма в эпоху Античности.

Изучение материальной культуры древнехорезмийской цивилизации представляет собой актуальную область научного исследования, которая охватывает не только процессы формирования государственности и политико-экономического развития, но и этапы межкультурных взаимодействий с различными странами. Также оно способствует углублению представления о всестороннем развитии данной цивилизации. Развитие цивилизации происходило в том числе в сферах градостроительства, ремесленного производства и формирования традиционного уклада жизни, который основывался не только на устоявшихся традициях и обрядах, но и на элементах духовной культуры, способствующих трансформации упомянутых сфер в исторической перспективе.

Среди ранее не опубликованных материалов, касающихся ранних этапов формирования городища, представляется целесообразным уделить внимание двум уникальным находкам – антропоморфной и зооморфной терракотовым статуэткам. Эти артефакты представляют собой исключительные образцы скульптурного искусства, прежде не зафиксированные в рамках хорезмийских античных памятников. Их изучение может существенно обогатить наше понимание культурных и художественных традиций данного региона.

Терракотовая статуэтка обезьяны размером 5,8 × 4,6 × 4,1 см, найденная среди подъемного материала в отвале внутренней северо-западной части раскопа № 2, представляет собой значимый артефакт, относящийся к IV–III вв. до н. э. Этот объект, ранее описанный на основе керамического материала, который был извлечен из хорошо сохранившихся слоев городища [5], имеет особую важность для

изучения культурных и художественных традиций данного исторического периода. Анализ терракотового изображения позволяет не только углубить представление об эстетических предпочтениях и символике, присущих обществу того времени, но и выявить связи между различными культурными практиками, существовавшими в регионе. Данный артефакт служит ключом к более глубокому пониманию социально-экономических и культурных процессов, происходивших в эпоху Античности, а также их влияния на формирование культурной идентичности и наследия. Таким образом, терракотовое изображение обезьяны не только обогащает археологическую коллекцию, но и открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области материальной культуры и искусства древнего Хорезма. На данный момент статуэтка обезьяны является единственным известным изображением животного в коллекции статуэток из городища Большой Гульдурсун (рис. 1).

Рис. 1. Терракотовая статуэтка обезьяны, найденная в городище Большой Гульдурсун

Fig. 1. A terracotta statuette of a monkey found at the Great Guldursun settlement

Фигура выполнена в односторонней форме, она не имеет признаков ручной лепки. Используемая для ее создания светлая глина, тонко отмученная и свободная от каких-либо примесей, отличается по цвету и качеству от материалов статуэток, ранее найденных на территории Хорезма. Поверхность артефакта покрыта тонким светлым ангобом, на котором имеются следы потертостей, что указывает на возможное длительное использование изделия и воздействие окружающей среды на него.

Композиция статуэтки демонстрирует высокую степень реализма. Несмотря на то что сохранилась лишь погрудная часть изделия, изображение отличается четкостью и имеет хорошо выраженные риф-

ленные черты. Правая лапа, согнутая в локте, прижата к правой стороне морды, кисть касается губ. Сама морда животного выполнена рельефно, что позволяет отчетливо различить выступающие глаза, высокий нос с горбинкой и широкий рот. Эти детали свидетельствуют о мастерстве художника и могут служить важным источником информации для изучения художественных традиций и символики данного периода.

На статуэтке четко просматриваются висащие кольцевидные серьги, надетые на мочки обеих ушей, а также ожерелье, обвивающее утолщенную шею. Продавленные точки, распределенные по всей длине ожерелья, напоминают бусинки или плетеные детали, что может указывать на наличие декоративных элементов. Левая лапа, сохранившаяся лишь в области плеча, вероятно, опущена вниз. Лоб у животного короткий, он плавно переходит в волосняной покров, который окружает всю голову, что подчеркивает детализированность и проработанность изображения. Эти элементы не только свидетельствуют о высоком уровне мастерства создателя статуэтки, но и могут служить важными артефактами для изучения культурных и художественных традиций данного исторического периода.

Также была найдена оригинальная статуэтка обезьяны с детенышем, отличающаяся высокой степенью реализма и своеобразным стилем, который является необычным в контексте художественных традиций Хорезма. Материал, использованный для создания статуэтки, представляет собой зеленовато-серую тонко отмученную глину, что может свидетельствовать о возможном импорте данного изделия. Упомянутая статуэтка относится к верхнему слою городища Кой-Крылган-кала и первоначально датируется II–I вв. до н. э. [6]. Обе описанные находки имеют существенное значение для изучения культурных и художественных традиций данного исторического периода, а также для понимания взаимовлияний различных регионов. На основании анализа цветовых характеристик и качества глины, а также стилистических особенностей представленного изображения С. П. Толстов выдвинул гипотезу о возможности импортного происхождения фигурки, отмечая ее сходство с произведениями искусства Древней Индии [7, с. 203–204; 8].

Исследуя данную находку, М. Г. Воробьева указывает на вероятные торговые и культурные связи между Индией и Хорезмом, которые способствовали обмену предметами, а также на обратный поток изделий, служивших образцами для мастеров обеих культур [9, с. 142–144]. Описывая гончарное производство, исследователь предполагает, что на рубеже IV–III вв. до н. э. и в III в. до н. э. Хорезм не имел тесных хозяйственных связей с соседними среднеазиатскими государствами. Вместе с тем его торговая деятельность, вероятно, была направлена

на Индию. Это предположение может быть объяснено тем, что другим государствам Средней Азии, борющимся с македонскими завоевателями, в данный период были присущи политическая нестабильность и стремление к независимости. Хорезм, оставаясь независимым государством, не был непосредственно вовлечен в эти конфликты и, следовательно, имел возможность развивать экономические отношения с Магадхой, в которой правила династия Маурья. Эти аспекты подчеркивают важность изучения культурных и торговых взаимодействий между регионами в контексте исторического развития.

Кроме хорезмийских статуэток, к циклу индийских образов можно отнести статуэтки обезьян, найденные на территории разных исторических памятников (Шор-тепа, Айртам и Барат-тепе). В частности, голова обезьяны, обнаруженная на ручке одноручного кувшина (Шор-тепа), была найдена в слое, содержащем монету Канишки, что указывает на их возможные временные и культурные связи [10, с. 51–58].

В северной Бактрии среди зооморфных статуэток выделяется уникальная статуэтка обезьяны-гермафродита, что подчеркивает разнообразие форм и символики местного искусства [11, с. 46–47]. Лепная статуэтка обезьянки была отнесена к эллинистическим образам дионисийского круга, что свидетельствует о влиянии эллинистической культуры на местные художественные традиции. На основании рассмотренных образов К. А. Абдуллаев делает вывод о том, что «эллинистическая культура проникла глубоко в народную среду и отразилась в произведениях местных мастеров» [12, с. 131]. Тем самым подчеркивается реальность культурных взаимовлияний различных регионов и обмена между ними в ходе исторического и художественного развития.

Несмотря на то что статуэтка обезьяны была обнаружена на отвалах раскопа № 2 в качестве подъемного материала, мы предполагаем, что она, как и выявленный культурный слой, относится к периоду IV–III вв. до н. э. В то же время стратиграфический разрез на данном участке не дал информации о других следах обитания населения, проживавшего в городище.

Другая терракотовая статуэтка представляет собой одностороннюю женскую фигуру с подрезанными боковинами и гладкой спинкой (рис. 2). Фигура изображает облаченную в одежду женщину, сидящую на невысоком постаменте. Правая нога находится под телом, в то время как левая нога согнута в колене. Руки соединены в области кистей у груди, из-под них виден лоскут шарфа, который падает к ногам. Платье, собранное мелкими складками у округлого ворота, ниспадает до пят, образуя четко выраженные вертикальные фалды. Поверх платья накинута шарф или покрывало, создающее живописные горизонтальные складки. Следует отметить, что голова фигурки отколота, однако на всей поверхности изделия сохранились следы красного ангоба, что придает композиции четкость и выразительность.

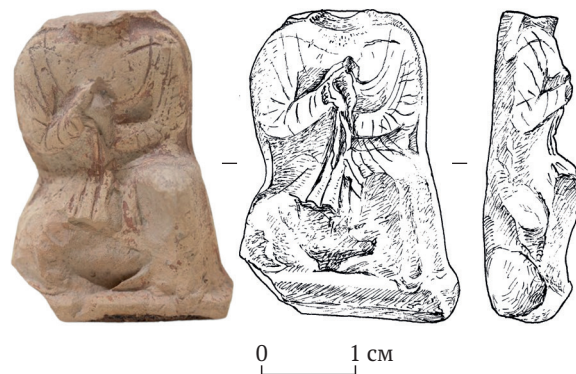

Рис. 2. Терракотовая статуэтка женщины, найденная в городище Большой Гульдурсун
Fig. 2. A terracotta statuette of a woman found at the Great Guldursun settlement

Статуэтка данного типа демонстрирует связь с иконографией ахеменидского Ирана. В то же время статуэтки второго типа, содержащие следы возможного греческого и эллинистического влияния, усложняют общую картину. В связи с этим важно упомянуть мнение исследователей Хорезма о развитии внешних контактов и связей региона с юго-западными соседями в период обводнения русла р. Узбой, о чем упоминает исследователь С. Б. Болелов [13]. Несмотря на то что он предлагает выделить древнехорезмийский археологический комплекс с одноименным названием периода, который длился со второй половины или конца IV в. до н. э. по I в. до н. э. [14, с. 215], можно предположить, что в течение IV–III вв. до н. э. именно внешние связи с переднеазиатскими территориями стали ключевым фактором формирования изучаемого нами типа статуэток.

Данный тип статуэток отличается малочисленностью. Кроме рассмотренной статуэтки (см. рис. 2), он представлен лишь двумя фрагментированными экземплярами: статуэткой из среднего слоя городища Кой-Крылган-кала и статуэткой из нижнего горизонта крепости Капарас. Эти изделия выделяются значительными размерами, при этом высота наиболее хорошо сохранившейся статуэтки из городища Кой-Крылган-кала превышает 19 см (она изображает облаченную в платье женщину, сидящую с подогнутым коленом). Второй чертой статуэток данного типа является наличие невысокого прямоугольного постамента [10, с. 198, рис. 110, 111, табл. 7, № 9, 34]. Таким образом, можно говорить об идентичности статуэтки из городища Кой-Крылган-кала описываемому нами образцу.

В 1953 г. археологическим отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции была обнаружена аналогичная терракотовая статуэтка на территории городища Кой-Крылган-кала [6, с. 192]. Данная статуэтка представляет собой крупную фигуру женщины с поджатыми ногами в пышной, богато украшенной одежде.

При анализе скульптурного искусства разных регионов Средней Азии, в частности Хорезма и Согда,

мы обнаружили значительное сходство произведений, особенно работ второй половины 1-го тысячелетия до н. э. В этот период художественные традиции скульптуры в Хорезме и Согде развивались параллельно, что указывает на наличие культурных и художественных связей между данными регионами. Хорезмийская скульптурная школа является наиболее близкой к согдийской, и ее становление связывается с переосмыслением переднеазиатских образов IV–III вв. до н. э.

Данные скульптурные школы характеризуются тематической близостью, устойчивостью иконографических типов, а также общностью стилистических принципов. Тем не менее, несмотря на эти сходства, различия между школами также имеют место, особенно в иконографии богинь. Работы хо-

резмийской скульптурной школы демонстрируют многообразие образов и типов богинь в рамках одного канона, что свидетельствует о более широком диапазоне интерпретаций. Кроме того, различия в пропорциях и пластике подчеркивают уникальные черты каждой школы [9, с. 108].

Как было отмечено ранее, художественное искусство регионов Средней Азии, в частности Хорезма и Согда, имеет значительное сходство, что также может быть связано с политическим устройством этих регионов и культурными связями между ними [1, с. 109–112]. В целом скульптурное искусство Хорезма и Согда во второй половине 1-го тысячелетия до н. э. развивалось в сходных традициях, что указывает на взаимовлияние двух регионов и культурные обмены между ними.

Заключение

Археологические исследования территории городища Большой Гульдурсун позволили собрать важные данные о социально-экономических и культурных процессах, происходивших в регионе в I в. н. э. Анализ археологических материалов, полученных из нижнего горизонта городища, прежде всего терракотовых статуэток обезьяны и женской фигуры, дает ценные сведения о характере культурной динамики Хорезма и его межрегиональных взаимодействий в раннеантичный период. Обе категории находок относятся к редким типам пластики, что придает им особую значимость в контексте изучения локальных культовых представлений и каналов культурной трансмиссии.

Статуэтка обезьяны может быть интерпретирована как свидетельство включенности местного населения в более широкие символические и торговые сети. Известно, что образы приматов среди терракотовой пластики Центральной Азии встречаются крайне редко; они чаще всего связаны с товарами, поступавшими из Индии и южной Бактрии, где подобные мотивы имели устойчивое место в религиозно-мифологической системе. Наличие такого образа в городище Большой Гульдурсун позволяет выдвинуть предположение о существовании культурного обмена либо прямых контактов данного региона с Кушанской империей, политика которой в рассматриваемый период была направлена на укрепление контроля над Хорезмом и северными путями.

Не менее показательна терракотовая фигурка женского персонажа, которая, вероятно, связана с культом плодородия, домашними ритуалами или локальными представлениями о богине-хранительнице. Подобные образы имеют множество аналогов в среднеазиатских и бактрийских коллекциях, включая находки из городищ Топрак-кала, Кой-Крылган-кала и Джанпык-кала. Это обстоятельство позволяет говорить о распространении традиции создания женских образов, отражающей синтез локальных обрядовых практик и общих культурных моделей региона.

Включение этих находок в более широкий исторический контекст дает возможность утверждать, что культурная жизнь Хорезма продолжала развиваться даже в периоды политической нестабильности и внешних воздействий. Политика Кушанской империи, направленная на развитие ирригационной инфраструктуры – строительство Большого Кырк-Кызского канала, сооружений возле городища Топрак-кала и других объектов, создала благоприятные условия для экономического роста и развития ремесленного производства. Несмотря на последующие разрушительные волны внешних воздействий, от позднеантичных военных конфликтов до нашествий войск Чингисхана, традиции материальной культуры Хорезма сохранялись и переосмыслились, что находит подтверждение на территории других памятников (Гавхорэ, Кят, Джанпык-кала и Миздахкан).

Комплексный анализ терракотовой пластики из городища Большой Гульдурсун показывает, что материальная культура региона представляла собой сложное сочетание ремесленного мастерства и ритуальных практик и что она находилась под внешним культурным влиянием. Эти находки укрепляют представление о длительной культурной преемственности в долине р. Амударьи и подчеркивают значение городища Большой Гульдурсун как локального центра, отражающего динамику культурных, экономических, идеологических процессов античного и средневекового Хорезма.

Для дальнейшей реконструкции процесса культурного развития городища требуется расширение аналитической базы: проведение материаловедческих исследований терракотов (петрография, рентгенофлуоресцентный анализ), уточнение хронологии (радиоуглеродное и термолюминесцентное датирование), а также сопоставительный анализ коллекций Хорезма и смежных регионов. Такие исследования позволят уточнить функции статуэток, установить центры их производства и лучше понять механизмы межрегиональных контактов раннего Хорезма.

Библиографические ссылки

1. Доспанов ОТ. Гулдирсинкалалыгы хаккында гейпара маглыуматлар. *Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан*. 1993;2:109–115.
2. Толстов СП. *Древний Хорезм (опыт историко-археологического исследования)*. Москва: Московский государственный университет; 1948. 440 с.
3. Доспанов ОТ. Сведения о политическом обустройстве средневекового Хорезма из монетных данных городища Джанпик-кала. В: Альниязов АИ, редактор. *История и археология Приаралья. Часть 3*. Нукус: Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук; 2022. с. 150–161.
4. Давидович ЕА. *Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масудбека (XIII в.)*. Москва: Наука; 1972. 183 с.
5. Доспанов ОТ. *Айиемги Гулдирсин каласы*. Нокис: Билим; 1993. 60 б.
6. Толстов СП, Вайнберг БИ, редакторы. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. – IV в. н. э.* Москва: Наука; 1967. 348 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; том 5).
7. Толстов СП. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 году. *Вестник древней истории*. 1955;3:192–206.
8. Толстов СП. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951–1954 гг. *Вопросы истории*. 1955;3:173–180.
9. Толстов СП, Воробьева МГ, редакторы. *Керамика Хорезма*. Москва: АН СССР; 1959. 398 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции; том 4).
10. Двуреченская НД. *Терракотовая пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н. э. – IV в. н. э. (археологический аспект)*. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2016. 610 с. (Archaeologica varia).
11. Пидаев ШР. *Поселения кушанского времени северной Бактрии*. Ташкент: Фан; 1978. 144 с.
12. Абдуллаев КА. Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паёнкургона (северная Бактрия). В: Институт археологии АН РУз. *История материальной культуры Узбекистана. Выпуск 30*. Самарканд: Институт археологии АН РУз; 1999. с. 126–132.
13. Болелов СБ. *Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э.* Москва: Восточная литература; 2004. 286 с.
14. Болелов СБ. К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тысячелетия до н. э. по археологическим данным (древнехорезмийский археологический комплекс). В: Антонова ЕА, Мкртычев ТК, редакторы. *Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук Е. А. Давидович и действующего члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук Б. А. Литвинского; 3–5 апреля 2003 г.; Москва, Россия*. Москва: Восточная литература; 2005. с. 215–234.

Получена 03.03.2025 / исправлена 25.11.2025 / принята 30.12.2025.
Received 03.03.2025 / revised 25.11.2025 / accepted 30.12.2025.

УДК 8.93/94.930

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА НА СТРАНИЦАХ ИНДИЙСКОЙ ПРЕССЫ: АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЯ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ГАЗЕТЫ «BOMBAY CHRONICLE»

А. А. ГАЗИЕВА¹⁾, М. М. ГАСАНОВ²⁾, Д. КАЙГУСУЗ³⁾

¹⁾ Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
ул. М. Гаджиева, 45, 367000, г. Махачкала, Россия

²⁾ Дагестанский государственный университет,
ул. М. Гаджиева, 41, 367000, г. Махачкала, Россия

³⁾ Университет Ондокуз Майыс, кампус им. Мустафы Кемаля Гюнешдогду,
55500, г. Самсун, Турция

Аннотация. Исследование особенностей восприятия крупнейших событий Второй мировой войны в прессе колониальных и полуколониальных стран представляет собой важное направление в изучении глобальной истории и транснациональных коммуникаций. Сталинградская битва вызвала широкий резонанс во всем мире, включая Британскую Индию. Анализ того, как это событие отражалось в индийской англоязычной прессе, позволяет понять

Образец цитирования:

Газиева АА, Гасанов ММ, Кайгусуз Д. Сталинградская битва на страницах индийской прессы: анализ восприятия события на основе материалов газеты «Bombay Chronicle». *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;1:55–62.
EDN: PTWCWI

For citation:

Gazieva AA, Gasanov MM, Kaygusuz C. The Battle of Stalingrad on the pages of the Indian press: analysis of the perception of the event based on the newspaper «Bombay Chronicle» materials. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;1:55–62. Russian.
EDN: PTWCWI

Авторы:

Абидат Абдулаевна Газиева – научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии.

Магомед Магомедович Гасанов – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории России исторического факультета.

Джумхур Кайгусуз – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры истории Турецкой Республики факультета гуманитарных и социальных наук.

Authors:

Abidat A. Gazieva, researcher at the department of modern and contemporary history of Dagestan, Institute of History, Archeology and Ethnography.

gazieva.abidat@mail.ru

Magomed M. Gasanov, doctor of science (history), full professor; head of the department of Russian history, faculty of history.

mgasanov@list.ru

Cumhur Kaygusuz, PhD (history); lecturer at the department of history of the Republic of Turkey, faculty of humanities and social sciences.

cumhurkaygusuz@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1640-9439>

не только специфику трансляции советского военного опыта за пределами СССР, но и роль данного сюжета в формировании политического сознания индийского общества. В условиях обостренного антагонизма между британскими колониальными властями и индийским национально-освободительным движением освещение сталинградских событий обрело дополнительное значение и способствовало продвижению идеологических и пропагандистских нарративов. Делается попытка на примере региональной газеты «Bombay Chronicle» проследить формирование образа СССР в индийском обществе и стратегического интереса к событиям, предшествовавшим перелому в ходе Второй мировой войны. Исследование публикаций издания «Bombay Chronicle» периода Сталинградской битвы позволяет говорить о том, что в индийской прессе образ СССР формировался на основе аналитической проработки материалов зарубежной и советской прессы, выдержки из которой часто публиковались в газете. Корреспонденты по возможности старались представлять каждодневные сводки о ходе Второй мировой войны, для того чтобы создать более детальную картину происходящих в мире событий.

Ключевые слова: СМИ; Вторая мировая война; Сталинградская битва; идеология; общественная жизнь.

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА НА СТАРОНКАХ ИНДИЙСКОЙ ПРЕСЫ: АНАЛІЗ УСПРЫМАННЯ ПАДЗЕІ НА АСНОВЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ГАЗЕТЫ «BOMBAY CHRONICLE»

А. А. ГАЗИЕВА^{1*}, М. М. ГАСАНАЎ^{2*}, Д. КАЙГУСУЗ^{3*}

^{1*} Дагестанскі федэральны даследчы цэнтр РАН, вул. М. Гаджиева, 45, 367000, г. Махачкала, Расія

^{2*} Дагестанскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. М. Гаджиева, 41, 367000, г. Махачкала, Расія

^{3*} Універсітэт Ондакуз Майыс, кампус імя Мустафы Кемала Гюнешдогду,
55500, г. Самсун, Турцыя

Анотацыя. Даследаванне асаблівасцей успрымання найбуйнейшых падзей Другой сусветнай вайны ў прэсе каланіяльных і паўкаланіяльных краін уяўляе сабой важны напрамак у вывучэнні глабальнай гісторыі і транснацыянальных камунікацый. Сталинградская бітва выклікала шырокі рэзананс ва ўсім свеце, уключаючы Брытанскую Індыю. Аналіз таго, як гэта падзея адлюстроўвалася ў індыйскай англамоўнай прэсе, дазваляе зразумець не толькі спецыфіку трансляцыі савецкага ваеннага вопыту за межамі СССР, але і ролю дадзенага сюжэта ў фарміраванні палітычнай свядомасці індыйскага грамадства. Ва ўмовах абвостранага антаганізму паміж брытанскімі каланіяльнымі ўладамі і індыйскім нацыянальна-вызваленчым рухам асвятленне сталинградскіх падзей набыло дадатковае значэнне і спрыяла прасоўванню ідэалагічных і прапагандысцкіх наратываў. Робіцца спроба на прыкладзе рэгіянальнай газеты «Bombay Chronicle» прасачыць фарміраванне вобраза СССР у індыйскім грамадстве і стратэгічнай цікавасці да падзей, якія папярэднічалі пералому ў ходзе Другой сусветнай вайны. Даследаванне публікацый выдання «Bombay Chronicle» перыяду Сталинградскай бітвы дазваляе казаць аб тым, што ў індыйскай прэсе вобраз СССР фарміраваўся на аснове аналітычнай прапрацоўкі матэрыялаў замежнай і савецкай прэсы, вытрымкі з якой часта публікаваліся ў газеце. Карэспандэнты па магчымасці стараліся прадстаўляць штодзённыя зводкі аб ходзе Другой сусветнай вайны, для таго каб стварыць больш дэталёвую карціну падзей, што адбываліся ў свеце.

Ключавыя словы: СМІ; Другая сусветная вайна; Сталинградская бітва; ідэалогія; грамадскае жыццё.

THE BATTLE OF STALINGRAD ON THE PAGES OF THE INDIAN PRESS: ANALYSIS OF THE PERCEPTION OF THE EVENT BASED ON THE NEWSPAPER «BOMBAY CHRONICLE» MATERIALS

A. A. GAZIEVA^a, M. M. GASANOV^b, C. KAYGUSUZ^c

^aDagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
45 M. Gadzhiev Street, Makhachkala 367000, Russia

^bDagestan State University, 41 M. Gadzhiev Street, Makhachkala 367000, Russia

^cOndokuz Mayis University, Mustafa Kemal Gunesdogdu Campus, Samsun 55500, Turkey

Corresponding author: A. A. Gazieva (gazieva.abidat@mail.ru)

Abstract. The study of the peculiarities of perception of the major events of the World War II in the press of colonial and semi-colonial countries is an important area in the study of global history and transnational communications. The Battle of Stalingrad caused a wide resonance throughout the world, including British India. An analysis of how this event was reflected in the Indian English-language press allows us to understand not only the specifics of the transmission of the Soviet military experience outside the USSR, but also the role of this story in shaping the political consciousness of Indian society. In the context

of heightened antagonism between the British colonial authorities and the Indian national liberation movement, coverage of the Stalingrad events acquired additional significance and contributed to the promotion of ideological and propaganda narratives. Using the example of the regional newspaper «Bombay Chronicle», an attempt is made to trace the formation of the image of the USSR in Indian society, and strategic interest in the events that preceded the turning point in the World War II. A study of the publications of the newspaper «Bombay Chronicle» during the Battle of Stalingrad suggests that the Indian press's image of the USSR was formed through analytical analysis of foreign and Soviet press materials, excerpts from which were frequently published in the newspaper. Correspondents, whenever possible, attempted to provide daily reports on the progress of the World War II in order to create a more detailed picture of global events.

Keywords: mass media; World War II; Battle of Stalingrad; ideology; public life.

Введение

Исследование различных аспектов Сталинградской битвы актуально как в контексте истории Советского государства, так и в контексте мировой истории. Сражение имело не только стратегическое, но и геополитическое значение, оно определило лидерство Советского Союза, а также укрепило положение СССР внутри блока союзников. Новизна данного исследования обусловлена тем, что в отечественной и зарубежной историографии крайне ограничено количество работ, посвященных событиям, которые происходили на Восточном фронте Второй мировой войны, а работ, в рамках которых рассматривается деятельность индийских СМИ, вовсе нет.

Менее изученной областью остается специфика рецепции советских военных побед, в частности победы в Сталинградской битве, в контексте формирования антифашистской и национально-освободительной повестки в Индии. Использование первоисточника – газеты «Bombay Chronicle» – позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать медиарецепцию событий, а также дает возможность выявить уникальные особенности интерпретации советской борьбы против нацизма индийскими СМИ в условиях британской колониальной цензуры. Особенно актуальна разработка вопроса деятельности индийской прессы и характера содержания ее публикаций о Сталинградской битве, которые отражали геостратегические инициативы государства в контексте общественной и политической жизни Индии.

Газета «Bombay Chronicle» выбрана в качестве основного источника материалов для анализа не случайно. Основанная в 1910 г., она являлась одной из ведущих англоязычных ежедневных газет в Бомбее (ныне Мумбаи), имела репутацию либерального национально ориентированного издания и активно использовалась в дискуссиях о независимости Индии. Газета отличалась высоким уровнем интеллектуального содержания, в ней публиковались материалы политиков, общественных деятелей и журналистов, близких к Индийскому национальному конгрессу. У истоков газеты стоял Ферозешах Мехта, будущий президент Индийского национального конгресса.

В годы Второй мировой войны издание «Bombay Chronicle» занимало критическую позицию по отно-

шению к британской колониальной политике и одновременно выступало в поддержку антифашистской борьбы. Эти особенности делают газету ценным источником для исследования того, как в Индии интерпретировалась борьба СССР против нацистской Германии.

Значение и роль газеты «Bombay Chronicle» в жизни Индии велики. Во время Второй мировой войны данное издание функционировало как важный орган публичной дипломатии, который, с одной стороны, оставался в рамках допустимого колониальной цензурой, а с другой стороны, предоставлял площадку для альтернативных голосов и интерпретаций мировых событий. На страницах газеты публиковались материалы международных информационных агентств (в том числе «Reuters»), репортажи с фронтов, а также редакционные статьи, отражавшие мнение индийской общественности. Издание служило своего рода мостом между глобальными событиями и национальной индийской действительностью, «фильтруя» информацию через призму колониальной реальности. На фоне ограниченного присутствия советских репортажей в англоязычной прессе Индии статьи о Сталинграде из газеты «Bombay Chronicle», отражающие позицию Англии и СССР, имели важное идеологическое значение для формирования целостного представления о мировых событиях.

Сегодня изучение особенностей восприятия Сталинградской битвы в зарубежной прессе и историографии является актуальным направлением. Аналогичные исследования, выполненные на основе отечественных газет и журналов, встречаются среди работ современных российских историков. Так, специфика освещения хода Сталинградской битвы, мужества бойцов и смены тактической инициативы рассматривается в исследовании В. И. Горбенко [1]. Работа С. Буранка [2] посвящена анализу особенностей восприятия Сталинградской битвы в американской прессе. В статье М. Озтюрка, Ю. Г. Кокориной, М. М. Вагабова [3] раскрывается вопрос репрезентации Сталинградской битвы на страницах региональной прессы Великобритании. Также некоторые аспекты интерпретации Сталинградской битвы в английской прессе рассматриваются в работе Д. Кайгусуза, Ю. Г. Кокориной, М. М. Вагабова [4].

Вопросам советско-турецких дипломатических отношений периода Сталинградской битвы посвящена статья [5]. В исследовании М. Озтюрка, М. М. Вагабова, А. А. Газиевой [6] на основе анализа ряда печатных изданий турецкой прессы 1942–1943 гг. рассматривается состояние советско-турецких отношений, а также их проекция на страницах турецких газет. Изучению специфики восприятия Сталинградской битвы в контексте деятельности оккупационной администрации в Сербии на материале газеты «Новое время» посвящено исследование А. Пейчич, Г. М. Бурдиной, И. В. Сухаревой, М. М. Вагабова [7].

Различные аспекты отражения Сталинградской битвы и дипломатических отношений на мировой арене в период Второй мировой войны исследуются в статьях, которые были подготовлены в рамках 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы [8]. Стоит отметить, что в работах исследователей-историков из Индии анализируется медийное пространство периода Второй мировой войны.

В частности, рассматривается роль колониальной цензуры в процессе освещения военных событий. Так, следует выделить работы, выполненные в рамках историографического направления «война за слова», в которых освещаются механизмы контроля колониальной администрации над СМИ [9]. В индийской историографии подчеркивается, что колониальная цензура «сужала» дискуссию о проблемах в стране и ситуации на мировой арене [10]. В исследованиях отмечается, что индийская пресса 1940-х гг. была многослойной; совокупность разнообразных социально-экономических факторов (регион, идеологические взгляды редактора, зависимость от рекламных акций в газетах) влияла на позиции изданий, специфику интерпретации событий Второй мировой войны [11–13]. В частности, С. Ахмад говорит о том, что в газетах, связанных с Индийским национальным конгрессом, в том числе в издании «Bombay Chronicle», критиковалась британская политика, а события в стране и в мире в основном освещались независимо от вектора британского влияния [11].

Материалы и методы исследования

Исследование основывается на междисциплинарной методологии, сочетающей специфические исторические подходы, медиакритику и дискурсивный анализ. Использование метода контент-анализа дало возможность произвести количественную и качественную оценку публикаций о Сталинградской битве газеты «Bombay Chronicle» (включая заголовки, редакционные статьи, репортажи, перепечатки агентств). Применение дискурсивного анализа позволило выявить риторические стратегии, нарративы и символические конструкции, использованные для описания сталинградских событий. Исследование материалов газеты проводилось с помощью историко-контекстуального метода, который дал возможность рассмотреть Сталинградскую битву в контексте индийского

национально-освободительного движения, колониальной политики Великобритании и глобального антифашистского движения. В рамках исследования также проводился сравнительный анализ газеты «Bombay Chronicle» с индийскими и британскими изданиями, которые были распространены в Индии, включая «Times of India», «Statesman», «Amrita Bazar Patrika», а также «Times» (Лондон) и «Manchester Guardian».

Использование данной методологической схемы позволило всесторонне проанализировать, как на страницах индийской печати, а именно газеты «Bombay Chronicle», формировалось представление о советской победе под Сталинградом и какую роль играло это представление в политической и общественной жизни Индии в период войны.

Результаты и их обсуждение

Мировые таблоиды были прикованы к событиям на Сталинградском фронте. Стратегические инициативы, тактическую расстановку и ход боевых действий активно освещала и индийская печать. Издания Индии, за исключением газеты «Bombay Chronicle», в большей степени отражали события, происходящие на Западном фронте, не уделяя Сталинградской битве большого внимания. Следует отметить, что на страницах индийских газет регулярные публикации, посвященные Сталинградской битве, стали появляться в период активизации советского контрнаступления.

Начиная с первых дней битвы на страницах издания «Bombay Chronicle» начали появляться заметки, сообщения, колонки о Сталинградском фронте. В ма-

териалах индийской региональной газеты «Bombay Chronicle» за январь 1943 г. говорится о стратегических планах советского руководства, которые были разработаны еще в 1942 г. и обсуждены на Московской конференции. План контрнаступления, созданный высшим командным составом Красной армии, был готов 6 октября 1942 г., а его реализация была назначена на 10 октября 1942 г. [14, с. 5]. В газетной статье «Стратегия Сталина говорит сама за себя»¹ собственный корреспондент издания «Bombay Chronicle» из Лондона передает: в политических кругах полагают, что «наступательные операции Сталина на Кавказском и Донском фронтах являются только первой частью его стратегического плана»². Корреспондент считает, что о стратегических инициативах

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Г., М. Г., Д. К.

²Stalin's strategy tells // Bombay Chronicle. 1943. 15 Jan.

и планах И. В. Сталина стало известно У. Черчиллю в ходе его рабочего визита в Москву. В данной статье анализируются военно-стратегическое положение Германии и ее дипломатия. Здесь же приводится высказывание посла Германии в Мадриде Г.-А. фон Мольтке «об ужасах, которые ожидают Европу, опустошенную войной»; он предрекает «гибель экономики европейских стран»³.

Обеспокоенность немецких властей была вызвана тяжелым положением их армии на Сталинградском фронте, очевидностью того, что стратегические планы Берлина провалены, а прорыв немецкой фронтальной зоны неизбежен. О переходе стратегической инициативы к Советской армии говорит и статья собственного корреспондента газеты «Bombay Chronicle» из Цюриха от 14 января 1943 г., который ссылается на немецкие издания: «Немецкая пресса продолжает делать акцент на численном превосходстве советских войск на всех фронтах. Берлинская газета „Boerzen Zeitung“ сообщает, что прорыв немецкой фронтальной зоны неизбежен. Если этого вдруг не случится, то это можно будет расценивать как чудо. На нескольких позициях наблюдается невероятно высокая концентрация советских войск. Более того, представитель Вильгельмштрассе утверждает, что наступление Советского Союза еще не достигло своего апогея»⁴. Мировые наблюдатели были поражены тем, что «Красная армия после многочисленных наступательных операций в районе Сталинграда, центрального Дона и Северного Кавказа все еще способна на четвертую масштабную наступательную кампанию в северной части СССР»⁵.

Индийские журналисты, как и их коллеги из других стран, старались собрать полные данные о ситуации на Сталинградском фронте, прорабатывая все статьи немецких и советских изданий. Так, в статье газеты «Bombay Chronicle» от 14 января 1943 г. говорится: «По сообщению московского информационного агентства, в промышленной зоне Сталинграда советские штурмовые отряды выбили немцев из 27 блокпостов и дотов, а также отразили несколько контратак немецкой армии. Германия эвакуирует офицеров высшего командного состава из окружения в Сталинграде воздушным путем. Окруженные дивизии сейчас находятся под командованием полковников, капитаны командуют полками, а лейтенанты – батальонами»⁶. В основе материалов для публикаций газеты «Amrita Bazar Patrika» лежали статьи информационного агентства «Reuters», местные источники, иногда – переводы публикаций советской прессы. Редакция данной газеты, как и редакция издания «Bombay Chronicle», имела про-

советскую позицию, однако выражала она ее более сдержанно. Это обстоятельство объясняется региональным характером издания и необходимостью балансировать между националистической риторикой и колониальной реальностью.

Немецкие власти старались скрывать проблемы, существовавшие внутри их армии и руководства, акцентируя внимание на потерях Советской армии.

В мировых СМИ печатались каждодневные сводки о ходе Сталинградской битвы. Газета «Bombay Chronicle» была единственным ежедневным периодическим изданием Индии, что также подчеркивает значимость данного издания в стране. Так, в статье данной газеты от 16 января 1943 г. говорится: «...на Северном Кавказе, где советские войска вплотную преследуют армию фон Листа, немцы предприняли несколько неудачных попыток контрнаступлений. „В результате боев советские войска продвинулись вперед и заняли несколько населенных пунктов“, – сообщает Советское информационное бюро. В Сталинграде за прошедшие сутки в результате работы по „дезинсекции“ города, как называют это гвардейцы генерала Родимцева, были уничтожены 56 немецких блокпостов и очищена еще одна улица»⁷. Фронтальные сводки с многочисленными ссылками на мировые издания выходили на первых полосах газеты «Bombay Chronicle». Стратегические инициативы советского военного руководства по реализации плана «Малый Сатурн» [15, с. 251] вызвали панику внутри немецкой армии и бегство некоторых ее частей [16, с. 401].

В издании «Bombay Chronicle» 18 января 1943 г. на одной полосе была опубликована статья «22 немецкие дивизии в железных тисках». В материале делается ссылка на английское издание «Reuters»: «...кольцо окружения в Сталинграде сильно сжимается: 80 тыс. солдат, остатки 23 лучших дивизий, изолированы. Сталинград, который Гитлер собирался захватить, в итоге стал плацдармом самой величайшей и самой унижительной катастрофы для армии Третьего рейха, сообщает военный корреспондент „Reuters“». Менее двух месяцев назад этот город был ярким примером мужественного сопротивления русского народа захватчикам. На сегодняшний день 22 дивизии лучших гитлеровских военных сил находятся в железном кольце окружения, замерзая в заснеженных степях, питаясь мясом своих погибших лошадей и умирая от голода, холода, вспышек эпидемий и непрекращающихся атак Красной армии по 1500 человек в день. Осталось только 80 тыс. солдат от некогда боеспособной армии, состоящей из более чем 200 тыс. военных, которой она была 60 дней назад... Около 80 тыс. немецких солдат, остатков 23 лучших

³Stalin's strategy tells // Bombay Chronicle. 1943. 15 Jan.

⁴Ibid.

⁵Red Army's major victory // Bombay Chronicle. 1943. 20 Jan.

⁶Stalin's strategy tells // Ibid. 15 Jan.

⁷Soviet troops enter Rostov Region. Fresh gains on all fronts // Ibid. 16 Jan.

гитлеровских дивизий, находятся в окружении в Сталинграде на площади примерно в 650 км². Кольцо окружения в последнее время сильно сократилось и сейчас составляет 37 км в длину от востока до запада и 18 км в ширину от севера до юга. Западная граница линии окружения проходит через железнодорожную станцию Карповскую и тянется до станции Лихой. Все говорят, что в зоне окружения находятся 14 населенных пунктов. По словам генерала Малиновского, одного из руководителей Сталинградского фронта, «это лагерь военных немецких заключенных»⁸.

Советское руководство выдвинуло ультиматум немецкому командованию, указывая на безысходность его положения. В статье газеты «Bombay Chronicle» от 16 января 1943 г. говорится, что ультиматум немецкому командованию был выдвинут на следующих условиях: «...все окруженные вооруженные силы, включая высший офицерский состав, генерала Паулюса и его заместителя, должны сложить оружие. В свою очередь, советское командование гарантирует сохранение их жизней. Высшему немецкому офицерскому составу было бы разрешено не сдавать свое холодное оружие. Немецким войскам незамедлительно были бы предоставлены медицинская помощь и провизия»⁹.

Срок действия ультиматума истек 9 января 1943 г. в 10 часов дня. Высшее немецкое командование было предупреждено, что если условия ультиматума не будут приняты, то советские войска будут вынуждены подвергнуть немецкие военные силы полному уничтожению. Немцы отклонили ультиматум. По словам специального корреспондента информационного агентства «Reuters», на которое ссылается индийское издание, «...у немцев, попавших в кольцо окружения в Сталинграде, не было ни малейшего шанса вырваться. Окруженные дивизии не сдались потому, что Верховное командование вермахта телеграфировало им о том, что помощь в пути. Они были обмануты и теперь ожидают смерти или от оружия, или от голода»¹⁰.

Масштабная наступательная операция началась 10 января 1943 г. За семь дней Красная армия, продвигаясь по всем направлениям, прошла от 20 до 35 км и заняла многочисленные стратегически важные населенные пункты. С 10 по 16 января были взяты в плен 6896 немцев и захвачены 378 самолетов, 514 танков и 941 пулемет. За эту неделю немцы потеряли более 25 тыс. солдат. Советские войска находились под командованием генерала К. К. Рокоссовского. Материалы и статистические данные

по фронтам без идеологической окраски были представлены в публикациях издания «Statesman», которое занимало промежуточную позицию между лоялизмом и осторожным либерализмом. В данном издании советские победы рассматривались как акт помощи союзников.

О новом наступлении было объявлено в специальном выпуске советского информационного агентства, согласно которому процесс уничтожения окруженных в Сталинграде войск Г. фон Гота близился к завершению. Эти войска, «которые изначально состояли из 22 дивизий и насчитывали более 200 тыс. человек, сейчас сократились в численности до 70–80 тыс. человек. Русские начали полномасштабную атаку окруженных немецких войск, после того как они отказались принимать ультиматум о капитуляции».

Сегодня было объявлено, что Сталин повысил генерала Рокоссовского в звании с генерала-майора до генерала-полковника и назначил его командующим наступательной кампании на Сталинградском фронте»¹¹.

В статье также освещается тяжелое положение рабочих и крестьян на оккупированной территории. Вместе с немецкими военными в кольце окружения находились 8 тыс. гражданских – крестьяне и железнодорожные рабочие со своими семьями. «Разумеется, что если немецкий солдат получает 100 грамм хлеба, по последней информации, то гражданское население не получает и этого, что может привести к истощению и смерти от голода при условии, что у них нет никаких спрятанных запасов еды, как у гражданских лиц на оккупированных немцами территориях, которые позже были освобождены. По словам генерала Малиновского, положение немцев безвыходное. Советские воздушные силы и противовоздушная артиллерия, усиленная на данном фронте, сделают практически невозможной для транспортных самолетов поставку продовольствия в зоне кольца окружения»¹².

Корреспондент отмечает, что «...вопрос о том, будут ли уничтожены 22 окруженные дивизии за очень короткий срок или за более продолжительное время, зависит от решения советского верховного командования. А пока что генерал Жуков держит вокруг кольца окружения военные силы, которых достаточно для того, чтобы пресечь любые уловки со стороны противника и постепенно сжимать линию окружения»¹³.

По линии фронта наблюдались прорывы немецких кордонов. В Сталинграде, где положение окру-

⁸22 divisions held in vice of steel // Bombay Chronicle. 1943. 18 Jan.

⁹Soviet troops enter Rostov Region. Fresh gains on all fronts // Ibid. 16 Jan.

¹⁰Ibid.

¹¹22 divisions held in vice of steel // Bombay Chronicle. 1943. 18 Jan.

¹²Ibid.

¹³Ibid.

женных дивизий под командованием Г. фон Гота неизменно ухудшалось, советские штурмовые отряды систематически прорывали линию обороны немцев. «В промышленной зоне города за последние 12 часов было захвачено еще больше хорошо укрепленных зданий»¹⁴. В данной статье также говорится: «...в районе Сталинграда советские войска продолжили уничтожение окруженных захватчиков. В промышленной зоне они захватили несколько домов. В западной части Сталинграда Красная армия понесла тяжелые потери. На юге Воронежа, несмотря на то что фашистские войска на протяжении нескольких месяцев удерживали свои позиции на правом берегу Дона, советская пехота прорвала оборону, захватила 15 пулеметов, 24 миномета и взяла в плен 380 офицеров и солдат»¹⁵. Началась операция по зачистке Сталинградского фронта от «окруженной армии противника»¹⁶. Стоит отметить, что стиль представления материала в газете эмоционально насыщенный, вокруг советской стойкости строится моральный и политический дискурс. В издании «Times of India», ориентированном на британскую администрацию, которая является официальным органом британского истеблишмента, давалась обтекаемая, дипломатически выверенная информация и исключалась любая политизация советской победы. Эта стратегия информационного нейтралитета была направлена на сохранение статуса-кво и лояльности к Лондону. В публикациях данного издания о Сталинградской битве, которые выходили 1–2 раза в неделю, материал представлялся в несколько сдержанном фактологическом стиле, внимание акцентировалось на тактических деталях. Умеренная частота выхода публикаций по этой теме была характерна и для издания «Statesman».

Большое количество гитлеровских дивизий попали в окружение в тылу Красной армии, которая продвигалась к югу Воронежа. «К ним применили ту самую тактику, что и в Сталинграде, т. е. взяли немцев в двойной охват (кольцо окружения по сталин-

градской модели)»¹⁷. На страницах газеты «Bombay Chronicle» были опубликованы материалы о борьбе войск за железнодорожные пути. Бои на территории Советского Союза приобрели форму отчаянных сражений за железнодорожные узлы: «В настоящее время бои ведутся на северо-западном, западном и юго-западном направлениях от Сталинграда. Если Красная армия с севера Ростова продвинется дальше на запад и захватит важную железнодорожную развязку в Ворошиловграде, то нацистские войска в Ростовской области окажутся в таком же кольце окружения, как и дивизии на Дону преимущественно на юго-западе от Сталинграда»¹⁸. В статье от 23 января 1943 г. говорилось, что «освобождение Сталинграда от немцев – вопрос всего лишь нескольких дней»¹⁹. В этой же статье было опубликовано высказывание немецкого военного пресс-секретаря: «За последние 10 дней бои в Сталинграде достигли своего апогея, превосходя по своей интенсивности самые ожесточенные бои, которые когда-либо велись на Восточном фронте»²⁰. В номере также были представлены выдержки из московской газеты: «В ночь на 21 января наши войска продолжили атаковать противника по тем же направлениям, что и раньше в районе Сталинграда, юга Воронежа, Северного Кавказа, а также в районе северного Дона, низовья Дона и к югу от оз. Ладога»²¹. В дополнение к официальной сводке в материалах газеты говорилось, что советские отряды, воюющие на западе Сталинграда, «выбили немцев из хорошо укрепленного пункта, убив более 400 солдат и уничтожив 7 танков»²².

В статье издания «Bombay Chronicle» от 25 января 1943 г. отмечалось: «На Донском фронте войска под командованием генерала Еременко из Сталинграда продвигаются на запад, чтобы отрезать немцам линию отступления с Кавказа вдоль железной дороги из Баку. Советские войска совершили многочисленные прорывы немецкой линии обороны в Сталинграде. Немецкие войска в Сталинграде находятся во все более сужающемся кольце окружения»²³.

Заключение

На страницах газеты «Bombay Chronicle» можно проследить весь ход Сталинградской битвы, все 200 дней ожесточенных боев. Корреспонденты следили за малейшими изменениями на фронте, пред-

ставляя военно-политический анализ ситуации на фронте на основе материалов СМИ европейских государств и СССР. Изучение и анализ газетных публикаций издания «Bombay Chronicle» способствуют

¹⁴22 divisions held in vice of steel // Bombay Chronicle. 1943. 18 Jan.

¹⁵Ibid.

¹⁶Red Army's major victory // Bombay Chronicle. 1943. 20 Jan.

¹⁷Soviet drive towards Kharkov. Several German division «Stalingraded» in classical pincer movement // Ibid. 21 Jan.

¹⁸Battle of raivol Junctions // Ibid. 22 Jan.

¹⁹Soviet troops nearing Polish border. Pincers moving in on Rostov. Manych canal in Russian hands: nazi's frantic efforts to recapture Velikie Luki // Ibid. 23 Jan.

²⁰Ibid.

²¹Ibid.

²²Ibid.

²³Reds sweeping Germans back across S. Russia // Bombay Chronicle. 1943. 25 Jan.

более глубокому пониманию международной политической обстановки и общественного мнения. Исследования данного формата материалов позволяют лучше понять, как события войны отражались в отдельно взятом государстве и в исторической памяти народа, как создавались представления о глобальном контексте войны.

В целом для всей зарубежной прессы было характерно пристальное внимание к событиям, происходящим на Сталинградском фронте, так как это сражение изменило ход мировой истории, показало стойкость СССР и сокрушимость Германии. Пристальный интерес к данной битве был обусловлен

также сложной геополитической ситуацией внутри блока союзников. В период Второй мировой войны газета «Bombay Chronicle» являлась наиболее антифашистским и национально ориентированным изданием индийской англоязычной прессы. Специфика освещения Сталинградской битвы в данной газете отличается выраженной этической окраской, уважением к СССР как к борцу с фашизмом. Редакция издания пыталась интегрировать внешнюю борьбу в локальный политический контекст Индии, что контрастирует с официально-нейтральной или стратегически выверенной подачей материала в других индийских газетах, прежде всего «Times of India» и «Statesman».

Библиографические ссылки

1. Горбенко ВИ. Сталинградская битва на страницах газеты «Красная звезда» (к 80-летию начала Сталинградской битвы). В: Бугашев СИ, Ватолина СВ, Минин АС, редакторы. *Переломные моменты истории: люди, события, исследования. К 350-летию со дня рождения Петра Великого. Материалы Международной научной конференции; 1 апреля 2022 г.; Санкт-Петербург, Россия. Том 1.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; 2022. с. 103–110. EDN: QGBVQA.
2. Буранок С. «Русские готовы защищать Сталинград с таким же упорством, как и Москву...» [Интернет]. *Родина*. 2013 [процитировано 9 февраля 2025 г.]; 1. URL: https://rodina-history.ru/2025/03/12/russkie-gotovy-zashchishchat-stalingrad-s-takim-zhe-uporstvom-kak-i-moskvu.html?utm_source=chatgpt.com&utm_referrer=https%3A%2F%2Fchatgpt.com%2F%20%201.
3. Озтюрк М, Кокорина ЮГ, Вагабов ММ. Сталинградская битва в зеркале региональной британской прессы (на материале газеты «Western Post», 1942–1943). *Научный диалог*. 2024;13(1):448–465. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-448-465.
4. Кайгусуз Д, Кокорина ЮГ, Вагабов ММ. «Я разделяю восхищение моего народа славными подвигами советских вооруженных сил»: газета «Британский союзник» о Сталинградской битве. *Научный диалог*. 2023;12(7):330–345. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-330-345.
5. Мелконян КФ, Мхоян АХ, Сухарева ИВ, Вагабов ММ, Алексанян ОС. Антисоветская пропаганда в Турции и дипломатия СССР в 1943 г. *Вопросы истории*. 2023;10(часть 1):98–107. EDN: DONIMH.
6. Озтюрк М, Вагабов ММ, Газиева АА. Сталинградская битва: отражение событий и оценка в турецкой прессе периода Второй мировой войны. *Научный диалог*. 2024;13(5):456–474. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-456-474.
7. Пейчич А, Бурдина ГМ, Сухарева ИВ, Вагабов ММ. Битва за Сталинград на страницах газеты «Новое время». *Вопросы истории*. 2023;10(часть 1):90–97. EDN: KZFMXL.
8. Вагабов ММ, редактор. *Сталинградская битва: правда и вымыслы (по материалам мировой печати). Материалы 5-й Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Сталинградской битвы; 23 октября 2023 г.; Москва, Россия.* Москва: Московский политехнический университет; 2023. 215 с. EDN: WFKITX.
9. Sethi D. «Alarmist stories and defeatist views»: censorship and morale in India during the Second World War. *War in History*. 2019;26(2):250–264.
10. Sethi D. *War over words: censorship in India, 1930–1960*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. 325 p.
11. Ahmad S. Government-press relations in India during World War II. *Pakistan Horizon*. 1977;30(2):35–43.
12. Geva R. Torn between the nation and the world: D. F. Karaka and Indian journalism in the Second World War. *Modern Asian Studies*. 2023;57(5):1459–1494.
13. Dadawala V. War, famine, and newsprint: the making of Soviet India, 1942–1945. In: Bystrom K, Popescu M, Zien K, editors. *The cultural Cold War and the Global South: sites of contest and communitas*. New York: Routledge; 2021. p. 201–220. DOI: 10.4324/9781003133438-11-15.
14. Зайцев Л, Рунов В. *Горячий снег Сталинграда*. Москва: Эксмо; 2013. 68 с. (Сталинград. К 70-летию переломного сражения Второй мировой).
15. Василевский АМ. *Дело всей жизни*. Москва: Политиздат; 1978. 552 с.
16. Манштейн Э. *Утерянные победы*. Москва: АСТ; 2002. 896 с.

Получена 13.08.2025 / исправлена 02.12.2025 / принята 30.12.2025.
Received 13.08.2025 / revised 02.12.2025 / accepted 30.12.2025.

УДК 93/94

«ДОСУГ ДОЛЖЕН БЫТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ!»: ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ЖУРНАЛОВ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ЖУРНАЛА «НАУКА И ЖИЗНЬ»

А. А. ЧЕРНЫШЕВ^{1), 2)}, Е. К. КАРПОВ¹⁾, Е. А. МЕНЬШ¹⁾

¹⁾Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, 625003, г. Тюмень, Россия

²⁾Тюменский индустриальный университет, ул. Володарского, 38, 625000, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Анализируется интеллектуальный досуг читателей научно-популярных изданий в позднесоветский период. Изучаются предпочтения читательской аудитории научно-популярных изданий советского периода на материале журнала «Наука и жизнь». Выявляется, что в позднесоветский период аудитория научно-популярных журналов, в частности журнала «Наука и жизнь», проявляла повышенный интерес к современным достижениям советского научно-технического комплекса. Подчеркивается, что научно-популярные журналы выступали в качестве эффективного канала передачи научной информации и способствовали поддержанию высокого уровня научной грамотности среди населения.

Ключевые слова: советская периодика; научно-популярное издание; журнал «Наука и жизнь»; метод больших данных; бытовой энциклопедизм; СССР; массовое сознание.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-00754).

«ВОЛЬНЫ ЧАС ПАВІНЕН БЫЦЬ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНЫМ!»: ВЫВУЧЭННЕ ПЕРАВАГ ЧЫТАЧОЎ НАВУКОВА-ПАПУЛЯРНЫХ ЧАСОПІСАЎ У ПОЗНАСАВЕЦКІ ПЕРЫЯД НА АСНОВЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ЧАСОПІСА «НАВУКА І ЖЫЦЦЁ»

А. А. ЧАРНЫШОЎ^{1*, 2*}, Я. К. КАРПАЎ^{1*}, А. А. МЕНШ^{1*}

^{1*}Цюменскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Валадарскага, 6, 625003, г. Цюмень, Расія

^{2*}Цюменскі індустрыяльны ўніверсітэт, вул. Валадарскага, 38, 625000, г. Цюмень, Расія

Анатацыя. Аналізуецца інтэлектуальны вольны час чытачоў навукова-папулярных выданняў у познасавецкі перыяд. Вывучаюцца перавагі чытацкай аўдыторыі навукова-папулярных выданняў савецкага перыяду на матэрыяле часопіса «Навука і жыццё». Выяўляецца, што ў познасавецкі перыяд аўдыторыя навукова-папулярных часопісаў, у прыватнасці часопіса «Навука і жыццё», праяўляла павышаную цікавасць да сучасных дасягненняў савецкага навукова-тэхнічнага комплексу. Падкрэсліваецца, што навукова-папулярныя часопісы выступалі ў якасці эфектыўнага канала перадачы навуковай інфармацыі і спрыялі падтрыманню высокага ўзроўню навуковай пісьменнасці сярод насельніцтва.

Ключавыя словы: савецкая перыёдыка; навукова-папулярнае выданне; часопіс «Навука і жыццё»; метады вялікіх даных; бытавы эцыклапедызм; СССР; масавая свядомасць.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Расійскага навуковага фонду (грант № 23-28-00754).

Образец цитирования:

Чернышев АА, Карпов ЕК, Меньш ЕА. «Досуг должен быть интеллектуальным!»: изучение предпочтений читателей научно-популярных журналов в позднесоветский период на основе материалов журнала «Наука и жизнь». Журнал Белорусского государственного университета. История. 2026;1:63–73. EDN: WTBRMO

For citation:

Chernyshev AA, Karpov EK, Mensh EA. «Leisure should be intellectual!»: studying the preferences of popular science journals readers in the late Soviet period based on the journal «Nauka i zhizn'» materials. Journal of the Belarusian State University. History. 2026;1:63–73. Russian. EDN: WTBRMO

Сведения об авторах см. на с. 73.

Information about the authors see p. 73.

«LEISURE SHOULD BE INTELLECTUAL!»: STUDYING THE PREFERENCES OF POPULAR SCIENCE JOURNALS READERS IN THE LATE SOVIET PERIOD BASED ON THE JOURNAL «NAUKA I ZHIZN'» MATERIALS

A. A. CHERNYSHEV^{a, b}, E. K. KARPOV^a, E. A. MENSH^a

^aTyumen State University, 6 Volodarskogo Street, Tyumen 625003, Russia

^bTyumen Industrial University, 38 Volodarskogo Street, Tyumen 625000, Russia

Corresponding author: A. A. Chernyshev (a.a.chernyshev@utmn.ru)

Abstract. This article analyses the intellectual leisure activities of readers of popular science publications in the late Soviet period. The readership preferences of popular science publications of the Soviet period are examined using materials from the journal «Nauka i zhizn'». It is revealed that in the late Soviet period, the audience of popular science journals, in particular journal «Nauka i zhizn'», showed an increased interest in the contemporary achievements of the Soviet scientific and technological complex. It is emphasised that popular science journals acted as an effective channel for the transmission of scientific information and contributed to maintaining a high level of scientific literacy among the population.

Keywords: Soviet periodicals; popular science publication; journal «Nauka i zhizn'»; big data method; household encyclopedism; USSR; mass consciousness.

Acknowledgements. The study was carried out with financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 23-28-00754).

Введение

В XXI в. наблюдается трансформация феномена чтения, обусловленная широким внедрением цифровых технологий. Эта трансформация привела к повышению доступности текстовой информации и изменению структуры читательской аудитории. Внедрение цифровых технологий ведет к сокращению числа печатных изданий и изменению читательских предпочтений в пользу цифровых форматов чтения. Традиционная модель чтения, доминировавшая в СССР, постепенно утрачивает свою актуальность.

В настоящее время отмечается повышение исследовательского интереса к позднесоветскому периоду, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, по мере отдаления от изучаемого времени становится более очевидной реальная картина той эпохи. Во-вторых, процессы оцифровки архивных документов существенно расширяют источниковую базу для исторических исследований. В-третьих, эволюция методологических подходов в исторической науке способствует глубокому комплексному анализу различных аспектов существования СССР. Тем не менее остаются недостаточно исследованными некоторые аспекты социальной жизни советских граждан. В частности, слабо изучено влияние читательской культуры на их повседневную жизнь. Анализ данного вопроса открывает новые исследовательские перспективы, позволяя более детально изучить исторические процессы и глубже понять культурный ландшафт позднесоветского периода.

В отечественной историографии одним из ключевых источников для исследования читательской культуры советских граждан выступает коллективная работа ученых сектора социологии чтения и би-

блиотечного дела Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Авторы поднимают такие ключевые вопросы, как состояние книгочитания, динамика читательских запросов и взаимодействия читателей с литературой, а также особенности отечественной литературы и читательские интересы [1].

Другие исследователи акцентируют внимание на институциональной роли читательских клубов и библиотек в формировании культурных практик в СССР [2]. Значительный вклад в изучение социальной природы чтения внес О. С. Чубарьян. В своей работе ученый подробно рассмотрел различные аспекты данного феномена, отмечая при этом роль библиотек как ключевого инструмента для пропаганды чтения и центра коммуникации, обмена идеями [3].

Современные авторы подчеркивают взаимосвязь политических и социальных изменений с эволюцией книжной культуры в СССР. Обращается внимание на то, что возникновение новых жанров и текстов в 1960–70-х гг. отражает не только потребность общества в свободе слова и разнообразии мнений [4], но и влияние политической цензуры на развитие отдельных жанров литературы, таких как научно-популярный жанр [5].

В 2013 г. был опубликован сборник «Время, вперед! Культурная политика в СССР», посвященный изучению советской читательской культуры. Авторы стремились оценить социальную жизнеспособность культурных и образовательных институтов, созданных в советском обществе [6]. В 2014 г. вышла монография А. Г. Ваганова, в рамках которой рассматривается популяризация науки в России. Ученый, основываясь на обширном архивном и ста-

тистическом материале, восстанавливает социальные механизмы формирования научно-популярного жанра в стране [7].

По оценкам зарубежных исследователей, советские читатели в 1970–80-х гг. характеризовались более высоким уровнем образования (например, по сравнению с читателями из Великобритании), были более требовательными и менее зависимыми от рекомендаций библиотекарей. Кроме того, отмечается, что более трети зарегистрированных в публичных библиотеках читателей проявляли интерес к книгам, посвященным социальным и естественно-научным дисциплинам и технологиям. Вместе с тем, как отмечает Дж. Брин, в Великобритании, в отличие от СССР, научно-популярные журналы не пользовались широким спросом у читателя. Так, лишь 1 % женщин и 2 % мужчин читали, например, издание «New Scientist». Также автор указывает на отсутствие в Великобритании аналогичных доступных

изданий по медицине, науке и технологиям, ориентированных на среднестатистического читателя. В целом по количеству читаемых книг, газет и журналов на душу населения СССР занимал одну из лидирующих в мире позиций [8–10].

Основная цель настоящего исследования заключается в изучении читательских предпочтений в сфере научно-популярной периодики на примере журнала «Наука и жизнь». Выбор журнала «Наука и жизнь» в качестве объекта исследования обусловлен тем, что он являлся наиболее массовым изданием данного типа в рассматриваемый период. Этот факт подтверждается значительным ростом его тиража: если в конце 1950-х гг. он составлял не более 200 тыс. экземпляров, то к концу 1960-х гг. тираж издания достиг 3 млн экземпляров. Хронологические рамки исследования включают 1965–1985 гг., тот период, который в историографии принято называть позднесоветским периодом [11–13].

Материалы и методы исследования

С развитием технологий все больше исследователей применяют цифровые инструменты и методы. Особенно популярным становится использование метода больших данных, или метода *big data* [14; 15].

Эмпирическую базу для настоящего исследования составили заголовки статей из журнала «Наука и жизнь». Основной метрикой анализа послужила частота встречаемости определенных слов (лексических единиц) в указанных заголовках. Исследование базировалось на методе частотного анализа текстовых данных, реализованного в автоматическом режиме. Процесс обработки данных включал несколько последовательных этапов, начиная с обработки изображений отсканированных страниц журнала и заканчивая анализом сформированного тестового корпуса.

На первом этапе осуществлялось формирование корпуса данных путем оптического распознавания заголовков статей. В качестве исходного материала были использованы двенадцатые номера журнала «Наука и жизнь» за период с 1960 по 1985 г. Распознанный текст каждого выпуска был сохранен как отдельная единица данных для последующей обработки.

Второй этап включал в себя процедуру предобработки и собственно частотный анализ текста. Процедура предобработки включала следующие шаги:

- 1) перевод всех символов в нижний регистр;
- 2) удаление из текста знаков пунктуации;
- 3) удаление специальных символов, таких как перенос строки, знаки табуляции и т. д.;
- 4) разбиение всего текста на отдельные учетные единицы – токены;
- 5) лемматизацию – приведение всех слов к их словарной форме.

После этого была произведена проверка всего преобразованного массива данных на наличие в нем незначимых слов. Мы использовали стандартный корпус стоп-слов русского языка из библиотеки Natural Language Toolkit для обработки естественного языка, который включает в себя 153 слова. Данный список был дополнен словами, относящимися к обозначениям ученых степеней и научных направлений (например, слова «канд.», «проф.», «наук», «хим.», «мед.»), которые были идентифицированы как нерелевантные для анализа частоты встречаемости предметной лексики в заголовках.

На третьем этапе сформированный корпус данных был распределен по периодам (1960–1969 гг., 1970–1979 гг. и 1980–1985 гг.). После удаления всех стоп-слов была рассчитана частота встречаемости лемм. Результатом стало получение данных о частоте употребления слов в заголовках журнала в каждый из периодов.

Для визуализации результатов был применен сервис *WordCloud*, позволяющий построить облако слов, где размер каждого слова зависит от частоты его употребления в тексте. В результате обработки фрейм заголовка состоял из 780 слов (общее количество уникальных слов после предобработки). Благодаря сервису *WordCloud* мы смогли создать облака слов, которые дают информацию о частоте упоминания слов в заголовках (рис. 1–3). Облака слов, представленные на изображениях, демонстрируют богатство и сложность тем, характерных для советского социокультурного контекста. В публикациях журнала акцентируется значимость достижений в ключевых сферах научно-технического прогресса, включая космонавтику, агропромышленный комплекс, а также экономику и культурно-просветительскую деятельность.

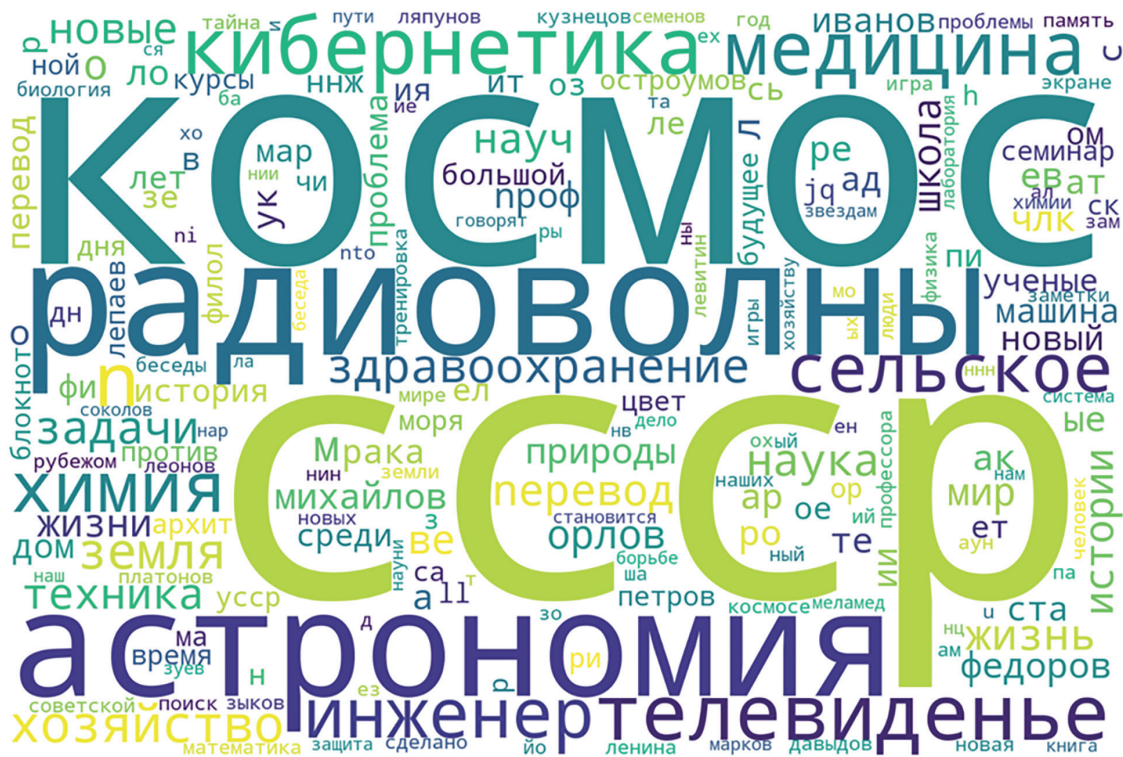

Рис. 1. Облако слов, упоминаемых в заголовках статей
журнала «Наука и жизнь» (1960–1969)

Fig. 1. Word cloud of articles in the journal «Nauka i zhizn'» (1960–1969)

Рис. 2. Облако слов, упоминаемых в заголовках статей
журнала «Наука и жизнь» (1970–1979)

Fig. 2. Word cloud of articles in the journal «Nauka i zhizn'» (1970–1979)

Рис. 3. Облако слов, упоминаемых в заголовках статей
журнала «Наука и жизнь» (1980–1985)

Fig. 3. Word cloud of articles in the journal «Nauka i zhizn'» (1980–1985)

В ходе исследования был применен метод полуструктурированного интервью. Интервью состояло из двух блоков вопросов. Первый блок вопросов был направлен на фиксацию социально-демографических характеристик участников. Второй блок вопросов охватывал такие исследовательские аспекты, как общие сведения о практике чтения печатных изданий, каналах получения информации о сферах науки, культуры и мировых событиях, а также специфику взаимодействия с журналом «Наука и жизнь», включая частоту его чтения и предпочитаемые рубрики.

В рамках интервью оценивались два ключевых параметра контента журнала:

1) надежность (степень доверия к представленной информации, ее соответствие научно обоснованным фактам и достоверность использованных источников);

2) актуальность (соответствие тематики текущим запросам аудитории, значимость освещаемых проблем для повседневной жизни респондентов).

Дополнительно были заданы вопросы, направленные на выявление предпочтений читателей журнала «Наука и жизнь», включая их мотивационные установки, предпочтения относительно тематического наполнения и др.

Выборочная совокупность составила 30 респондентов в возрасте от 45 до 80 лет. Характерной особенностью выборки является высокий уровень образования (среднетехническое или высшее образование). При обработке собранных данных применялись принципы системного подхода и исторического анализа, что является критично важным при исследовании подобных тем.

Результаты и их обсуждение

Во второй половине XX в. в СССР читательская культура приобрела статус ключевого элемента социокультурного ландшафта, что соответствовало официальному нарративу о советском обществе как «самом читающем народе в мире»¹. Это утверждение подкреплялось не только идеологической риторикой, но и впечатляющими масштабами предназначенной для распространения печатной продукции инфраструктуры, которая обеспечи-

вала доступность чтения и способствовала выполнению его функций. Так, согласно публикации из газеты «Вечерняя Москва» от 8 августа 1966 г. в стране насчитывались 12 490 книжных магазинов и 30 776 киосков. Отмечалось, что за последнее пятилетие книготорговая сеть должна быть увеличена еще на 30 %, а за предшествующие годы в СССР появились 911 специализированных книжных магазинов, 48 из которых находились в Москве.

¹XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта – 9 апреля 1971 г. : стеногр. отчет. М. : [б. и.], 1971. Т. 1. С. 115.

Важную роль в распространении книг играла полумиллионная армия общественных распространителей печати, благодаря которым только в 1965 г. были реализованы более 20 млн экземпляров книг².

В данный период чтение выполняло много функций, выступая не только способом получения информации, но и инструментом для саморазвития и самообразования граждан. К началу 1980-х гг. в СССР выпускались более 13 тыс. периодических изданий³. Американский советолог П. Холландер отмечает: «Чтение занимает большое место в проведении советскими гражданами досуга, и оно, бесспорно, является одним из самых любимых занятий... Складывается впечатление, что советские люди читают во время прогулки, переходя улицу или на эскалаторе» [16, с. 200]. Хотя П. Холландер не приводит конкретных статистических данных, его выводы перекликаются с общим восприятием роли чтения в советском обществе [1].

Большинство участников интервью подтвердили, что чтение было неотъемлемой частью их культурной жизни: «В те времена мы читали в основном то, что можно было купить в магазине или найти в библиотеке. Мои родители, к примеру, выписывали местные газеты. Я же, начиная с начальной школы, была записана в библиотеку. Сначала это была детская библиотека, а затем я перешла во взрослую»⁴ (женщина, 63 года); «Наша семья покупала все, что можно было найти в киосках: газеты, журналы, книги. Из популярных в то время журналов можно выделить [издания] “Наука и жизнь”, “Крестьянка”, “Сельская жизнь” и “Очевидное – невероятное”. С удовольствием читали их, сидя на скамейках в парках и скверах» (мужчина, 77 лет).

Одним из ключевых факторов, определяющих предпочтения читателей, была тематика. Особой популярностью пользовались публикации, посвященные научным исследованиям из различных областей – от астрономии и физики до биологии и медицины. Именно в связи с этим материалы о здоровье, питании и экологии нередко становились «хитами» тиража.

Интервьюируемые называли многие периодические издания, которые они регулярно старались читать не только сами, но и в кругу семьи: «Тогда вокруг читательства существовал настоящий культ. Я подписывалась на почти все, это было модным» (женщина, 75 лет); «Мама читала журналы “Работница” и “Крестьянка”. Мне выписывали “Пионерскую правду”, а брату – “Хочу все знать”. Папа был подписчиком журналов “Вокруг света” и “Наука и жизнь”» (женщи-

на, 59 лет). Таким образом, среди множества периодических изданий (от детских журналов до изданий для взрослых, посвященных науке, быту или путешествиям) каждый член семьи находил что-то для себя.

Многие люди стремились оформить подписку на журналы и газеты с доставкой на дом, чтобы иметь возможность читать их в кругу семьи. В некоторых случаях подписка на популярные издания была связана с существовавшей в СССР модой на чтение: «Это было частью нашей семейной традиции» (мужчина, 55 лет); «В нашей семье родители всегда старались “приобрести” новую подписку. Это было модно!» (женщина, 57 лет).

Наука в СССР играла ключевую роль. Государство активно поддерживало и популяризировало научные знания посредством таких журналов, как «Знание – сила», «Химия и жизнь», «Техника – молодежи», «Радио», «Наука и жизнь». Эти издания не только содержали ценную информацию о научных открытиях и технологических новинках, но и делали научные знания более доступными для широкого круга читателей.

Наиболее ярким примером популяризации науки выступало ежемесячное издание «Наука и жизнь». Журнал был основан в 1890 г. М. Н. Глубоковским (1857–1903), целью издания была популяризация научных знаний. В 1961 г. главным редактором журнала «Наука и жизнь» был назначен В. Н. Болховитинов⁵. Под его руководством издание не только сохранило свою популярность, но и значительно расширило читательскую аудиторию. С журналом сотрудничали такие известные журналисты и ученые, как Д. С. Данин, В. Л. Гинзбург, В. М. Глушков, Б. Г. Дашков, А. Н. Колмогоров, Н. Н. Воронин, П. И. Мариковский, а также писатель В. В. Бианки.

Цели и задачи, которые ставила новая команда издания (Г. Н. Остроумов, В. И. Орлов, О. Н. Писаржевский), хорошо описала заместитель главного редактора журнала «Наука и жизнь» Р. Н. Аджубей: «Это было абсолютно новаторское издание. Что же привлекало? Журнал был обращен к людям, к семье, к человеку. Это был идеологический прорыв. На страницах – статьи самых известных ученых, самые смелые научные идеи! Но самое главное – просвещение, этому было подчинено все остальное. Приобщить к науке, заинтересовать, научить мыслить, воспитывать духовного человека» [17, с. 11].

Формат подачи информации играл немаловажную роль. Читатели предпочитали доступный и понятный стиль изложения. Авторы часто использо-

²Вечерняя Москва. 1966. 8 авг. (№ 184). С. 1.

³Печать СССР в 1980 году : стат. сб. / Всесоюз. кн. палата. М. : Финансы и статистика, 1981. С. 85.

⁴Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

⁵Виктор Николаевич Болховитинов – советский журналист, публицист, с 1961 по 1980 г. – главный редактор журнала «Наука и жизнь». В 1956 г. он основал журнал «Юный техник», а в 1961 г. постановлением ЦК КПСС В. Н. Болховитинов был назначен главным редактором журнала «Наука и жизнь», которым руководил до своей смерти. В ходе его руководства была полностью изменена редакционная политика издания, а сам журнал обрел широкую популярность. Именно под управлением В. Н. Болховитинова тираж журнала «Наука и жизнь» достиг 3 млн экземпляров.

вали иллюстрации и схемы, что помогало объяснять сложные научные идеи и теории. Эстетика журнала, его оформление и яркие обложки привлекали внимание. Вырос и объем издания (с 50 до 160 страниц). Также была проведена работа по расширению структуры журнала.

Для сравнения можно рассмотреть количество разделов, которые были представлены в декабрьских выпусках журнала «Наука и жизнь» за 1959 и 1969 гг. Например, в 1959 г. журнал состоял из 10 разделов. В 1969 г. издание увеличило количество своих разделов (до 33 разделов): «Документы истории», «Ратные подвиги народа», «Наука и общество», «Наука на марше», «Бюро иностранной научной информации», «Техника и промышленность», «Медицинская наука и техника», «Ваше здоровье и питание», «Литературоведение», «История и археология», «Научная фантастика», «Школа № 1 – семья», «Физкультуру – массам», «Кунсткамера», «Психологический практикум» и др. В целях популяризации знаний редакция журнала старалась обеспечивать интересы всех возрастных групп. В связи с этим в качестве основного контента выступали как научно-популярные тексты, привлекающие любознательных читателей независимо от возраста, так и материалы, посвященные быту и повседневной жизни, в рамках которых предлагались практические советы и увлекательные истории для широкого круга читателей.

Большинство опрошенных (70 %) сообщили, что старались выписывать журнал, 17 % опрошенных брали издание в библиотеке, а 13 % опрошенных приобретали журнал в киосках или обращались за ним к знакомым. Респонденты отметили: «Для меня журнал “Наука и жизнь” – это самое любимое периодическое издание. Я считаю его лучшим на данный момент. Каждый новый выпуск этого журнала удивляет меня своей новизной, разнообразием и увлекательностью тем» (мужчина, 50 лет); «Журнал “Наука и жизнь” стал частью нашей семьи с февраля 1969 г. По инициативе моего мужа все выпуски журнала за все эти годы мы аккуратно сшивали и сохраняли. В нем всегда можно было найти интересные статьи» (женщина, 78 лет); «Я выросла на вашем журнале: еще дедушка с бабушкой начали выписывать “Науку и жизнь”, продолжили мои родители. Порывшись немного в чулане, я нашла кипу журналов. Люблю вязать, мастерить поделки в технике квиллинг (с этой техникой впервые познакомилась в вашем журнале)» (женщина, 47 лет); «Просматривая журнал, я смогла проследить, как мое любимое издание изменилось – от черно-белой печати с цветным вкладышем в середине до глянцевой обложки с яркими фотографиями и схемами» (женщина, 76 лет).

В 1960–70-х гг. в СССР наблюдался стремительный рост числа научных исследований, что стало возможным благодаря государственной поддержке

и возросшему интересу населения к научным достижениям. Этот интерес был вызван концепцией, принятой на XXII съезде КПСС, который прошел с 17 по 31 октября 1961 г.⁶ В своем докладе Н. С. Хрущёв представил амбициозные планы по развитию советской науки и техники. К числу первоочередных задач было отнесено создание исследовательских лабораторий и повышение уровня образования среди советских граждан. Реализация данных задач создала условия для многочисленных научных открытий в таких областях, как физика, химия, биология и медицина. Эти достижения способствовали созданию новых материалов и внедрению инновационных технологий, значительно обогативших научный фонд страны и обеспечивших международное признание советской науки.

Исследование читательских предпочтений показало высокий интерес к различным тематическим разделам журнала. Наиболее востребованными оказались разделы, связанные с научными открытиями и инновациями. В частности, изучение космоса, в том числе новых планет и галактик, привлекало значительное внимание аудитории: «Для меня этот журнал всегда был ценен возможностью знать новинки из любой области науки и жизни. Основное содержание, которое меня интересовало, – это элементарные частицы, космос и строение нашей планеты» (мужчина, 68 лет); «У меня много увлечений, именно поэтому я всегда выбирал для чтения “Науку и жизнь”: в журнале множество статей на самые различные темы. Увлекаюсь астрономией, физикой, особенно интересны статьи о космосе» (мужчина, 67 лет); «Ваши статьи всегда дают пищу для размышления. Ценю рубрики, где ученые доступно объясняют сложные концепции. Отдельное спасибо за очерки, посвященные космическим исследованиям» (мужчина, 59 лет). Так, в журнале публиковались материалы о полете автоматической межпланетной станции к планете Венера [18], освещался запуск Советским Союзом первых в мире искусственных спутников Земли [19].

В номерах за 1967 г. были опубликованы серии статей и очерков, которые имели яркие заголовки: «Космические исследования», «Космическое предместье Земли», «На пути к космической эре» и др. [20–25]. Эти названия свидетельствуют о высоком уровне интереса к актуальным научным достижениям и их влиянии на повседневную жизнь советских граждан.

Часть респондентов продемонстрировали интерес к тематическому разделу «История науки». Публикации, посвященные биографиям и открытиям выдающихся ученых прошлых эпох, вызывают существенный отклик, поскольку способствуют более глубокому осмыслению исторического контекста и процесса преемственности в современной науке. Читатели журнала рассказывали: «Уже много лет

⁶Материалы XXII съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1961. С. 85.

выписываю журнал. Мне интересно читать большинство статей, но особенно нравятся рубрики “Страны и народы”, “Ума палата”, “Мир увлечений” и “Шахматы”. В будущем хотелось бы почитать о староверах на Урале, о сплаве барок с металлом по р. Чусовой» (мужчина, 69 лет); «В молодости было популярным читать о первооткрывателях, о том, как они мыслили, какие эксперименты проводили. Особенно популярной была генетика. Журнал старался публиковать свежие достижения в различных областях науки» (мужчина, 62 года); «Для меня, как историка, это бесценный материал. Статьи о становлении научных школ, о жизни и деятельности выдающихся ученых, о влиянии научных открытий на общественное развитие – это то, что отличало журнал от многих других» (женщина, 72 года).

Стоит отметить, что многие читатели упомянули о своих предпочтениях в области популяризации науки для детей и подростков, что свидетельствует о стремлении родителей прививать детям интерес к науке с раннего возраста. Так, респонденты отмечали: «В мое время в журнале было много публикаций по астрономии для детей и подростков. Помню, как с родителями изучали там мир и Галактику» (женщина, 54 года); «В период моей юности, в семидесятые годы прошлого века, благодаря отцу я открыл для себя этот журнал. Это было настоящим событием – получить новый номер журнала и обнаружить в нем хотя бы одну страницу с приключениями любимых героев комиксов – Пифа и Геркулеса, Пласида и Мюзю, детектива Людовика. Эти номера я бережно хранил на отдельной полке. Думаю, дело не только в том, что в то время было сложно достать подобную печатную продукцию. Главное – комиксы были опубликованы в моем любимом журнале» (мужчина, 76 лет).

Целевая аудитория журнала «Наука и жизнь» характеризовалась значительной неоднородностью, объединяя как квалифицированных специалистов и энтузиастов в области науки, так и лиц, находившихся на начальном этапе освоения научных знаний. Данная особенность обусловила необходимость в поддержании баланса между доступностью изложения и глубиной научного содержания. В целях стимулирования читательской активности в отдельных номерах издания публиковались материалы, посвященные бытовым вопросам. Результаты опроса подтверждают эффективность данной стратегии: «Более 30 лет являюсь подписчиком журнала. Мне интересны все публикации, которые выходили и выходят. Больше всего я жду материалы на биологические темы. Стал увлекаться дачными посадками, поэтому с удовольствием читаю рубрику “Сад и огород”» (мужчина, 63 года); «С тех пор как я переехал в Тюмень и обзавелся собственным жильем, я начал читать книги и журналы. В частности, я всегда выписывал журнал “Наука и жизнь”. Его можно было читать на протяжении десятилетий, и у меня сохра-

нились практически все номера за 1972 г.» (мужчина, 73 года); «Для меня журнал всегда был смесью всего самого интересного. Я очень любила раздел “Маленькие хитрости”. Встречающиеся советы просто спасали в быту» (женщина, 69 лет).

В мае 1961 г. в Москве в зале Московского политехнического музея открылась XVII Всесоюзная выставка творчества радиолюбителей-конструкторов ДОСААФ. Девиз выставки звучал следующим образом: «Радиолюбители – народному хозяйству». Уникальной особенностью данной выставки была ее двухэтапная структура. На первом этапе в течение 1960 г. было проведено около 140 районных, городских, областных и республиканских выставок, на которых были представлены более 15 тыс. экспонатов. После тщательного отбора и оценки жюри лучшие экспонаты были отправлены в Москву. На втором этапе выставки были продемонстрированы более 530 экспонатов, представлявших достижения лучших коллективов и отдельных радиолюбителей. Это мероприятие подвело итоги работы радиолюбителей за 25 лет (со времени первого всесоюзного смотра творчества радиолюбителей (1937) [26] по 1961 г.), оно являлось своеобразным отчетом радиолюбителей перед XXII съездом КПСС.

Редакция журнала также была вдохновлена достижениями советских ученых в области электроники и радиотехники. В результате их деятельности были разработаны новые устройства и технологии, способствовавшие улучшению связи между людьми, а также развитию информационных систем. В статье «Радиолюбители – народному хозяйству» Н. И. Гришин писал: «...рабочий день окончен. Человек уходит на отдых. Один склоняется над марками, другой мастерит всевозможные модели, а третий вырезает из человеческого волоса паровоз. Это есть многотысячная группа людей самых различных профессий и возрастов, чье любительство давно перешло грань просто увлеченности, поднялось до уровня профессионального мастерства и стало силой, играющей немаловажную роль в техническом прогрессе страны. Имя их – радиолюбители» [27, с. 81].

Благодаря появлению специального раздела «Готовьтесь к конкурсным экзаменам» читатели журнала имели возможность глубже погрузиться в изучение математики, физики, химии, механики и узнать, как правильно решать задачи по математике, какие химические свойства имеет азотная кислота и какова ее роль в реакции с металлами [28–31]. Так, один из респондентов отмечает: «Я читаю журналы уже более полувека. В прошлом я занимался проектированием станков и автоматических линий. Сейчас я на пенсии. Мои интересы разнообразны: философия, психология, математика, физика, космонавтика, история, география. Также меня привлекает раздел “Шахматы”. В свое время я достиг второго разряда в решении этюдов в журнале “Наука и жизнь”» (мужчина, 78 лет).

В 1960–70-х гг. в стране были проведены социологические исследования, целью которых было изучение предпочтений советских читателей [1; 2; 32]. Эти исследования опирались на обширный объем фактических данных, что позволило составить портрет советской читающей публики. Н. В. Мытько отмечает, что эти исследования помогли понять читательскую аудиторию СССР и выявить значимость печатных изданий в формировании личности [33].

Редакция журнала провела опрос среди своих читателей с помощью анкеты, которая содержала четыре вопроса – о возрасте, уровне образования, профессиональной деятельности и научных интересах. В результате было получено более 2 тыс. заполненных анкет, что позволило определить предпочтения читателей [34].

В итоге было выявлено, что наибольшую долю респондентов составили читатели в возрасте от 25 до 29 лет (24,0 %), за ними следуют читатели в возрасте от 20 до 24 лет (19,0 %) и читатели в возрасте от 30 до 34 лет (12,5 %). Наименьшую долю респондентов составили читатели в возрасте от 13 до 15 лет (2,2 %). Важно отметить, что сильной стороной журнала была работа по привлечению интеллектуально активной молодой аудитории.

Ответы на вопрос об уровне образования распределились следующим образом: высшее и неоконченное высшее образование имеют 50,2 % респондентов, среднее или неполное среднее образование – 9,2 % респондентов. Треть опрошенных занимаются научной или инженерной деятельностью. Свыше 18,0 % читателей являются рабочими различных профессий (слесари, токари, машинисты тепловозов, электрики и т. д.), а 10,2 % – студентами и учащимися техникумов.

Анализ ответов на четвертый вопрос показал широкий спектр научных интересов читателей, охватывающий различные тематические области. Так, 42,5 % респондентов определили технические науки как приоритетную область для изучения, а 38,1 % читателей проявили интерес к общественным наукам. Ответы респондентов показали популярность научных областей, способствующих расширению познавательных горизонтов: космоса (25,3 %), физики и химии (21,8 %), радиоэлектроники (10,4 %), радиотехники (8,9 %) и кибернетики (8,1 %). В целом анкетные данные отразили не только разнообразие интересов читателей, но и их стремление быть в курсе научных открытий и общественных процессов.

Также на страницах журнала благодаря специальному разделу «Переписка с читателем» была реализована возможность обсуждения широкого спектра тем между аудиторией и редакцией. Данный раздел представлял собой платформу для выражения мнений, постановки вопросов и обмена практическим опытом. Такой механизм консолидировал читательское сообщество, укрепляя чувство причастности

каждого его участника. Благодаря обратной связи редакция журнала не только поддерживала контакт с читателями, но и имела возможность публиковать материалы, соответствующие их интересам и потребностям.

Научно-художественная литература благодаря уникальному сочетанию научных достижений и человеческих эмоций неизменно вызывала интерес у читателей. В целях удовлетворения интересов аудитории, ориентированной на жанры фантастики и приключений, была введена рубрика «Научно-художественная литература: фантастика и рассказы». В рамках данной рубрики публиковались произведения как советских, так и зарубежных авторов. Например, в выпусках журнала за 1964 г. были опубликованы фрагменты произведений А. Конан Дойля [35; 36]. Эта рубрика вызвала положительную реакцию у читателей: «Был очень рад, увидев в журнале рубрику, посвященную фантастике. С детства увлекался рассказами о всем, что связано с неизученным и неисследованным. Всегда ждал новые рассказы с неожиданными сюжетными поворотами. Спасибо редакции за такой замечательный раздел!» (мужчина, 78 лет); «Давно искал журнал, где можно было бы найти качественные фантастические рассказы. Рубрика в «Науке и жизни» полностью оправдала мои ожидания» (мужчина, 51 год).

Однако не только серьезные произведения находили место на страницах журнала [37; 38]. Неожиданным и приятным сюрпризом для многих читателей стала публикация юморески А. Азимова «Ах, Баттен, Баттен!» в октябрьском выпуске 1970 г. [39]. Юмористические произведения А. Азимова, широко известного представителя научно-фантастической литературы XX в., оказались привлекательными для размещения в данном журнале, позволяя редакции реализовывать просветительские цели и одновременно поддерживать читательский интерес за счет эмоциональной вовлеченности. Такие материалы сделали журнал популярным и востребованным среди любителей литературы всех жанров.

В 1980 г. пост главного редактора издания занял И. К. Лаговский, продолживший работу по обеспечению читателей актуальной информацией о передовых достижениях в сфере науки и технологий. Хотя в журнале стали появляться новые рубрики, такие как «Научные открытия» и «Технологии будущего», которые вызвали большой интерес у читателей, сам журнал стал на путь «консервации» собственной концепции.

В постсоветский период журнал «Наука и жизнь» не был особенно востребован. За несколько лет его тираж сократился почти в 100 раз. «Сейчас у нас такие законы, что доходы не растут с ростом тиража. Интерес к знаниям у читателей падает. И ученые уже не очень-то, как в прежние годы, хотят

рассказывать публике о своих работах. Попса всех переборола»⁷. К концу 1980-х гг. процесс чтения и восприятия литературы в Советском Союзе сильно изменился, что подготовило почву для возникновения после распада СССР в 1991 г. новых куль-

турных реалий (появление свободы публикации, рост массового спроса на детективы, женскую прозу и нон-фикшен), которые в итоге ускорили диверсификацию читательских вкусов и форматов чтения.

Заключение

Лозунг «Досуг должен быть интеллектуальным!» не был простой директивой. Он резонировал с глубоко укоренившимся в советском обществе представлением о ценности образования, науки и личного роста. Журнал «Наука и жизнь» выступал как окно в мир научных открытий и технологических инноваций. Изучение предпочтений читателей позволило провести диахронический анализ изменений в интересах аудитории на протяжении позднесоветского периода. Читатели журнала «Наука и жизнь» проявляли интерес к разнообразным темам – от науки и техники до истории и культуры.

В СССР научно-популярная пресса выполняла двойную функцию: она, с одной стороны, способ-

ствовала формированию индивидуальной научной грамотности, с другой стороны, конструировала коллективный образ советского человека, ориентированного на технологический прогресс. Таким образом, научно-популярная пресса стала ключевым инструментом формирования культурной и интеллектуальной идентичности советского человека.

Проведение дальнейших исследований в этой области может способствовать более глубокому пониманию роли научно-популярных журналов в общественной жизни и степени их влияния на формирование интеллектуальных предпочтений читателей в СССР.

Библиографические ссылки

1. Добрынина НЕ, Троицкая ЕЕ, составители. *Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования*. Москва: Книга; 1968. 343 с.
2. Чубарьян ОС, редактор. *Читательские интересы рабочей молодежи*. Москва: Книга; 1966. 85 с.
3. Чубарьян ОС. *Человек и книга (социальные проблемы чтения)*. Москва: Наука; 1978. 112 с.
4. Сидорова ГП. Советская массовая литература 1960–1980-х гг.: читательские предпочтения. *Общество. Среда. Развитие*. 2010;3:65–69. EDN: NCKBZD.
5. Комиссаров ВВ. Интеллигенция, научно-популярная публицистика и цензура в 1960–80-е годы. *Интеллигенция и мир*. 2017;3:33–52. EDN: ZFRRTV.
6. Глуценко ИВ, Куренный ВА, редакторы. *Время, вперед! Культурная политика в СССР*. Москва: Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»; 2013. 272 с. (Исследования культуры).
7. Ваганов АГ. *Спираль жанра: от «народной науки» до развлекательного бизнеса. История и перспективы популяризации науки в России*. Москва: Ленанд; 2014. 224 с. (Наука в СССР. Через тернии к звездам).
8. Brown D. *Soviet Russian literature since Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. 394 p. DOI: 10.1017/CBO9780511554063.
9. Dzirkals L, Gustafson T, Johnson A. *The media and intra-elite communication in the USSR*. Santa Monica: Rand Corporation; 1982. 137 p.
10. Brine JJ. *Adult readers in the Soviet Union* [dissertation]. Birmingham: University of Birmingham; 1985. 405 p.
11. Трофимов АВ. Концептуальные образы позднесоветской истории. *История и современное мировоззрение*. 2019;1:48–52. EDN: ZCCYJV.
12. Орлов ИБ. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2010. 320 с. EDN: YGDNIP.
13. Фокин АА. Тема повседневности в позднесоветских политических институциональных ритуалах. *Петербургский исторический журнал*. 2020;4:114–122. DOI: 10.51255/2311-603X_2020_4_114.
14. Демичева АС. Анализ больших данных как эмпирический метод научного познания. В: Баранова ЕВ, Володин АЮ, Корниенко СИ, редакторы. *Пятая зимняя школа по гуманитарной информатике; 16–18 декабря 2021 г.; Калининград, Россия*. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта; 2021. с. 3–7. EDN: JOTJMG.
15. Полякова ЕВ, Демичева АС. Метод big data для контент-анализа (на примере регионального СМИ общественно-политической газеты «Вечерняя Уфа»). *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023;9:16. DOI: 10.23670/IRJ.2023.135.19.
16. Холландер П. Досуг: единство развлечений и цели. В: Кассоф А, редактор. *Будущее советского общества*. Выпуск 2. Москва: Прогресс; 1970. 283 с.
17. Аджубей РН. Вспоминая Болховитинова. *Наука и жизнь*. 2012;12:11–13.
18. Давыдов В. Из «окна» МС. *Наука и жизнь*. 1961;9:34–37.
19. Победоносцев ЮА. Триумф советской науки. *Наука и жизнь*. 1957;11:8–11.

⁷Лесков С. Главный редактор журнала «Наука и жизнь» Игорь Лаговский: «Попса переборола интерес к науке» // Известия : электрон. версия газ. URL: <http://izvestia.ru/news/325379> (дата обращения: 14.07.2024).

20. Келдыш Е. Космические исследования. *Наука и жизнь*. 1967;10:76–96.
21. Красовский В. Космическое предместье Земли. *Наука и жизнь*. 1967;3:43–47.
22. Левин Б. Луна: ее геофизика, геохимия, геоэкология. *Наука и жизнь*. 1967;8:48–54.
23. Моисеев Н. На пути к космической эре. *Наука и жизнь*. 1967;10:78–96.
24. Самсоненко Л. Могут ли быть звезды из антивещества? *Наука и жизнь*. 1969;3:61.
25. Феокистов К. Космические корабли. *Наука и жизнь*. 1967;9:40–46.
26. Дольник АГ, редактор-составитель. *Лучшие конструкции 17-й выставки творчества радиолюбителей*. Москва: ДОСААФ; 1963. 172 с. (Лучшие конструкции выставок творчества радиолюбителей).
27. Гришин Н. Радиолюбители – народному хозяйству. *Наука и жизнь*. 1961;9:81–85.
28. Ушаков С. Задачи без сложных расчетов. *Наука и жизнь*. 1963;2:73.
29. Хомченко Г. Степень окисления. *Наука и жизнь*. 1969;5:120–122.
30. Чернышев В, Наринский Г. Азот и кислород заводам плодородия. *Наука и жизнь*. 1964;3:33–35.
31. Старосельский П. Азотная кислота и металлы. *Наука и жизнь*. 1971;6:128.
32. Кузьмина ЕБ, редактор. *Книга и чтение в жизни небольших городов (по материалам исследования чтения и читательских интересов)*. Москва: Книга; 1973. 221 с.
33. Мытько НВ. Обзор исследований по чтению в СССР (1960–1970-е гг.). В: Гриценко ВП, Куценко ИЯ, Саяпина ИА, Улезко БВ, Орлова ЭА, Шулимова ЕА, редакторы. *Социально-гуманитарный вестник. Выпуск 9*. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации; 2011. с. 43–44. EDN: VLUIEZ.
34. Анкета читателей журнала «Наука и жизнь». *Наука и жизнь*. 1963;12:105–106.
35. Конан Дойль А, Карр ДД, Рубин «Абас». *Наука и жизнь*. 1964;3:131–139.
36. Конан Дойль А, Карр ДД. Тайна закрытой комнаты. *Наука и жизнь*. 1964;2:130–136.
37. Марсо Ж. Волк и собака. Файнштейн В, переводчик. *Наука и жизнь*. 1969;3:138–142.
38. Хейердал Т. Разгадка тайн острова Пасхи. *Наука и жизнь*. 1963;12:33–38.
39. Азимов А. Ах, Баттен, Баттен! *Наука и жизнь*. 1970;10:133–139.

Получена 05.09.2024 / исправлена 22.07.2025 / принята 30.12.2025.
Received 05.09.2024 / revised 22.07.2025 / accepted 30.12.2025.

Авторы:

Александр Анатольевич Чернышев – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарных наук¹⁾, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий Института сервиса и отраслевого управления²⁾.

Егор Константинович Карпов – кандидат технических наук, доцент; доцент академического департамента Управления индивидуальных образовательных траекторий.

Елена Александровна Меньш – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарных наук.

Authors:

Aleksandr A. Chernyshev, PhD (history); associate professor at the department of history, Institute of Social Sciences and Humanities^a, and associate professor at the department of humanities and technology, Institute of Service and Industry Management^b.

a.a.chernyshev@utmn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5904-8936>

Egor K. Karpov, PhD (engineering), docent; associate professor at the academic department, Office of Individual Educational Paths.

e.k.karpov@utmn.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4966-8725>

Elena A. Mensh, PhD (pedagogy), docent; associate professor at the department of history, Institute of Social Sciences and Humanities.

e.a.mensh@utmn.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2250-3632>

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 378.4(075.8)

Университетоведение : электрон. учеб.-метод. комплекс для студентов всех специальностей БГУ / О. А. Яновский [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 200 с. : ил. Библиогр.: с. 200. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/337606>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.11.2025, № 014626112025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Университетоведение» предназначен для студентов всех специальностей БГУ. Содержание ЭУМК предполагает изучение различных этапов развития университетов и выработку целостной системы знаний по дисциплине. Курс связан единой концепцией, принципами отбора и преподавания материала. В основу курса положено объективное изучение исторического процесса развития системы высшего образования.

УДК 930.251:004(075.8)

Антонович З. В. Информатизация архивного дела Беларуси : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-02 «Архивное дело» / З. В. Антонович, Е. Э. Попова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 143 с. : ил. Библиогр.: с. 131–133. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/339102>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.12.2025, № 015515122025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-02 «Архивное дело». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Информатизация архивного дела Беларуси». ЭУМК нацелен на формирование компетенций по внедрению и использованию государственными архивными учреждениями Республики Беларусь современных информационных технологий, а также по разработке перспективных направлений их развития. Структура ЭУМК включает теоретический, практический разделы, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Хованский А. В., Пивоварчик С. А.</i> Формирование и деятельность Лидского уездного военного комиссариата (июль – сентябрь 1920 г.).....	5
<i>Квилюкова Е. Н.</i> Татары Беларуси: этнокультурные маркеры и идентичность.....	16

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Мелконян А. А., Аванесян И. Н., Макарян Л. А.</i> Армянские национальные дивизии на Сталинградском и Кавказском фронтах.....	27
<i>Нгуен Тхе Ха, Динь Ван Чонг, Фам Дык Тхоц.</i> Участие социалистических стран во вьетнамской войне: исследование усилий Польши по поддержанию мира (1963–1973).....	35

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Доспанов О. Т., Боймирзаев С. Б., Сафаев М. М.</i> Терракотовые статуэтки из городища Большой Гультурсун: искусство и социальные процессы Правобережного Хорезма.....	47
--	----

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Газиева А. А., Гасанов М. М., Кайгусуз Д.</i> Сталинградская битва на страницах индийской прессы: анализ восприятия события на основе материалов газеты «Bombay Chronicle».....	55
<i>Чернышев А. А., Карпов Е. К., Меньш Е. А.</i> «Досуг должен быть интеллектуальным!»: изучение предпочтений читателей научно-популярных журналов в позднесоветский период на основе материалов журнала «Наука и жизнь».....	63
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	74

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Хаванскі А. В., Піваварчык С. А.</i> Фарміраванне і дзейнасць Лідскага павятовага ваеннага камісарыята (ліпень – верасень 1920 г.).....	5
<i>Квілінкова Л. М.</i> Татары Беларусі: этнакультурныя маркеры і ідэнтычнасць.....	16

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Мелканян А. А., Аванесян І. М., Макаран Л. А.</i> Армянскія нацыянальныя дывізіі на Сталінградскім і Каўказскім франтах.....	27
<i>Нгуен Тхе Ха, Дзінь Ван Чонг, Фам Дык Тхоц.</i> Удзел сацыялістычных краін у в'етнамскай вайне: даследаванне намаганняў Польшчы па падтрыманні міру (1963–1973).....	35

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Даспанаў А. Т., Боймірзаеў С. Б., Сафаеў М. М.</i> Тэракотаваыя статуэткі з гарадзішча Вялікі Гульдурсун: мастацтва і сацыяльныя працэсы Правабярэжнага Харэзма.....	47
---	----

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

<i>Газіева А. А., Гасанаў М. М., Кайгусуз Д.</i> Сталінградская бітва на старонках індыйскай прэсы: аналіз успрымання падзеі на аснове матэрыялаў газеты «Bombay Chronicle».....	55
<i>Чарнышоў А. А., Карпаў Я. К., Мениш А. А.</i> «Вольны час павінен быць інтэлектуальным!»: вывучэнне пераваг чытачоў навукова-папулярных часопісаў у познасавецкі перыяд на аснове матэрыялаў часопіса «Навука і жыццё».....	63
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	74

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Khavanski A. V., Pivavarchyk S. A.</i> The formation and activities of the Lidsk District Military Registration and Enlistment Office (July – September 1920).....	5
<i>Kvilinkova E. N.</i> Tatars of Belarus: ethnocultural markers and identity.....	16

WORLD HISTORY

<i>Melkonyan A. A., Avanesyan I. N., Makaryan L. A.</i> Armenian national divisions on the Stalingrad and Caucasian fronts.....	27
<i>Nguyen The Ha, Dinh Van Trong, Pham Duc Tho.</i> The involvement of socialist countries in the Vietnam War: a case study of Poland's efforts in peacekeeping (1963–1973).....	35

ARCHAEOLOGY

<i>Dospanov O. T., Boymirzaev S. B., Safaev M. M.</i> Terracotta statuettes from the Great Guldursun settlement: art and social processes of the Right Bank Khorezm.....	47
--	----

SOURCE STUDIES

<i>Gazieva A. A., Gasanov M. M., Kaygusuz C.</i> The Battle of Stalingrad on the pages of the Indian press: analysis of the perception of the event based on the newspaper «Bombay Chronicle» materials.....	55
<i>Chernyshev A. A., Karpov E. K., Mensh E. A.</i> «Leisure should be intellectual!»: studying the preferences of popular science journals readers in the late Soviet period based on the journal «Nauka i zhizn'» materials.....	63
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	74

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 1. 2026**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 1. 2026**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы С. Р. Пинчук, А. С. Люкевич
Технический редактор М. А. Панкратова
Корректор С. Р. Пинчук

Подписано в печать 30.01.2026.
Тираж 25 экз.

© БГУ, 2026

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 1. 2026**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors S. R. Pinchuk, A. S. Lyukevich
Technical editor M. A. Pankratova
Proofreader S. R. Pinchuk

Signed print 30.01.2026.
Edition 25 copies.

© BSU, 2026